НОВАЯ ПОЛЬША

№10(145) 2012

ЗБИГНЕВ ХОЛДЫС ВОСПОМИНАНИЯ О МАРЕКЕ КОТАНСКОМ

АДАМ ДАНИЭЛЬ РОТФЕЛЬД ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА В ХРАМЕ

ИОАННА СОЛЬСКАЯ НА ЧТО ПОШЛИ 300 МИЛЛИАРДОВ?

СТЕФАН ТРЕУГУТТ БОНАПАРТ КАК ГЕРОЙ РОМАНТИЗМА

ИЗ ПИСЕМ АЛЕКСАНДРА ВАТА ЮЗЕФУ ЧАПСКОМУ

КАРОЛЬ МОДЗЕЛЕВСКИЙ О ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА — И СВОЕЙ

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Вы можете подписаться на «Новую Польшу», перечислив деньги на наш счет и отправив нам по почте, факсу или электронной почте копию подтверждения оплаты с пометкой: *prenumerata.*

Деньги просим перечислять на счет издателя «Новой Польши»:
Instytut Książki
ul. Szczepańska 1
31-011 Kraków

Подписка в Польше:
Название банка: BANK MILLENNIUM S.A.
Номер счета: PL79 1160 2202 0000 0000 4272 2741
Цена 1 экз. — 8 зл.
Цена годовой подписки — 96 зл.

Подписка за границей:
Название банка: BANK MILLENNIUM S.A.
Номер счета: PL79 1160 2202 0000 0000 4272 2741
SWIFT CODE: BIGBPLPW
Цена годовой подписки — 70 евро или 100 долларов

Информация о подписке за границей:
Тел. +48 22 608-27-95
Факс: +48 22 608-25-05
e-mail: nowpol@instytutksiazki.pl

Информация о подписке в Польше:
Тел./факс: 22 608-24-88, 22 608-23-74
e-mail: czaspatron@instytutksiazki.pl

НОВАЯ ПОЛЬША

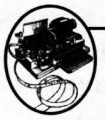
№ 10 (145)
2012
октябрь

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

КОШМАРНОЕ ЭХО ИСТОРИИ 3
Беседа с Марианом Пилотом

КАК ХАМ С ХАМОМ 9
Беседа с Мацеем Шайковским



Виктор Кулерский 13
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА В ХРАМЕ 21
Беседа с Адамом Д. Ротфельдом

Збигнев Холдыс 24
СМЕРТЬ ТИТАНА

Иоанна Сольская 26
С ТОЛКОМ И БЕЗ ТОЛКУ.
НА ЧТО МЫ ТРАТИМ ДЕНЬГИ ИЗ ЕС?

Мацей Новицкий 33
ПОЛЬША ЗАМЕТНО МЕНЯЕТСЯ

Стефан Треугутт 36
НАПОЛЕОН БОНАПАРТ
КАК ГЕРОЙ ПОЛЬСКОГО РОМАНТИЗМА

В ЕДВАБНЕ ТИШИНУ НАРУШАЛ ЛИШЬ ЛАЙ СОБАК 40
Беседа с Анной Биконт

Эва Липская 45
ДОРОГАЯ ПАНИ ШУБЕРТ
(Отрывки из книги)

Эльжбета Савицкая 47
КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Малгожата Шпаковская 51
ПИСАТЕЛЬСКИЙ ДИАЛОГ

Гжегож Пшебинда 57
ЧИТАЯ ВАТА

Александр Ват 62
О РОССИИ

ИСКУССТВО ЖИЗНИ 64
Беседа с Мареком Келлером

Лешек Шаруга 68
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Я СЕБЯ ПОЧУВСТВОВАЛ НЕ РОССИЯНИНОМ, 71
А ИМЕННО РУССКИМ...
Беседа с Каролем Модзелевским

Переводчики: Е. Гендель, Н. Горбаневская, Н. Кузнецов, С. Политыко, Е. Соколова, Е. Шиманская
© Фото: Agencja Gazeta (стр. 24), Archiwum Marka Kellera (стр. 64), E. Lempp (стр. 8)

Редакционный совет
Стефан Братковский
Генрик Возняковский
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

Редколлегия
Элиза Вольская
Наталья Горбаневская
Галина Дубик
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Петр Мицнер ***(зам. гл. редактора)***
Евангелина Скалинская
(секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих
(зам. гл. редактора, секретарь редакции)
Эльжбета Савицкая
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Паулина Зеленая

Адрес редакции
INSTYTUT KSIĄŻKI
al.Niepodległości 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: **(22) 608 27 95; 608 25 65**
факс: **(22) 608 25 05; 608 27 96**
e-mail: **nowpol@instytutksiazki.pl**
Информация о журнале для стран СНГ
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская, д.15, кв.49
тел: **621-41-42**
e-mail: **mic@inbox.ru**

Журнал издается по поручению Министра Культуры и Национального Наследия Республики Польша
WYDAWCA:
Instytut Książki, 31-011 Kraków
DZIAŁ WYDAWNICTW:
al. Niepodległości 213, 02-086 Warszawa
tel/fax (22) 608 24 88
Тираж 4700 экз.

КОШМАРНОЕ ЭХО ИСТОРИИ

С писателем Марианом Пилотом беседует Гжегож Срочинский

Мариан Пилот: Вот, наслушался вчера в поезде! Подсаживается в мое купе один такой крепыш, на взгляд главный бухгалтер. Может, торговец, какой-нибудь маркетолог. Интеллигент, одним словом, разговорчивый, контактный, душа нараспашку. Заговорили о Едвабне. Он говорит: «Столько шумят из-за сарая. А это не поляки подожгли. Это крестьяне».

— Он развил эту мысль?

— «Я, уважаемый, из этих мест, там люди правду знают. Поляк к чему-то такому руку бы не приложил. А крестьянину дать спичку — и готово несчастье. Вот эти хамы немытые, темная сволочь из деревни устроила народу позор на весь мир». Одним словом, крестьянин — не поляк. Может, даже не человек.

— И откуда это?

— Из истории. Кошмарное эхо теорий XVII века. Поляк — это шляхтич, ведущий род от племени сарматов, которые в незапамятные времена населили край над Вислой и закабалили побежденный народ. Полная чепуха, но с какой силой воздействия! Вооруженная сарматской верой шляхта смогла затерроризировать подданных, доведя их до уровня рабов, собственно «хлопов» — в русском языке и сегодня есть слово «холоп» в том же значении. Сарматское порабощение превосходило любое воображение. Насилие над крестьянином, угнетение — не скажу польского крестьянина, у крестьянина не было даже никакой национальности — было буквально безграничным.

Такое у нас было государство: какие-то десять процентов сарматской шляхты и девяносто процентов крестьян, подавленных и униженных больше, чем илоты в Спарте.

— Потому что крестьянин и шляхтич — разной крови.

— Другая раса. Крестьянин, в сущности, был на положении животного. Барин имел право своего холопа убить, как свою собаку. Сам король не мог ему этого запретить. Если не убивал, то потому, что крестьянин был бесценным рабочим волом. Надо было подрезать ему сухожилия, чтобы не смог убежать.

— С подрезанными сухожилиями нельзя работать в поле.

— Лучше хромой работник, чем никакой. Из сарматского рабства нельзя было освободиться иначе, как через побег, в XVII веке Польша обезлюдела, настолько повсеместным было крестьянское бегство. Несмотря на то что побег мог караться смертью. Как кто-то сказал, Речь Посполитая была государством безграничной воли для одних и безграничной неволи для других. Меня потряс этот бухгалтер из поезда, такой невероятный сарматский реликт.

— Вы читали «Азбуку лемминга» в «Уважам же»?

— Я что-то слышал об этом тексте. Кажется, там есть причитания, что народ, вместо того чтобы отправиться в Смоленск, предпочитает летать в отпуск в Египет.

— «Лемминги» — это поклонники Каси Цихопек, тефтелек в «ИКЕА» и «Гражданской платформы». Закомплексованная деревенщина, понаехавшая в Варшаву и занятая деланием карьеры: «В длинный уикенд варшавский район Вилянув пустеет. Жители едут за яйцами и курами к родителям в деревню, например в Парчев».

— Ха-ха. Конечно, страшный грех. А что тогда делают все, кто за яйцами не поехал?

— «Корпорация — это место работы, где, по счастью, почти все — тоже из деревни».

— Тот же самый сарматский стандарт. С одной стороны — эти лемминги, неумные, жадные, лишенные всяких чувств подонки и хамы, которые изо дня в день пашут в поте лица, как тот холоп на барщине, в каких-то там корпорациях или еще где. С другой стороны — стоящие с оружием наизготовку Поляки, всегда готовые к патриотическому порыву, модель которого — Варшавское восстание.

— Вы любите крестьянскую партию [ПСЛ — Польске стронництво людове]?

— Средне.

— Молодой деятель крестьянской партии идет на собеседование в министерство сельского хозяйства. «Почему вы хотите работать именно здесь?» — «Ну, папа!..» Смешно?

— Это откуда?

— Политики «Гражданской платформы» рассказывают этот анекдот в Сейме. Вашему бухгалтеру понравилось бы?

— О, конечно! Это утвердило бы его во взглядах. И не только его. Всем известно, что крестьянство склонно только к взяткам, кумовству и разным другим малосимпатичным махинациям. Уже много лет царит убеждение, в том числе в прессе, что хотя почти все политики нечисты на руку, но вот в Крестьянской партии — особые мастера.

— Разве нет?

— Всяко бывает.

— В крестьянской партии это давно.

— Потому что это единственная настоящая партия власти в Польше. Самая большая выгода от власти всегда у того, кто правит. А у нас, по большому счету, правит крестьянская партия. В самых разных комбинациях ее представители у власти, с самого начала, почти в каждой команде. Когда присоединятся к демократам, когда — к «Унии свободы», когда — к «Платформе». Как только бросят Миллера — и нет Миллера. Бросят Туска — не будет Туска. У них самый большой опыт в этой игре, и они лучше других используют свои кресла.

— Вот это и плохо.

— Я не говорю, что хорошо, что плохо, — я говорю, как есть. Почему у них такая поддержка в провинции? Потому что если кто-то смотрит из Семячичей или Парчева, то видит, за кого надо стоять и кто крепок. Они у власти стационарно, а остальные амбулаторно. Другая партия даст кресло, а потом пропадет, а следующая партия кресло заберет.

Крестьянская партия — единственная, пережившая крах ПНР. Буковку в названии изменили... и гимн. Знаменательная перемена, даже забавная. В ПНР по-бунтарски пели: «Когда народ шел в бой с оружием, господа искали выгоды». А сейчас уже, как и все, поют добропорядочную патриотическую песню, чтобы случайно кого-то не обидеть. Как положено партии власти.

— Укоренились. И что с того?

— Для копошащихся где-то далеко от Варшавы это основное достоинство. Они укоренены. Их не сдвинешь, они во все стороны разрослись. Туск должен ехать в Парчев или Тчев специальным автобусом. А они уже там. Их туда никто не должен привозить. И они самые стабильные — именно потому, что здешние. Если я тут испокон веку и что-то значу, то забочусь о том, чтобы и дальше значить. Если кто-то ко мне придет, что-то ему надо — я устрою или хотя бы пообещаю; такое обещание — это тоже ценность. Все остальные — ну, может, за исключением ксендза — что-то парообразное. И вообще плохо связаны с действительностью.

— Ксендз, крестьянская партия и добровольная пожарная дружина — это то, что стабильно в провинции?

— Да. А всё остальное колеблется, то с «Унией свободы», то с «Солидарностью», «Платформой» или «Правом и справедливостью». Партии исчезают, прежде чем начнут выполнять свои прекрасные обещания.

— И есть какая-то ценность в такой прочности?

— Есть. Не абсолютная, конечно, — убогая, влекущая много дурного; но это ценность. Деревня в период преобразований крепко получила под зад. А эта крестьянская партия, скоренько переделанная из прокоммунистической, порочная, жадная, всё же как-то положение стабилизировала. Для крестьянина это важно — стабильность. Чтобы было к кому пойти в случае чего. Начальник пожарной охраны знает председателя, председатель — депутата. Бесценно! В случае чего, может быть, помогут. А кто же другой? Так всё и идет. Деревню оставили на произвол судьбы, госхозы были обречены на гибель. Люди стали грязью. Или эти несчастные крестьянские кассы социального страхования

— КРУС. С точки зрения социальной справедливости, это плохая система — махинации, злоупотребления. Каждый третий таксист, если его спросишь, КРУС нахваливает. «Без КРУСа далеко не уедешь», — заявляет на голубом глазу. А ведь не только таксисты сумели кассами попользоваться. Конечно, это предосудительно. Но в тощие девяностые кассы были спасением, целые деревни благодаря им жили. Кое-где так и по сей день.

— Патология крестьянской партии — это цена, которую мы платим за внешнюю стабильность деревни?

— В определенном смысле. Что деревня услышала в девяностые годы? — «Сами выпутывайтесь!»

— Это все услышали.

— Еще бы! И выпутывались, как умели, как всегда люди на селе управлялись: у каждого где-то кум, сват, брат, который поможет, ежели чего. И даже заранее, при случае.

— Рассаживать членов семьи и родственников по всем возможным креслам — это крестьянское?

— Крестьяне разные. Вы замечали, какие разные в Польше бывают заборы? У восточной границы, скажем, возле Хрубешува, крестьянские дворы вообще не огорожены. Есть изба, сарай — и стоят себе спокойно среди поля. Чем дальше на запад, тем чаще и тем солиднее заборы: плетни, деревянные ограды. Потом уже порядочные заборы, с солидными воротами. А доберемся до Опольского воеводства — там любой забор как крепость, ничего не видно за дощатой или каменной стеной. В этом проявляются большие культурные различия. Один крестьянин гостеприимный, открытый: «Пожалуйста, пожалуйста, заходите». Белорусы — хоть к ране прикладывай. Все одинаково бедны, но довольны жизнью. Всё открыто, собака ластится, потому что никогда не сидела на цепи и ей особенно нечего сторожить. А вот познанское или опольское кумовство, конечно, более тесное, просто потому, что у людей есть что охранять. А чтобы эффективно охранять, надо иметь хорошие, разветвленные связи.

— Зачем?

— За этим стоит вековой опыт. Приведу крайний пример одной уловки, распространенной в силезском пограничье или в Познанском воеводстве и, наверное, не только там. Во время оккупации один человек из семьи записывался в фольксдойчи. Остальные — Боже упаси! Этот семейный фольксдойч был обязан договариваться с немцами в случае опасности, которая грозила кому-то из семьи. После прихода русских кто-то другой безотлагательно записывался в коммунисты, да и всюду, куда удавалось записаться. У этого партийного тоже была под охраной семья, с фольксдойчем в первых рядах. Вот такие простые хитрости простых людей, которым большая история каждую минуту может уготовать погибель.

— Вы это осуждаете?

— Не знаю, насколько этот пример достоин подражания. Вопрос жизненной философии: одни полагают, что всё надо поставить на кон, а другие — нет.

— А о чем думает крестьянин?

— Выжить. Не даться. Выкручиваться, притворяться. Быть. Любой ценой.

— А что плохого в этом «выжить»?

— Ничего. При условии, что вы установите для себя границы и при случае не продадите ближнего. Например, не донесете. К сожалению, если именно биологическая мотивация становится определяющей, легко докатиться до свинства. Коготок увяз — всей птичке пропасть.

— Лех Валенса сказал недавно: «Деревенские люди думают практически, опираются на своих, проверенных, на дядю, на соседей».

— Конечно же. Я бы это назвал элементарной хитростью, как в примере с фольксдойчем и коммунистом. Крестьянин боится изоляции. Отсутствия опоры, связей, принадлежности. Ибо если он будет один, его сразу же не станет. Погибнет. Поэтому он делает все, чтобы укорениться, укрепиться, заслониться семьей.

— Но ведь крестьянин и так укоренен. Он обычно живет в одном месте всю жизнь. Зачем ему в Варшаве этот родственник при должности?

— Почему вы думаете, что деревня такая буколическая? В деревне множество интересов: у одних — одни, у других — другие, совершенно противоположные. Вот, к примеру, спорный кусочек надела. Кто пойдет к войту? Чью сторону примет правление? Надо иметь где-то там наверху родственника, чтобы в случае чего заступился.

Правда, когда-то, не так уж, впрочем, и давно, каких-то полвека назад, крестьянин в своем селе жил всю жизнь. Раз в неделю-две ездил на базар в ближайший городок. На престольный праздник — это уже ого-го куда! Самая дальняя точка — Ченстохова.

И бывало так, что в двух соседних деревнях, разделенных только лесом, была разная лексика, почти что разный язык. Одна была ближе к реке, другая — на возвышенности, на песках. Одна богатая, другая бедная. Одни презирали других, могли годами не контактировать друг с другом. И ни один хозяин из деревни над рекой никогда не позволил бы дочери выйти замуж за голодранца.

В таком закрытом котле спор о меже может вариться и сто лет, переходить от поколения к поколению. Эти — лучшие, те — похуже, а еще другие — полные хамы, потому что и хамы не могли не иметь своих собственных хамов. И может оказаться, что станешь хамом среди хамов. Если не обставишься родственниками, то ни пан, ни ксендз, ни суд не помогут. Только семья, только родня. Потому что все время кто-то косится на этот кусочек земли, на отрезок межи, на мою собственность. Вся история научила крестьянина, что он должен всего и отовсюду бояться. Так что наша деревня была веселой и мирной только в пасторалях, да и то стихотворных.

И есть что-то такое во всем нашем народе, такой атавизм: непреодолимый подсознательный страх лишиться опоры. Люди инстинктивно ее ищут, потому что вот-вот что-то может случиться. Ибо когда же это было спокойно? Сначала война, одна, вторая. Потом новая власть и страх, что всё заберут. Наконец, свободный рынок и «выкручивайтесь сами». Никогда ниоткуда никакой помощи, кроме как от Господа Бога и семьи.

— Лемминги, по мнению «Уважам же», обладают еще одной отвратительной чертой: стыдятся этого своего Парчева. Притворяются большими господами.

— Да, вот это правда. Мы крестьянский народ, члены которого в большинстве никогда не имели ничего общего ни с какой деревней и ни с каким крестьянством. Все неведомо когда превратились в потомков окраинной шляхты или, на худой конец, варшавских повстанцев.

— А если вы видите на ком-то перстень с гербом, это смешно?

— Я вообще добродушен и всегда думаю, что этот кто-то имеет право на герб.

— А зачем это демонстрируют?

— Не знаю, никогда не спрашивал.

— А зачем мы притворяемся? Почему мы стыдимся Парчева?

— Здесь мы должны вернуться к нашему бухгалтеру и сарматам, глашатаем которых был Валериан Неканда Трепка, автор невероятной книги, известной под названием «Liber chamorum». Это доносы на самозваных шляхтичей, старательно собиравшиеся Некандой в течение целых тридцати лет.

Невероятное произведение — пульсирующее жизнью, написанное обиходным языком своего времени, свободным, полным вульгаризмов и ругательств, увлекательный роман, две с лишним тысячи героев которого стремятся к одному — затесаться в шляхетское звание. Как раньше говорилось, у крестьянина был только один путь спастись от угнетения — побег. Кто мог, убегал в Силезию, на Украину. Другие же освобождались из неволи, покупая себе шляхетские бумаги, роднясь с каким-нибудь захудалым шляхтичем. Как раз эти люди — герои книги Неканды. Они ее боялись как огня, они и их потомки. Жили в постоянном страхе разоблачения.

— Зачем Неканда их выявлял?

— Во славу и чистоту сарматской Речи Посполитой. Такая была идея у сармата исконного и несомненного. Но были и другие специалисты, которые извлекали из этого доход. Процедура была такая. Если ты пришел к выводу, что сосед подделывается под шляхтича, можешь направиться в суд, представить доказательства и в награду получить землю.

— Как Неканда выискивал этих «хамов»?

— Исходил все дороги Речи Посполитой, подслушивал в поместьях, постоялых дворах, корчмах и борделях, получал доклады от своих шпионов и наушников, покупал информацию. И разоблачал. Вписывал фамилию в «Книгу хамов» вместе с сопутствующими сплетнями и анекдотами. Это была самая ненавидимая шляхтой книга. Самые благородные роды трепетали в страхе перед доносом Неканды. Не было ничего более позорного, чем найти свое имя в его книге: это означало, что ты из хамов, что твое столь достойное и гордое имя лишается всего блеска.

Сегодня все самозванцы. Стали притворяться народом господ. Барщинный народ превратился в бар. Мотивы могут быть похожи: я вырвался из деревенщины и должен следить, чтобы меня не разоблачили как хама.

— «Мариан Пилот представляет в польской литературе деревенское направление». Вас раздражает, что так пишут?

— Это правильное определение. Крестьянская культура — это моя первая, азбучная культура, естественная подпочва моего писательства. И меня очень радует, что сегодня совсем молодые люди не только признаются в своем крестьянском происхождении, но и афишируют это и поднимают бунт от имени своих униженных и оскорбленных предков. Это невероятное изменение сознания. Я был на спектакле «Во имя Якуба Ш.» с дуэтом Стшемпки и Демирского. Дух Якуба Шели витал над сценой и провозглашал: «Вы все из хамов», — а варшавяне кричали: «Браво!» Впечатляет. Что-то произошло, что-то изменилось, и как-то приятнее быть сегодня писателем-деревенщиком.

— Вы когда-нибудь стеснялись своего крестьянского происхождения?

— В университете в пятидесятые годы я этого не афишировал.

— Почему?

— Я учился на журналистике, много студентов из деревни, из разных регионов, я из Познанского воеводства, а многие — с востока, из Белостоцкого, из-за Буга. Еще более неотесанные, чем я. Некоторые — фанатичные сталинисты. Я от них отстранялся, больше дружил с евреями, их тоже было много на факультете, они мне импонировали.

— Вы тогда любили деревню?

— Ненавидел.

— Почему?

— Я хотел любой ценой вырваться из этой трясины, грязи, беспросветной бедности и безнадежной бесконечной работы.

— И для этого нужна была ненависть?

— Да. Дам хороший пример: литовец, чтобы стать литовцем, должен был возненавидеть Польшу и все польское. Потому что Литва так глубоко была погружена в польскость, в нашу культуру, язык, что без сильных эмоций нельзя было из этого колодца выбраться. Чтобы выбраться из деревни, я тоже должен был ее возненавидеть. Я был полностью в это погружен. Все с детства мне говорили, что мне на роду написана деревня, ковыряться на этом семейном кусочке земли. Нет! Ненависть давала мне силу.

— Что говорил отец?

— Что раз уж так, то слесарь — это солидная профессия. Учиться? Чистая фанаберия.

— Что было в деревне?

— Как я говорил, работа. С утра до вечера.

— Коров пасли?

— Это я как раз любил. Хорошая работа.

— А плохая?

— Молоть цепом. Пахать на коровах.

— На коровах?

— У родителей было маленькое хозяйство. Градация на селе лет шестьдесят назад выглядела так: «козяры» не имели ничего, только коз. «Коровяры» — у них были коровы. Высший ранг — это лошадники, владельцев лошадей было немного. Мы были коровяры. На лошадь мы не тянули. Коров пасли, их доили и использовали в упряжке для полевых работ. Этого они ужасно не любили — так же, как и я.

— Нужно ли возненавидеть собственные корни, чтобы были силы для побега?

— Да. Может быть, именно поэтому новый польский средний класс стыдится своего крестьянского происхождения и крестьянства не любит. Из страха, что если полюбит деревню, то мотор заглохнет, мотивация для карьеры ослабнет. И придется вернуться от мониторов корпораций на загаженный двор.

— Когда вы смирились с крестьянином в себе?

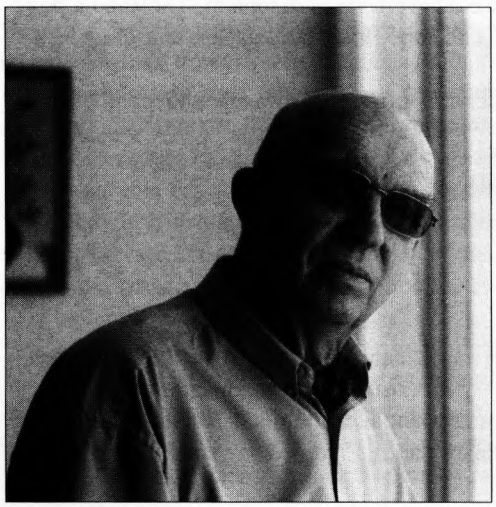
— Еще в университете. Журналистика оказалась скукой, нам долбили политэкономию социализма и «Краткий курс истории ВКП(б)». Я просиживал в библиотеке над Гомбровичем и Шульцем. Но так случилось, что замдеканом на нашем факультете стал изгнанный из Франции коммунист. Он был слегка ошеломлен видом нашего социализма на стройке. Теория явно не согласовывалась у него с практикой. Он пробовал понять, что здесь на самом деле происходит, узнать то и это. Случайно получилось, что он напал на меня — или я на него. И он нашел наивного, но искреннего информатора, а я — ментора. Он тосковал по Франции, в которую не мог вернуться, и рассказывал о ней без конца. В том числе о Бретани и тамошней деревне, обычаях, людях. Хочешь не хочешь, но и я должен был рассказывать о своей деревне. Не мог же я всё время рассказывать о грязи и навозе! Так что должен был вспоминать разные разности, какие-то свадьбы, дожинки и весь этот крестьянский обиход. Неожиданно я осознал, что этот наш деревенский мир так же прекрасен, как и тот, далекий. бретонский. Я задумался над вопросом языка. Бретонцы свой говор хранили, лелеяли. Я свой не выносил. Я все время следил, чтобы у меня в речи не проскользнули деревенские словечки.

— Какие, например?

— Я говорил «чеба» вместо «тшеба» (надо). Одно маленькое слово, а из-за него тут же можно было оказаться занесенным в список хамов! Я старался как мог. А из-за бретонцев начал сомневаться во всех этих языковых правильностях. И беречь этот свой родной говор уже поздно, никто так уже не говорит.

— Почему все мечтают вырваться из деревни, вместо того чтобы сделать там жизнь сносной?

— Сносной? Это трудно. Часто чрезвычайно трудно. Я, бывает, вспоминаю ближайших друзей детства, тех, кто в нашей родной деревне остался. Их уже двадцать лет нет на свете. Один умер от туберкулеза. Много лет беспрерывно болел, кашлял, отхаркивался, к врачу не ходил: жалко времени, работа ждет. В конце концов отвезли его в больницу, обратно уже не привезли. Второй пил немного, потом больше, а в конце допился до смерти. А третий из этой колоды — это я. Сбежал и живу.



Мариан Пилот (1936 г.р.) ни в ПНР, ни в новой Польше не был любимцем публики и критики. Возле его фамилии чаще всего стоит определение «деревенская проза». Дебютировал в 60-е годы сборником рассказов «Щербатые девицы». Был журналистом и редактором (в частности, в журнале «На пшелай» [«Напрямик»] и на Польском телевидении). В прошлом году за роман «Плюмаж» (действие разворачивается в Седликове, родном селе писателя) получил премию «Нике».

КАК ХАМ С ХАМОМ

С Мацеем Шайковским, музыкантом, лидером группы R.U.T.A., новый диск которого «R.U.T.A. На Ўсход» вышел недавно, беседует Роман Павловский

— Ты хам?

— Конечно. Раз я обращаюсь к деревенской музыке, то едва ли может быть иначе.

А вообще-то мои родители и деды — горожане. В деревне я бывал только проездом. У меня не было никаких контактов с деревней, и никого у меня там не было.

— Тогда откуда интерес к деревенской музыке?

— Еще со студенческих музыкально-этнографических экспедиций. Деревня стала для меня открытием Атлантиды, погибшей мифической земли. Меня захватила музыка. А еще — встречи с деревенскими музыкантами. Моими первыми учителями были музыканты из Оравы, в особенности Людвик Млынарчик из деревни Кичоры, пчеловод, скрипичный мастер, солтыс, учитель, феноменальный человек, одаренный невероятным голосом, напоминающим диапазон певцов из индийского Раджастхана.

— И вы сходу занялись музыкой хамов, потому что она вам напомнила индийскую музыку?

— Форма этой музыки, ее дикость и энергия в течение долгих лет были для меня самым главным. А ее социальную основу я узнал во время следующих вылазок. Слушал воспоминания музыкантов о том, как плохо было раньше при барине. Те, кто об этом рассказывал, еще детьми работали на помещика, крепостничества уже не было, но оставалась экономическая зависимость. Я не поднимал тогда эту тему, меня интересовала музыка. Они, впрочем, тоже не хотели ее развивать, говорили: да чего об этом!

— Когда ты открыл, что наряду с музыкальной традицией крестьян существует крестьянская традиция социальной неправды?

— Переломным стало чтение «Истории польских крестьян» Александра Свентоховского. И замечательные исследования Быстроня, Северына, Котули, Бурштыи, воспоминания Бойко и Витоса, работа Людвика Стоммы «Народные поверья поляков». Я понял, что мы питались великодержавными иллюзиями, упивались мегаломанским полетом, прямо перья из зада, а тут произошло жесткое приземление. Оказалось, что в Польше веками существует привитая многим поколениям система рабства, которая опиралась на непосильный труд и эксплуатацию. Крестьяне были исключены из национальной общности. То, как относились к ним в течение четырехсот лет, эффективно выбило из их голов польское национальное сознание. Именно поэтому в XIX веке терпели поражение восстания. Крестьянство не принимало в них участия, не отождествляло себя с интересами господ.

Это идет из глубокого прошлого. У Свентоховского есть описание парада войск Собеского накануне Венской битвы. Польский король демонстрирует европейским князьям свои полки. За рыцарями в латах идут крестьяне, одетые в тряпье, полуголые, чумазые, заморенные, вооруженные только палками. «А это кто?» — спрашивают князья. И сконфуженный Собеский делает такой фортель: «Это лучшие из лучших, наши добрые поселяне, которые поклялись, что донага разденут врагов, поэтому дефилируют полуголыми». Правда же была в том, что забрили их силой, не дали ни мундиров, ни оружия. У крестьянина не было национального сознания, он был рабом. Даже после отмены крепостного права его удерживали в этом состоянии. В начале XX века, когда в Галиции возникло национальное движение, ксендзы с амвонов обличали просветительскую деятельность, видя в ней угрозу традиционной социальной структуре. Ибо крестьянин мог захотеть читать Библию и сравнивать то, что он прочел, с тем, что видит изо дня в день: обман, лицемерие, эксплуатацию, несправедливость, зло. Лучше, чтобы он и дальше оставался темным.

— Как вы нашли первые песни бунта?

— В девяностые годы мы открыли с «Капеллой из деревни Варшава» песню «Журавли»: «Возвращайтесь, дети, домой / И не служите никому». Она у нас хорошо пелась, мы видели в ней некий призыв к свободе. В 2003 г. мы начали сотрудничать с Марцином Лицвинко и его группой из Липска

на Бебже. Мы записали диск «Искоренение». Лицвинко пригласил нас в Липск и познакомил с песней «Вытоптал»: «Вытоптал жито / о пане не думал / если б пан о нас думал / мы были бы с житом». Это история крестьянина, который из мести уничтожает посевы, потому что барин о нем не заботится. Мы включили песню в репертуар «Капеллы». Это был очередной этап.

Следующим шагом было серьезное изучение Кольберга. Мы открывали всё новые и новые бунтарские песни: «Не боюсь я ни пана, ни господина / возьму топорик, порублю ему кости». Правда, тогда эти песни показались мне сермяжными. Я сказал: нет, это разрушает мой сельский мир, мой фолк, в котором я ищу отдохновения и умиротворения. Только позже до меня дошло, что надо этот пасторальный мир разрушить, показать, что было под спудом.

— Для многих поклонников традиционной деревенской музыки первый диск «R.U.T.A.» «Горит!», в котором были песни в панковских аранжировках, стал потрясением. Мало кто думал, что в деревенской музыке может таиться такой потенциал анархии и бунта. Как получилось, что при моде на фолк антикрепостнические песни оставались до той поры малоизвестными?

— Может быть, потому что они не встречались повсеместно, как урожайные или свадебные? В некоторых местах за их исполнение грозило наказание: в лучшем случае кнут, дыба или колодки, в худшем — виселица. Во многих польских поместьях стояли виселицы, которые должны были напоминать крестьянину, что его ждет, если будет бунтовать. Существовала целая система наказаний крестьян за неповиновение, весьма подробно описанная в книгах по ведению помещичьего хозяйства. Наказуема была даже мысль о бунте, ибо бунт чаще всего означал бегство крестьян из поместий. А побег крестьянина — это ущерб господину: меньше рабочих рук, меньше урожай, меньше доход. Интересно, что больше всего бунтарских песен сохранилось в местах, где крепостное право было менее тягостным и где возникали островки свободы: в Подгалье, в Курпе, в горных и лесных поселениях Подкарпатья и Бескидов.

— Крепостное право — это уже история полуторавековой давности. Крестьяне сейчас полноправные граждане, у них собственные политические организации, они в правительстве. Зачем сегодня возвращаться к теме крепостного права?

— Хотя бы затем, чтобы понять казус крестьянина в правительстве: почему он так податлив на кумовство, коррупцию, почему завладевает страной, смотрит на нее как на поместье, почему в Польше такое глубокое политическое и общественное разделение, откуда это идет? Обращаясь к песням бунта и неволи времен крепостничества, мы указываем некую прапричину, коренящуюся в физическом и духовном порабощении, которое длилось четыре века. 123 года неволи при разделах и пятьдесят лет коммунизма принесли огромные опустошения, но эти четыре столетия углубляющегося крепостничества, отсчитывая с конца XVI века, оставили огромную рану в душе народа. Если ксендз Юзеф Тишнер вслед за Александром Зиновьевым говорил о феномене homo sovieticus, мы говорим о homo feudalus, порабощенном во многих поколениях, который, как писал Веслав Мысливский, рождается без главного императива человеческого бытия — без надежды. Он уже знает, что осужден на эту дыбу, на эту пахоту, что никогда не сможет сменить свою работу на что-то другое. Он прикован к земле и работе для кого-то. И ничего от этого ни для себя, ни для своей семьи никогда не будет иметь. Что-то жуткое. Это глубоко сидит в поляках.

Я под сильным впечатлением от суждения профессора Яцека Василевского, который в недавней беседе для журнала «Знак» переносит крепостное право на современный образ жизни, нынешнее бешеное потребительство. Он сказал, что страсть к обладанию в поляках — это следствие не экономики свободного рынка, ибо его не было, а крестьянской ментальности: необходимо копить добро, ибо никогда не известно, что будет.

— Моника Стшемпка и Павел Демирский показали в варшавском Драматическом театре спектакль «Во имя Якуба Ш.», где Шеля возвращается в современную Польшу, чтобы подбить потомков крестьян на бунт, на этот раз против банков. Демирский выдвигает тезис, что современное крепостное право — это кредиты, от которых зависит всё больше людей. Он прав?

— Это довольно отдаленная аналогия: у крепостного крестьянина не было выбора, разве что побег, — у нас он есть, хотя часто иллюзорный. Кто-то, кто не возьмет кредит, не будет потреблять, будет вытолкнут в низшую категорию, станет в какой-то мере парией. Прекрасно, что Демирский

критикует систему и выявляет признаки эксплуатации и порабощения. Но я не соглашусь с идеализацией Якуба Шели. Делать из него польского Робин Гуда — это нелепица. Он был преступником, бандитом, выродком, осужденным за насилие, выслуживался перед австрийцами. Важно, почему Шеля так популярен, почему в народных песнях он любим, как и другой бунтарь — Костка Наперский, предводитель крестьянского восстания в Подгалье в XVII веке. «R.U.T.A..» извлекла эти вопросы из прошлого и ставит их в контексте сегодняшней проблематики свободы.

Тогдашняя эксплуатация была беспросветной, уничтожала людей. Сегодняшняя имеет более завуалированную форму. Это злодейская социотехника, основанная на создании иллюзии свободного выбора. И это касается всего. Почти что невольничьих трудовых договоров, сокрытых налогов в ценах на товары и услуги, ГМО, АСТА, служб безопасности и контроля за обществом, системы образования, монополии политических партий. Наконец, институтов Церкви, стоящей над государством и над правом.

— Вы поэтому, наряду с традиционным произведениями, включили в альбом песню русского рок-музыканта Виктора Цоя «Мама анархия»?

— «Мама анархия» — это гимн свободы российских анархистов, который в наше время выражает то, о чем говорили старые бунтарские песни. Это голос беспризорников, поднимаемый против любой власти. Песня говорит о ребятах, которые останавливают на улице солдата и портят ему шинель. На вопрос солдата, где ваша мама, поют: «Мама — Анархия, папа — стакан портвейна», то есть самого дешевого советского вина.

— Вы глубоко вторгаетесь в традиционную музыку, изменяете ее, аранжируете в духе современного панк-рока. Крестьянские песни поют вокалисты панковских групп — Гума из «Москвы» и Робаль из «Дезертира». А такое использование деревенской музыки — это не эксплуатация?

— Если ты создаешь музыку и хочешь ее до кого-то донести, ты должен использовать современный язык.

— Публика не поняла бы аутентичную традиционную музыку?

— Не в этом дело. Понятие «аутентичная традиционная музыка» очень туманно. Мы знаем ее варианты конца XIX — начала XX века. А эта музыка изменялась, эволюционировала, об этом говорят сами деревенские музыканты. Каждое новое поколение музыкантов усваивало всё, что давал современный мир. Появлялись гармошки, которыми вытеснялись скрипки, под воздействием радио изменялась мелодика песни. 30-е годы XX века — это революция в польской деревне, начинаются вальсики, фокстроты, появляется танго, румба, и они это включают в свой репертуар. Ведь они играют для людей на свадьбах. Если бы они этого не делали, их бы посчитали плохими музыкантами, старомодными, их бы никто не приглашал.

— А сейчас вы используете панк?

— Благодаря ему эта музыка живет, бунтует, находит слушателя. Современная традиционная деревенская музыка живет почти исключительно на «фольклорах», то есть фольклорных фестивалях. Она утратила обиходную функцию, перестала быть естественным языком, адресованным своему же кругу. Этот круг ее изгнал и заменил польским диско.

— Есть ли смысл заниматься традиционной музыкой без ее социального контекста?

— Безусловно, есть. С этим никто не спорит. Зато бессмысленно противопоставлять традиционную музыку и эксперимент, который придает музыке моторику, развивает ее. В первом альбоме «R.U.T.A.», кроме hidden tracks (скрытых произведений), не было ни одной традиционной ноты, все темы написал Камиль Рогинский, в рамках канона хардкор-панковской музыки. Оказалось, что оригиналы — это либо вальсики, либо монументальные песни в стиле «Роты», а таких мы не хотели петь.

— А в новом альбоме уже появляются традиционные украинские и белорусские мелодии.

— Да, группа «Гуляй-город», с которой мы записывались, настаивала, чтобы песни прозвучали нетронутыми, без мелодических изменений. Мы так и сделали.

— И как, действует?

— Конечно. У нас не было с этим проблем. Мы хотели подчеркнуть этот восточный, многоголосный акцент. Сначала звучит исполняемая а-капелла украинская песня, а потом идет наше исполнение с народными текстами в переводе Яцека Подсядло. То же самое делали люди на селе, они транспониро-

вали песни соседей на свой говор и мелодику. Мы стараемся делать точно то же самое, но в XXI веке, имея в распоряжении студию и интернет.

— В новом альбоме «R.U.T.A. На Ўсход» вы поете белорусские и украинские крестьянские бунтарские песни. Как возник замысел этого восточного похода?

— В прошлом году мы с «R.U.T.A.» выступали на фестивале белорусской альтернативной музыки «Басавіща» в Грудке. Игорь Знык, знаток белорусской музыкальной сцены, посоветовал, чтобы мы исполнили в концерте несколько белорусских фрагментов. Их очень много. Белорусская вокалистка Наста Някрасава помогла нам их выбрать. На концерте творилось что-то невообразимое. Когда Наста вышла на сцену и начала петь: «Ой, садома, садома, пане браце, няма хлеба ў полю, ані дома», настала полная тишина, всё замерло. Когда она пропела последнюю ноту, взорвался настоящий вулкан, люди стали скандировать: «R.U.T.A.».

— Они восприняли песню крестьянского бунта как протест против диктатуры.

— Да. Мы тогда осознали, что энергетический заряд этих песен громадный, что они сегодня нужны людям на востоке. Пришло такое время, что надо им посылать такие сигналы свободы.

— В сопровождающей альбом брошюре вы поместили материалы с востока о современной культуре бунта: о российских группах «Война» и «Pussy Riot», украинской «Фемен», белорусских перформерах. Может ли культура в этих странах стать очагом бунта?

— Если бы мы не верили в потенциал культуры бунта, мы бы не занимались этими проектами. История XX века показывает, что эта культура имеет очень большую силу воздействия. Например, поколение битников: несколько музыкантов и поэтов осуществили трансформацию мышления в мире.

— Есть ли шанс на такую трансформацию на востоке?

— Надеюсь. Поэтому мы и выходим из чисто фолковой или панковской среды, показываем, что мы можем встретиться в правом деле с украинскими и белорусскими музыкантами. У меня нет иллюзий, что вдруг группа из Варшавы что-то изменит. Но если оппозиционные политики в этих странах проигрывают диктатуре и авторитаризму, то, возможно, импульс к переменам даст культура. Это наш долг.

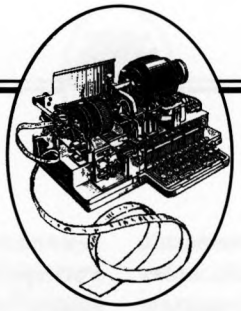
В прошлом существовала традиция «дидов», бродячих музыкантов, которые, играя на лире или гуслях, передавали в песнях информацию о том, что происходит в мире. Их слушали целые деревни. Раз уж мы узнали историю, описанную в бунтарских песнях, то должны передать ее далее.

— Польша в течение столетий колонизировала Украину и Белоруссию, на классовый конфликт между господами и хамами там накладывался другой конфликт — национальный и религиозный. Это не составило проблемы в вашей работе?

— Нет, наоборот. Мы открыли, что несмотря на историческое разобщение мы можем быть вместе — украинцы, белорусы и поляки — безо всякого разделения и обид, причитаний, что те — палачи, а эти — жертвы, что тут отобрали, а там отрезали. Мы помним историю, сознаём ее, но если будем всё время считаться, кто больше был варваром, кто болезненней это пережил, то никогда не договоримся. В начале альбома возникает такая шутливая секвенция. Музыканты из «Гуляй-города» спрашивают: «Кто вы?» Поляки отвечают: «Ляхи». Они: «Мы знаем ляхов, они все паны». А мы на это: «Мы не паны. Мы хамы!»

— Разговариваете как хам с хамом?

— То есть как человек с человеком. Надо помнить, что определение «хам» не всегда звучало оскорбительно, особенно с крестьянской точки зрения. Крестьянин не понимал, что барин оскорбляет его, называя хамом. Это слово приобрело пейоративное значение позже. Мы хотим свернуть с этого пути извечного конфликта. Все дело в искривленной или оболганной истине. И в понимании современных противоречий. Якуб Бойко, один из пионеров национального движения в Галиции, написал, что четыреста лет с этой мачехой, с этой гадкой матерью, которой было крепостное право, будут еще долго накладывать отпечаток на жизнь очередных поколений поляков. Это фатум, который над нами тяготеет. Возможно, «R.U.T.A.» его снимет.



Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

» «Годовщина августовских соглашений (...) Четыре соглашения, подписанные властями ПНР и забастовочными комитетами в Щецине, Гданьске, Ястшембе-Здруе и Катовице, положили конец серии забастовок в августе 1980 года. «Мне бы хотелось вспомнить тех, кому Польша обязана своим успехом, — не только участников забастовок, но и деятелей оппозиции после запрета «Солидарности»», — сказал президент Бронислав Коморовский, выражая признательность людям, посвятившим себя труду «на благо новой Польши, основы которой закладывались в ночи военного положения». Президент наградил 43 демократических активистов». *(«Жечпосполита», 1-2 сент.)*

» **«Согласно обязательной в Польше интерпретации, исторические соглашения августа 1980 г. были достижением лишь польских правых, поэтому каждая августовская годовщина — исключительно их праздник. Исчезла формула, гласившая, что это был компромисс двух сторон [партийно-правительственной и забастовочных комитетов]. Конечно, не подлежит сомнению, что компромисс этот был заключен под давлением массовых рабочих забастовок почти во всех областях народного хозяйства», — Ежи Ващук, бывший секретарь ЦК ПОРП.** ***(«Пшеглёнд», 2 сент.)***

» «Вчера в Гданьске полиция явилась в штаб-квартиру НСПС «Солидарность» и изъяла надпись «им. Ленина», отпиленную профсоюзными деятелями с ворот Гданьской судоверфи. 28 августа активисты профсоюза отпилили металлическую надпись в знак протеста против восстановления ворот №2 судоверфи такими, какими они были в 1980 г.: со старым названием, коммунистическими символами и лозунгами (...) Операция, проведенная по ходатайству прокуратуры Гданьск-Олива, прошла без инцидентов (...) Ее стоимость составила более 68 тыс. злотых». *(«Жечпосполита», 4 сент.)*

» **«Мы с женой и сыном вынуждены жить более чем скромно (...) Все достижения первой «Солидарности» пошли насмарку (...) Яцек Куронь видел шанс наших преобразований в том, что их осуществляют люди «Солидарности» — такие замечательные! А теперь это маргиналы (...) Мы никому не нужны. Адам Михник говорил, чтобы я не носился так со своей фрустрацией. А почему нет?! У меня огромное чувство нереализованности (...) На фоне всех тех, кто возглавлял наши службы, у меня прекрасная подготовка. Но никто даже во внимание не принимает, что я могу этим заниматься. Известное дело, Збышек не может быть министром внутренних дел. А ведь я всю жизнь готовился к двум должностям: министра внутренних дел и президента Варшавы», — Збигнев Буяк.** ***(Яцек Хуго-Бадер, «Газета выборча», 30 авг.)***

» «Я любил и буду любить «Солидарность» как прекрасный пример того, что у нас многое получилось», — Лех Валенса. *(«Впрост», 10-16 сент.)*

» **«Ежи Янишевский придумал логотип «Солидарности» [в 1980 году]. Красные буквы, идущие плотной колонной с характерным бело-красным флагом над буквой «N»... Эти буковки объединили миллионы поляков. С этого начался процесс создания национального шрифта, названного «солидарицей» (...) «Если бы сегодня тебя попросили снова определить «Солидарность», что бы ты сказал?» — «Я предпочел бы нарисовать (...) Каждую из этих букв я нарисовал бы отдельно. У каждой был бы свой флаг, и все были бы повернуты в разные стороны»».** ***(Павел Зберский, «Тыгодник повшехный», 9 сент.)***

» «"Трудные времена, новые подходы. Европа и мир перед лицом кризиса" — такова главная тема начавшегося сегодня в Кринице XXII Экономического форума (...) В форуме примут участие президенты, премьер-министры, министры, экономисты и предприниматели — в общей сложности около 2500 делегатов из Европы, Центральной Азии и США (...) В этом году форум откроют президенты Хорватии и Польши Иво Йосипович и Бронислав Коморовский. В пленарной сессии, которая будет посвящена вызовам, стоящим перед миром во времена кризиса, примут участие, в частности, комиссар ЕС по бюджету Януш Левандовский,

вице-премьер Украины Валерий Хорошковский, генеральный директор ЮНЕСКО Ирина Бокова и вице-премьер Венгрии Тибор Наврачич. Под занавес форума в Криницу приедет также премьер-министр Дональд Туск — в качестве специального гостя панельной дискуссии "Кризис демократии: в поисках лидерства"». *(«Газета выборча», 4 сент.)*

» **«Благоприятная экономическая ситуация сохраняется в Польше, в частности, благодаря прописанному в конституции лимиту дефицита финансов. Сейчас такое решение хотят внедрить у себя и другие страны», — сказал в Кринице президент Бронислав Коморовский. Финансовый якорь он назвал одним из принципов, способствующих экономическому росту. Второй принцип — это борьба за сокращение государственного долга, сопровождающаяся улучшением состояния частного сектора. «Один из факторов, ослабляющих влияние кризиса на Польшу, — емкий внутренний рынок. Поскольку две трети поляков работают в секторе малых и средних фирм, нужно заботиться об этом сегменте — особенно с помощью прозрачной налоговой и законодательной системы. И не мешать предпринимателям», — подчеркнул президент». *(Лукаш Дец, «Жечпосполита», 5 сент.)***

» Министр национальной обороны Томаш Семоняк сказал на Экономическом форуме в Кринице: «Мы предназначаем на оборонные цели 1,95% ВВП, что позволяет нам быть одним из европейских лидеров (...) ВС Польши гораздо лучше вооружены и обучены, чем еще десять лет назад (...) Главная задача — так преобразовать польские вооруженные силы, чтобы они эффективно защищали территорию государства, но в то же время вносили необходимый вклад в евро-атлантическую систему безопасности. Польский приоритет — противовоздушная оборона с противоракетными элементами. Этот проект согласуется с Общей политикой безопасности и трансатлантическим союзническим сотрудничеством». *(«Газета выборча», 7 сент.)*

» **«Добыча газа из сланцев нерентабельна — убеждали в Кринице российские эксперты (...) Польские эксперты напомнили, что Польша полна решимости обрести независимость от поставок из России (...) Украинский эксперт по энергетической безопасности Николай Гончар (...) сказал (...): "Речь идет о серьезной перспективе получения нетрадиционного газа из США, а вскоре также из Австралии и Аргентины. Благодаря процессу сжижения он станет важным фактором на глобальном рынке, поэтому Россия пытается уменьшить его роль"». *(«Жечпосполита», 7 сент.)***

» Польская новаторская технология добычи сланцевого газа. Автор патента — группа ученых варшавской Военно-технической академии под руководством полковника проф. Тадеуша Незгоды. Технологию добычи предложила инженер Данута Медзинская: «Мы искали альтернативу гидравлическому разрыву, т.е. закачиванию под землю огромного количества воды с различными химическими добавками. И мы нашли такую субстанцию (...) — это углекислый газ CO_2. Он вытесняет сланцевый газ, т.е. метан CH_4, не только из трещин, но и из самой структуры сланцевой породы. Иными словами, он вытесняет весь газ, содержащийся в пласте. Наш метод заключается в закачивании сжиженного углекислого газа при температуре -20°C. На глубине 3 тыс. м под землей температура достигает +120°. В таких условиях сжиженный CO_2 резко переходит в газообразное состояние и расширяется, создавая огромное давление — значительно большее, чем при гидроразрыве (...) Углекислый газ проникает в районы залежей, удаленные от скважины на 600 м (...) Гидроразрыв охватывает область только до 100 м от главной скважины». *(Петр Фальковский, «Наш дзенник», 8-9 сент.)*

» **«Визит [патриарха Кирилла в Варшаву] не состоялся бы без согласия Кремля (...) Если сюда приезжают и Медведев, и Путин, и Кирилл, если работает Группа по сложным вопросам, то никто в Европе уже не поверит, что плохие отношения — следствие русофобии поляков. Россия пришла к выводу, что конфликт с нами ей невыгоден, и объявила перезагрузку...» — Олаф Осица, директор Центра восточных исследований. *(«Жечпосполита», 8-9 сент.)***

» «Калининградским торговцам грозит банкротство — их заливают дешевые и качественные продукты питания из Польши. Таков первый результат введения безвизового движения между областью и приграничными районами нашей страны (...) В 400-тысячном Калининграде работают 300 точек продажи польских продуктов питания. Ежедневно жители города потребляют около 10 тонн польских продуктов». *(Вацлав Радзивинович, «Газета выборча», 21 авг.)*

» **«В результате открытия малого приграничного движения с Калининградской областью в бедном Браневе расцвела торговля. Быстро развивается контрабанда, а местные власти рассчитывают на серьезные инвестиции», — Петр Гурштын. «"27 июля вступило в силу соглашение о малом приграничном движении, а уже 30-го мы начали принимать заявления, число которых превзошло все ожидания", — рассказывает генеральный консул Марек Голковский. Сначала консульство принимало по 200 заявлений в день, потом по 300. Одновременно нужно было заниматься выдачей виз. «К 4 сентября зарегистрировано 4000 заявлений о выдаче разрешения на пересечение границы. Выдано 3500 положительных решений и 700 готовых разрешений», — подчеркивает консул Голковский».** ***(Петр Косцинский, «Жечпосполита», 8-9 сент.)***

» «По предварительным расчетам Главного статистического управления (ГСУ), рост ВВП во втором квартале по сравнению с тем же периодом прошлого года составил 2,4% против ожидавшихся 2,9%. В первом квартале экономика выросла на 3,5% (...) Резко упала динамика инвестиций (с 6,7 до 1,9%), частного потребления (с 2,1 до 1,5%), а в фирмах снизился уровень запасов. В результате внутренний спрос уменьшился на 0,2% в годовом исчислении». *(Александра Фандреевская, Анна Цесляк-Врублевская, «Жечпосполита», 31 авг.)*

» **«100 млрд. злотых — столько европейских дотаций выплатил польским фирмам и институциям Банк национального хозяйства (...) Европейские 100 млрд. удалось использовать в течение 30 месяцев».** ***(«Газета выборча», 31 авг.)***

» «Польша пыталась ввести в заблуждение Еврокомиссию, включив электростанцию в Ленчной в список инвестиций, освобожденных от платы за выброс углекислого газа (...) Однако там, где, по заверениям польского правительства, строится электростанция, по-прежнему собирают урожай крестьяне. На строительство электростанции не выдано даже разрешение. Еврокомиссия постановила, что электростанция в Ленчной не соответствует условиям бесплатного предоставления прав (...) Это означает, что дотация в размере 33 млн. евро пропадет». *(Ярослав Калуцкий, «Жечпосполита», 16 авг.)*

» **«297 млн. долларов — столько составит последний взнос, который Польша заплатит Лондонскому клубу. Как сообщает министерство финансов, деньги будут переведены 27 октября. Таким образом Польша окончательно погасит долги времен Эдварда Герека — спустя 32 года после того, как он перестал руководить государством (...) Однако это не значит, что мы избавимся от долгов (...) Сейчас субъекты, в чьих руках находятся польские облигации, более рассредоточены. Облигации продаются на бирже (...) Согласно счетчику Лешека Бальцеровича, задолженность Польши уже превысила 842 млрд. злотых. Только в 2013 г. из бюджета будет выделено 7,8 млрд. злотых на уплату процентов по кредитам».** ***(Агатон Козинский, «Польска», 7-9 сент.)***

» «Индекс объема промышленного производства упал до минимального значения за последние три года. В августе индекс PMI польской промышленности составил 48,3 пункта по сравнению с 49,7 пункта в июле. Данные оказались хуже предсказаний аналитиков (49 пунктов), и сравнить их можно было только с самыми пессимистическими прогнозами». *(Агнешка Каминская, Ежи Бочковский, «Жечпосполита», 4 сент.)*

» **«В 2011 г. объем нашего экспорта сельскохозяйственных продуктов составил 2,08 млрд. евро (годом раньше — 2 млрд.). В то же время мы закупили за границей зерна, мяса, овощей и т.п. на сумму 3,55 млрд. евро (годом раньше — на сумму 3,09 млрд.) (...) За последний год импорт сахара вырос на 96,7% (...) масличных семян — на 73,2%, картофеля — на 46,5% (...) а яблок — на 52%».** ***(Иоанна Сольская, «Дзенник — Газета правна», 17-19 авг.)***

» В индексе здоровья морских экосистем состояние идеального равновесия между человеком и морем ученые приняли за 100. «Они предложили универсальную меру, учитывающую десять свойств океана, важных для человека, — в частности, обеспеченность пищевыми ресурсами, место для отдыха, биоразнообразие. Индекс прибрежных государств всего мира колеблется от 36 до 86. Из нескольких стран, перечисленных в сегодняшнем номере журнала «Нейчур», самой неблагоприятной оказалась Польша (индекс 42, в то время как в Германии — 73)», — проф. Ян Мартин Венславский, заведующий Лабораторией экологии моря в Институте океанографии ПАН. *(«Газета выборча», 16 авг.)*

» **«Слишком многие руководители относились к охране природы как к капризу, с которым приходится считаться под давлением привред-**

ливых стран «старого ЕС». Последствия такого мышления сказываются в ныне реализуемых инвестициях (...) В Польше каждое строительство дороги — это насилие над природой (...) Случай объездной дороги Минска-Мазовецкого не единичен (...) Я не знаю ни одной нашей автотрассы, построенной грамотно с точки зрения охраны окружающей среды (...) В принципе эту дорогу следовало бы разобрать и построить заново (...) Конечно, теперь это уже неосуществимо (...) Вероятно, объездная дорога Минска-Мазовецкого навсегда останется экологическим барьером», — Роберт Хвялковский, основатель общества SISCOM, пропагандирующего строительство дорог и развитие общественного транспорта. ***(«Дзике жиче», сентябрь)***

» «С прошлой субботы во всем Евросоюзе запрещено производство и импорт традиционных лампочек. Последними сдали позиции лампочки мощностью 25 и 40 Вт. Тем самым брюссельскую директиву 244/2009, объявившую войну энергоемким источникам освещения, можно считать выполненной (...) По последним данным, 80% испорченных и использованных (...) «экологических» источников света попадает на свалки, отравляя их крайне токсичными соединениями ртути. Вероятно, борьбой с этим займется следующая брюссельская директива». *(«Политика», 5-11 сент.)*

» **«Уже трое из четырех поляков по крайней мере раз в месяц делают покупки в дискаунтерах. Объем продаж в таких магазинах растет в двузначных числах (в июне — более чем на 13%), а в небольших гастрономах — уменьшается или сохраняется на прежнем уровне (...) Из-за обеднения мы ищем дешевые товары в интернете (...) Владельцы ломбардов тоже ощущают рост бедности (...) По меньшей мере каждая четвертая заложенная вещь не выкупается. А есть и такие ломбарды, где не выкупается половина вещей».** ***(Александра Фандреевская, Петр Мазуркевич, «Жечпосполита», 21 авг.)***

» «Согласно докладу Польского национального банка (ПНБ), в первом квартале наши сбережения уменьшились на 300 млн. злотых. Деньги нужны были нам на текущие расходы. Это первый подобный случай с 2000 года». *(«Газета выборча», 24 авг.)*

» **«По официальным данным ГСУ и министерства труда, к концу июля оплачиваемой работы не было у 2 млн. человек, т.е. уровень безработицы составил 12,3%. Однако эти данные учитывают только лиц, зарегистрированных в центрах занятости (...) Как показал анализ экономической активности населения, проведенный ГСУ в конце второго квартала текущего года, незарегистрированных безработных было 478 тысяч — почти на 10% больше, чем годом раньше. Поэтому в действительности у нас не 2, а 2,5 млн. безработных (...) Соответственно истинный уровень безработицы составляет 15,3%».** ***(Януш Ковальский, «Дзенник — Газета правна», 22 авг.)***

» «[Вместе с родителями из Польши] эмигрировали уже 300 тыс. детей до 14 лет. За последний год — 80 тысяч (...) В прошлом году родилось чуть менее 390 тыс. детей, но с каждым годом их рождается всё меньше — порой даже на 20 тысяч». *(Януш Ковальский, «Дзенник — Газета правна», 22 авг.)*

» **«У нас есть учреждения, институции, чиновники, но нет чувства государственной службы (...) Существующие условия склоняют к пренебрежению законом (...) Слишком много ничтожных проблем втиснуто в законодательные рамки. В зарегулированном мире под статью можно подвести каждого, хотя это вовсе не в интересах общества. Из-за чрезмерной регуляции различные учреждения занимаются не тем, что важнее, а тем, что легче (...) К этому прибавляется постоянная ротация чиновников. После каждой смены власти, когда ведомство возглавляет новый человек, связанный с победившей партией, во всех учреждениях происходят огромные изменения. Сотрудники, уже познакомившиеся со спецификой ведомства, уходят, на их место приходят новые — как правило, почти ничего не умеющие (...) Виноваты в этом политики всех партий. Они годами сознательно разрушали гражданскую службу, провоцируя эту гигантскую ротацию управленцев (...) Однако прежде всего важны люди, их подход к работе и государству, их обязательность, готовность к сотрудничеству, чувство ответственности, взаимное доверие различных служб и учреждений (...) Этого нельзя добиться, приняв новый закон. Испортить легко — восстановить почти невозможно. Такие изменения происходят годами», — проф. Михал Кулеша.** ***(«Польска», 24-26 авг.)***

» «[Практически в каждой] польской партии (...) есть лидер, т.е. феодал, который раздает принадлежащие ему блага. Он должен делиться ими,

чтобы вассалы были ему послушны. Наши партии вождистские не потому, что их лидеры обладают харизмой, а потому, что у этих лидеров есть блага, которыми они расплачиваются с вассалами». *(Яцек Кухарчик, «Газета выборча», 17 авг.)*

» Согласно опросу ЦИОМа, проведенному 14-22 августа, правительство Дональда Туска критикуют 60% поляков, а хвалят лишь 29%. *(«Газета выборча», 28 авг.)*

» Согласно опросу компании «TNS Polska», проведенному 2-5 августа, 51% поляков положительно оценивает президента Бронислава Коморовского. *(«Газета выборча», 23 авг.)*

» Согласно опросу компании «TNS Polska», «Гражданскую платформу» (ГП) поддерживают 39% поляков, «Право и справедливость» (ПиС) — 31%, Союз демократических левых сил (СДЛС) — 14%, Движение Паликота — 5%, крестьянскую партию ПСЛ — 3%. *(«Жечпосполита», 8-9 сент.)*

» «К государству у нас двойственное отношение. С одной стороны, мы считаем, что чем его меньше, тем лучше: ведь оно бездарно, разбазаривает деньги, продвигает по службе своих протеже, а гражданам затрудняет жизнь тысячами ненужных предписаний. С другой стороны, став жертвами несправедливости или попав в беду, мы требуем от него помощи и решения проблем. Мы способны одной рукой обманывать его, а другой — грозить, если оно не дает нам прибавку. Мы даже хотим, чтобы государство платило за нашу глупость, как в случае скандала с фирмой "Амбер Голд"». *(Анджей Андрысяк, «Дзенник — Газета правна», 14-15 авг.)*

» «"Амбер Голд" — это основанная в 2009 г. фирма, инвестировавшая в золото и другие драгоценные металлы. Клиентов она привлекала высокими процентными ставками — более 10% годовых. 13 августа «Амбер Голд» объявила о самоликвидации, не выплатив вложенных средств и процентов тысячам клиентов (...) 17 августа президенту компании Мартину П. было предъявлено шесть обвинений, в т.ч. в ведении банковской деятельности без лицензии». *(Беата Томашкевич, «Дзенник — Газета правна», 6 сент.)*

» «Когда в 1989 г. Лех Гробельный создавал «Безопасную сберегательную кассу» (...) свои деньги принесли около 7,5 тыс. клиентов. В «Амбер Голд», по предварительным оценкам, — 7 тысяч. Гробельный собрал 3,2 млн. злотых (в пересчете на деньги того времени — 32 млрд.). Мартин П. — по меньшей мере 112 млн. злотых (столько требуют его клиенты). Из этого следуют два вывода. Во-первых, хотя прошло уже 23 года, число желающих чудесным образом умножить свой капитал в Польше не изменилось. И, во-вторых, за это время жизненный уровень поляков невероятно вырос. В 2012 г. такая же по численности группа вкладчиков собрала в 30 раз больше сбережений, чем во времена «чуда» Гробельного. Впрочем, потери тоже были в 30 раз больше. 1989 год. В телевизионной студии Лех Гробельный дискутирует с президентом банка РКО ВР Марианом Кшаком. «Невозможно выплатить 250% от вклада», — растолковывает Кшак. «Возможно! Я выплачу!» — заявляет Гробельный (...) Каким чудом люди поверили не президенту крупного государственного банка, а (...) человеку, которого не знал никто, кроме его ближайшего окружения? Психологи и социологи не смогли этого объяснить. Но люди поверили». *(Петр Пытляковский, «Политика», 29 авг. — 4 сент.)*

» «Суд в Оструде начал рассматривать дело 36-летнего мужчины, обвиняемого в хранении пушки». *(«Газета выборча», 17 авг.)*

» «По данным Евросоюза, 15% польских 15-летних школьников неспособны читать с пониманием (...) Статистически положение выглядит у нас несколько лучше, чем в среднем по ЕС, где доля 15-летних учащихся, плохо понимающих прочитанный текст, составляет 19,6% (...) В Польше доля 15-летних школьников, получающих плохие оценки по чтению с пониманием, в три раза выше среди мальчиков (22,6%), чем среди девочек (7,4%)». *(Адам Лещинский, «Газета выборча», 7 сент.)*

» «В школе (...) лавинообразно растет число случаев насилия. По оценочным данным полиции, только за первое полугодие этого года там было совершено больше преступлений, чем за весь 2007 или 2008 год (...) В период с января по июнь было зафиксировано 20 тыс. преступлений. Пять лет назад за весь год их было только 17,5 тыс., в прошлом году — уже 28 тысяч. Этот год будет рекордным: число преступлений превысит 30 тысяч. По данным МВД, школа — самое опасное публичное пространство после улицы. Быстрее всего преступность несовершеннолетних развивается в неполных средних школах и гимназиях. Чаще всего полиция фиксирует такие преступления, как разбойное

вымогательство, кража, избиение и нападение на учителя». ***(Артур Грабек, Гражина Завадка, «Жечпосполита», 6 сент.)***

» «Во времена, когда я училась, само собой разумелось, что диплом получат не все. Знали мы и то, что (...) экзаменаторы не будут с нами церемониться (...) Сравните это с нынешней ситуацией, когда преподаватели (...) должны облегчать студентам сдачу зачетов и экзаменов. Потому что студент — это деньги. Особенно заочник, вечерник и студент частного вуза. А потом этот студент покидает стены родного университета, уверенный в своей ценности (...) Он — магистр!» — Анна, филолог-англист. *(«Газета выборча», 8-9 сент.)*

» **Больше половины поляков верят, что гены есть только в помидорах ГМО, а в обычных помидорах их нет. 60% опрошенных ответили, что Солнце испускает лишь белый свет. Такая же доля респондентов верит, что лазеры издают звук. Почти половина считает, что динозавры жили одновременно с людьми. В том, что человека сотворил Бог, убеждены 45% поляков. 37% считают, что род человеческий возник в процессе эволюции. 49% опрошенных верят в божественное происхождение мира, а теория Большого взрыва убедительна для 28%. Международный опрос провел испанский фонд BBVA. Последнее место по среднему числу правильных ответов на 22 вопроса заняла Испания (11,2%), предпоследнее — Италия (12%), третье с конца — Польша (12,4%). Лидируют Дания (15,6%), Голландия (15,3%) и Германия (14,8%). В среднем число правильных ответов составляет 13,4%.** ***(Петр Загурский, «Газета выборча», 21 авг.)***

» «Сотни вещей, связанных с Иоанном Павлом II, стали теперь реликвиями: ботинки, кусочки одежды, бусинки четок. Но прежде всего кровь и волосы — реликвии первого класса. Есть еще обломанный зуб, находящийся на хранении у кардинала Станислава Дзивиша. Можно сказать, что Польша окроплена кровью Иоанна Павла II — это кровь, которую врачи взяли на анализ перед трахеотомией в последние дни жизни Папы. Кардинал Дзивиш, получивший ее в двух ампулах, пишет, что это «жидкая, красная живая кровь Святейшего Отца». Такая реликвия есть уже в нескольких десятках польских приходов». *(Иоанна Подгурская, «Политика», 5-11 сент.)*

» **«Этим летом по Польше ездят несколько знаменитых харизматических священников, чьими молитвами совершаются исцеления и духовные очищения. Встречи проходят в спорткомплексах, концертных залах, школах и церквях. В реколлекциях, которые, как правило, длятся три-четыре дня, обычно участвуют несколько сот человек. Чаще всего свободных мест не бывает. На открытые встречи приходят тысячи людей. Так происходит всюду, где появляется о. Джон Башобора из Уганды (...) Когда свящ. Башобора начал приезжать в Польшу, он удивился, что в нашей стране многие католики практикуют оккультизм: пользуются услугами гадалок и экстрасенсов (...) В 70-е и 80-е годы в сеансах экстрасенса Клайва Харриса (...) участвовало 9 млн. поляков».** ***(Эва К. Чачковская, «Жечпосполита», 14-15 июля)***

» «"В компании, где меня называют негром, я чувствую себя лишним", [— говорит депутат Киллион Муньяна, родившийся в Замбии и уже 34 года живущий в Польше]. Сейдон Зан Диарра приехал в Варшаву из Мали в 1984 году — учиться на ветеринара (...): "Многие мои товарищи уехали из Польши из-за оскорблений и физической агрессии. Алджуат, один из лучших студентов, получил диплом, а на следующий день отдал ключи от общежития и улетел в Мали. Я остался, потому что родители умерли, когда я был маленьким, и мне было некуда возвращаться. Друзья предупреждали: «Берегись! Поляки — нехорошие люди». Но это раньше. У меня было много неприятностей, однако я встретил поляков, с которыми так хорошо, как, наверное, не было бы даже дома"». *(Анна Смигулец-Одорчук, «Газета выборча», 23 авг.)*

» **«К году реального лишения свободы приговорил Белостокский окружной суд четверых мужчин (...) которые планировали и совершали преступления, связанные с пропагандой фашизма, призывами к ненависти на национальной и религиозной почве, а также с оскорблениями еврейской нации».** ***(Иоанна Климович, «Газета выборча», 1-2 сент.)***

» В районном суде Варшава-Центр должно было слушаться дело варшавских болельщиков, обвинявшихся в призывах к ненависти на почве расовых и национальных различий. 17 из них скандировали на стадионе: «Hamas, Hamas, Juden auf den Gas» («Хамас, Хамас, евреев в газ»), — обращаясь к болельщикам из Лодзи [в 1939 г. еврейское меньшинство составляло там 230 тыс. человек, после 1945 г. Лодзь стала крупнейшим местом компактного проживания уцелевших евреев и главным центром еврейской общественной и культурной

жизни. — В.К.]. Судья Марта Шимборская сразу заявила, что процесса не будет: она прекратит дело «за отсутствием признаков преступления». В заключении она написала: «Невозможно утверждать, что выкрикивавшиеся лозунги разжигали неприязнь, злобу, нетерпимость или усиливали негативное отношение к еврейской нации». В Польше нет уголовной ответственности за т.н. язык вражды, а 80% подобных дел прекращается. *(Богдан Врублевский, «Газета выборча», 24 авг.)*

» Во время Второй Мировой войны «от рук поляков погибли около 100 тысяч евреев, причем большинство из них убили, по всей видимости, польские полицейские. Остается несколько десятков тысяч жертв и, вероятно, столько же убийц. Среди миллионов польских крестьян это ничтожное меньшинство (...) Система [немецкой] оккупации показала, что поляки бесправны, но евреям приходится еще хуже (...) Люди могут смириться с наихудшими преступлениями, если окружение говорит им, что это нормально», — проф. Тимоти Снайдер. *(«Газета выборча», 10 сент.)*

» «В Белостоке отметили 68-ю годовщину восстания в местном гетто. Торжества прошли перед памятником (...) на площади имени предводителя восстания Мордехая Тененбаума-Тамароффа». *(«Жечпосполита», 17 авг.)*

» «Я попытался убедить представителей Германии привести в порядок братские могилы немецких евреев, которые были вывезены в оккупированную Польшу и здесь убиты (...) Посольство ответило грубым оскорбительным отказом. Немцы написали, что, согласно договору с Польшей, они не занимаются еврейскими кладбищами (...) Сейчас я организую группу юристов. Вместе мы обратимся в международные суды», — Адам Аптовиц. *(«Жечпосполита», 27 авг.)*

» «Прогнозируемый демографический кризис (...) принесет новые проблемы (...) Кадровики министерства национальной обороны, МВД и спецслужб уже сейчас должны подумать, откуда они возьмут через полвека новых солдат, полицейских, агентов, надзирателей и пожарных, если в 2035 г. родится только 272 тыс. детей обоих полов. Высшие и средние школы уже сегодня испытывают трудности с набором студентов и школьников. На благоприятную конъюнктуру могут рассчитывать похоронные бюро, поскольку число похорон вырастет с 389 до 450 тыс., однако возникнет необходимость в новых кладбищах (...) Появятся вопросы о судьбах жильцов пустеющих блочных микрорайонов. Раздавать ли землю в обезлюдевших поветах за символические деньги или засаживать ее лесом? (...) ГСУ прогнозирует, что после 2020 г. в Польше может возникнуть положительное сальдо миграции на ПМЖ. Будут возвращаться наши соотечественники, но и в невиданном прежде количестве будут селиться иностранцы. Готовы ли мы к этому?» *(Марек Хенцлер, «Политика», 27 авг.)*

» «Во всей Польше в гериатрических отделениях есть только 684 койки. Между тем, согласно европейским нормам, их должно быть по меньшей мере 7 тысяч (...) На 400 тыс. человек, страдающих болезнью Альцгеймера, в Польше приходится 12 домов дневного пребывания. В Варшаве есть один такой дом, на 12 мест (...) Мы нуждаемся в 1,2 тыс. специалистов в области гериатрии. При нынешних темпах образования мы достигнем этого уровня почти через 50 лет». *(Мартина Бунда, Павел Вйлевский, «Политика», 29 авг. — 4 сент.)*

» «На завершившихся в воскресенье в Лондоне XIV Паралимпийских играх наши спортсмены с ограниченными возможностями завоевали 36 медалей (...): 14 золотых, 13 серебряных и 9 бронзовых (...) Четыре года назад в Пекине (...) медалей было только пять (...) За золотую лондонскую медаль каждый спортсмен-инвалид получит от министерства 18,4 тыс. злотых, за серебряную — 13,8 тыс., а за бронзовую — 9,2 тысячи. С будущего года эти суммы должны сравняться с премиальными здоровых спортсменов, которые до сих пор получали значительно больше (...) Пенсия олимпийских и паралимпийских медалистов составляет менее 2500 злотых». *(Патрик Курковский, «Польска», 10 сент.)*

» «Силезский парк — крупнейший городской парк в Польше, а возможно, и во всей Европе. На 620 гектарах располагаются парковые, лесные и луговые территории, отличающиеся необычайным богатством флоры и фауны (...) В конце 2011 г. дирекция Силезского парка приняла решение вырубить более 3300 деревьев (...) Годом раньше было вырублено 6000 деревьев. Однако на этот раз запротестовали жители, объединившиеся в неправительственные организации. Когда власти Хожува выдали разрешение на вырубку деревьев, дело было передано в местную кассационную коллегию». (Рышард *Кулик, «Дзике жиче», сентябрь)*

» «Непосредственный контакт с природой подменяется наблюдением за ней в фильмах или в интернете (...) Между тем, как утверждает Дэвид Собел из Университета Новой Англии, хорошие отношения с природой можно выстраивать только на базе непосредственного контакта с окружающей средой. Дети, которые полюбят мир животных и растений вокруг себя, будут защищать его и в своей стране, и на далекой Амазонке». *(Войцех Миколушко, «Политика», 29 авг. — 4 сент.)*

» «Суды выносят смешные приговоры, оправдывающие мучителей [животных], а полиция, прокуроры и местные власти зачастую не знают своих обязанностей (...) К сожалению, Верховный суд предоставил таким бездушным судьям удобное орудие. В постановлении от 16 ноября 2009 г. (...) он пришел к заключению, что издевательство над животным может быть только намеренным и совершаться с прямым умыслом. Иными словами, если человек перестает заботиться о животном, он не действует умышленно, а значит, не может отвечать за преступление. Результат? «Хотя судьи располагают широким диапазоном наказаний, дела об издевательстве над животными по-прежнему заканчиваются очень мягкими или оправдательными приговорами», — говорит Катажина Топезевская, адвокат-стажер, специализирующаяся на защите животных». *(Павел Рохович, «Жечпосполита», 8-9 сент.)*

» «Полтора десятка гмин и городов со всей Польши создали группу, выступающую против гражданского проекта дополнений к закону об охране природы. Речь идет о предложении экологов, чтобы национальные парки можно было создавать [и расширять] без согласия гмин. Непосредственной причиной подготовки такого законопроекта стал конфликт вокруг расширения Беловежского национального парка». *(Рената Крупа-Домбровская, «Жечпосполита», 5 сент.)*

» «Еврокомиссия поручила международной группе экспертов разработать план спасения европейского суслика. Сегодня в Камне-Поморском начинается конференция (..) на которую съедутся 40 ученых из 13 стран Европы. А пока натуралисты и волонтеры закончили ежегодный подсчет европейских сусликов. В Польше на свободе живет почти тысяча этих животных. В будущем натуралисты хотят создать полтора десятка новых колоний сусликов. «Лишь тогда можно будет сказать, что суслики вернулись в нашу страну», — говорит доктор Анджей Кепель». *(Анета Аугустин, «Газета выборча», 5 сент.)*

» На Мазурах планируется отстрел тысячи больших бакланов. «На сегодняшний день во всей Польше живет 30 тыс. пар (...) Рост числа бакланов — не причина, а следствие чрезмерного отлова крупной хищной рыбы, такой как щука и судак, а в море — треска. Это мы ее истребили (...) Кто-то должен есть рыбью мелочь. Щук и судаков нет, баклан воспользовался этим и занял их место (...) ибо он выполняет такую же экологическую функцию. Вылавливая тонну крупных щук, мы оставляем в озере 10 тонн рыбьей мелочи для бакланов. Эти рыбки поедают зоопланктон, а он — наш главный союзник в борьбе за воду, не покрытую водорослями (...) Популяция бакланов стабильна, поскольку ей есть чем питаться (...) Мы должны научиться жить с бакланами в мире», — Шимон Бзома. *(«Газета выборча», 3 сент.)*

» «Со среды охотники могут отстреливать уток: крякв, чирков, нырков, чернетей и лысух. Погибнут не только взрослые птицы, но и осиротевшие птенцы. В августе некоторые утки всё еще воспитывают не слишком самостоятельных подлетков (...) Убивать будут также представителей редких и охраняемых видов, которых трудно отличить от распространенных (...) Результатом охоты станут и сотни, если не тысячи, килограммов олова от охотничьих пуль, которые будут отравлять болотные экосистемы и живущих в них животных», — Адам Вайрак. *(«Газета выборча», 17 авг.)*

» «Просмотр списка вымирающих видов птиц (...) удручает: около 30% видов находятся на грани вымирания, а многие другие — под угрозой. Причины везде схожие: утрата естественных мест обитания в результате урбанизации и развития цивилизации, загрязнение окружающей среды, вытеснение более приспособленными видами и недостаточная забота со стороны людей. Билл МакКиббен, американец, пишущий об охране окружающей среды, говорит: «Мы поворачиваем вспять книгу Бытия, вызываем регресс развития (декреацию)»», — Эстер Вулфсон, автор книги «Corvus. Жизнь среди птиц». *(«Дзике жиче», июль-август)*

ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА В ХРАМЕ

О подписании совместного послания польской католической и русской православной Церквей с Адамом Д. Ротфельдом беседует Мартин Жила

— Подписание совместного послания венчает определенный этап в польско-российском сближении. Какое значение вы придаёте этому факту?

— Это очень важное событие — не имеющее аналогов в истории отношений между католической Церковью в Польше и Русской православной Церковью. Не только в Польше и в России, но и в глобальном масштабе. Подобного диалога между обоими институтами до сих пор не было. И это потребовало во время работы над текстом освоиться с осознанием того, что диалог означает необходимость учитывать мнение и наболевшие аспекты с той и другой стороны. Каждая фраза редактировалась и записывалась обеими сторонами совместно.

Послание отражает трансцендентную позицию: диалог понимается в более широком временно́м формате, и имеется в виду, что он будет оказывать воздействие на нынешние и будущие поколения, — и он вовсе не предполагает популярность и скорый эффект. Документ написан простым языком. А как он будет входить в сознание поляков и русских, зависит уже от долгосрочной деятельности обеих Церквей.

— Какой фрагмент вы считаете самым важным?

— Послание следует рассматривать в целом. Следует помнить, что это совместный документ. Здесь надо принимать во внимание определенные последствия: то, чего не удалось согласовать, было опущено. Во-вторых — и это подчеркивали обе стороны, — он носит характер духовный, а не политический. Те, кто пытается интерпретировать совместное послание как политический документ, преуменьшают его значение и смысл. Послание направлено не на то, чтобы решить конкретные вопросы, а на то, чтобы побудить к духовным переменам в отношениях между людьми. Послание обращено к каждому человеку, к человеческой совести.

Существует и третий элемент, который замечен немногими. Так в первой части послания есть ссылка на молитву: «Отче наш (...) остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим». Бывает, что ее произносят, не задумываясь. Христиане не всегда задумываются над тем, какой смысл несет эта простая, на первый взгляд, формулировка.

Я отсылаю к книге Бенедикта XVI «Иисус из Назарета», часть которой составляет экзегеза этой молитвы. Процитированной в послании фразе из молитвы Папа в своей книге посвятил несколько страниц размышлений. Я говорю об этом, ибо прозвучали упреки, что в послании — в отличие от письма польских епископов 1965 года — нет фрагмента о взаимном прощении. Однако если не это, так что же тогда означают слова «остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим»? Бенедикт XVI напоминает, что призывом к прощению проникнуто всё Евангелие — вся христианская религия. Прощение может быть эффективным лишь для совести того человека, который сам прощает. Однако простить не означает забыть. Совместное послание демонстрирует то общее, что есть во всей христианской Церкви. Подписание этого документа — событие, которое касается не только двусторонних отношений, оно открывает путь к более широкому взаимопониманию между христианством восточного и западного обрядов.

— Два года назад вы говорили, что процесс примирения с Россией принесет плоды лишь при следующих поколениях. Сегодня вы тоже так считаете?

— Через несколько дней наверняка появятся голоса разочарования, что было подписано совместное послание, а в отношениях между поляками и россиянами ничего не изменилось. Я хотел бы подчеркнуть, что подобные документы оказывают свое воздействие в масштабах гораздо более длительного времени, чем жизнь одного поколения. Даже если окажется, что послание не выполнит своей роли духовного при-

зыва для всех и не станет темой проповедей в костелах и церквях, то и так — даже через 150 лет — оно будет оставаться важной точкой отсчета в наших отношениях с Россией.

Послание обращено к народам обоих государств, а не только к православным и католикам. Авторы его понимали, что выходят за границы повседневности и обозначают те рамки, в которых будет осуществляться процесс примирения. В Варшаве был завершен определенный этап. Положено начало новому, и им будет то, что содержится во второй части: «Прошлое в перспективе будущего». Там не оправдывается и не затушевывается прошлое. Там содержится убеждение, что историей должны заниматься ученые и исследователи, а политикой — политики. И только следующие поколения смогут сказать, действительно ли этот документ сыграл свою историческую роль, как это уже сегодня довольно высокопарно утверждается.

— Этот документ служит призывом к более глубокому взаимопониманию между нами, это так?

— Послание адресует нас к забытой, увы, элементарной истине христианства. Я имею в виду любовь к ближнему и сострадание. Оба эти понятия играют чрезвычайно важную роль для понимания сути Нового Завета. В польском католичестве есть много внешних проявлений того, что, казалось бы, должно определять поступки и поведение христиан в повседневной жизни. У меня такое впечатление, что не все до конца поняли, что строительство храма Милосердия Божьего в Лагевниках (Краков) по инициативе Иоанна Павла II было его своеобразным завещанием, адресованным польскому обществу и всем христианам. Иоанн Павел II наверное ощущал дефицит этого милосердия среди своих соотечественников и считал, что надо создать то, что на протяжении многих лет — а может быть, и столетий — будет напоминать, что это и есть фундамент христианства. Подписанный в Варшаве документ — это своего рода воплощение чаяний Иоанна Павла II.

— В день подписания послания вы сказали, что властям иногда бывает легче достичь согласия в отношении таких документов, но часто оказывается, что они пусты и никто их не читает. Документ обеих Церквей представляет собой нечто большее, чем декларация, — это призыв, обращенный к человеческой совести. Есть ли у него шанс на успех?

— В этом нам еще предстоит убедиться. Чтобы он возымел эффект, призыв должен стать предметом ежедневной проповеди в католической и православной Церкви. Поскольку текст документа был согласован совместно, постольку я надеюсь, что его авторы думали и о том, что следует предпринять, чтобы это не стало лишь однократным событием, а послужило началом процесса и воплощения в жизнь постулатов, которые в нем содержатся.

На меня большое впечатление произвели последние по времени выступления архиепископа Юзефа Михалика, который говорил, в частности, о том, что добро не победит само по себе, что этому надо способствовать. В данном случае добро — это восстановление доверия, основанного на правде. Недоразумением было бы убеждение, что добрые отношения с русскими можно строить без выяснения того, что до сих пор их затрудняло. Следует убирать преткновения на совместном пути поисков истины и примирения.

Сформированная четыре года назад польско-российская Группа по сложным вопросам с самого начала своего существования частично занимается именно этим: мы опубликовали большой том под названием «Белые пятна — Черные пятна». По нашей инициативе был создан Центр польско-российского диалога и согласия, ставший организатором торжественного подписания совместного послания в Королевском замке. Совместное послание — это своего рода указатель направления. Многое зависит от людей, которые будут двигаться по этому пути и руководствоваться рекомендациями послания.

— Наблюдая за тем, как реагируют поляки, вы ощущаете надежду?

— Непосредственнная реакция большей части общества была положительной и доброжелательной — у людей словно свалился камень с души. Но у меня сложилось впечатление, что послание стало объектом политической игры. Напрасно. Критерии политических оценок в данном случае не годятся. С той фундаментальной истиной, которая в нем содержится, могут соглашаться люди с разными политическими взглядами.

— Если бы этот документ готовила только польская сторона, то «события нашей общей, зачастую сложной и трагической истории», — как это записано в документе, — были бы наверняка названы конкретно. На данном этапе, видимо, это было невозможно. Авторы послания обраща-

ются, таким образом, к верующим с призывом «просить прощения за нанесенные друг другу обиды, несправедливость и всякое зло».

— В этом нет стремления — как у политиков — взвешивать, кто больше виноват, кто и за что должен просить прощения. Послание обращено ко всем народам обоих государств — не только к католикам и православным, но и к людям иных вероисповеданий и к агностикам — людям неверующим. Я надеюсь, что они примут к сведению то, что сегодня, когда прошло почти 68 лет с момента окончания Второй Мировой войны и больше 20 лет после смены государственного строя и ликвидации тоталитарных режимов, которые были имманентным злом, настал момент для нормализации отношений между поляками и русскими.

Я стараюсь говорить, взвешивая каждое слово. При работе в Группе по сложным вопросам я до сих пор старался избегать слова «примирение». Оно больше относится к языку религии — ни ученые, ни политики не могут совершить в деле примирения то, что могут сделать Церкви и их христианские сообщества.

— Каким будет очередной шаг на пути сближения с Россией?

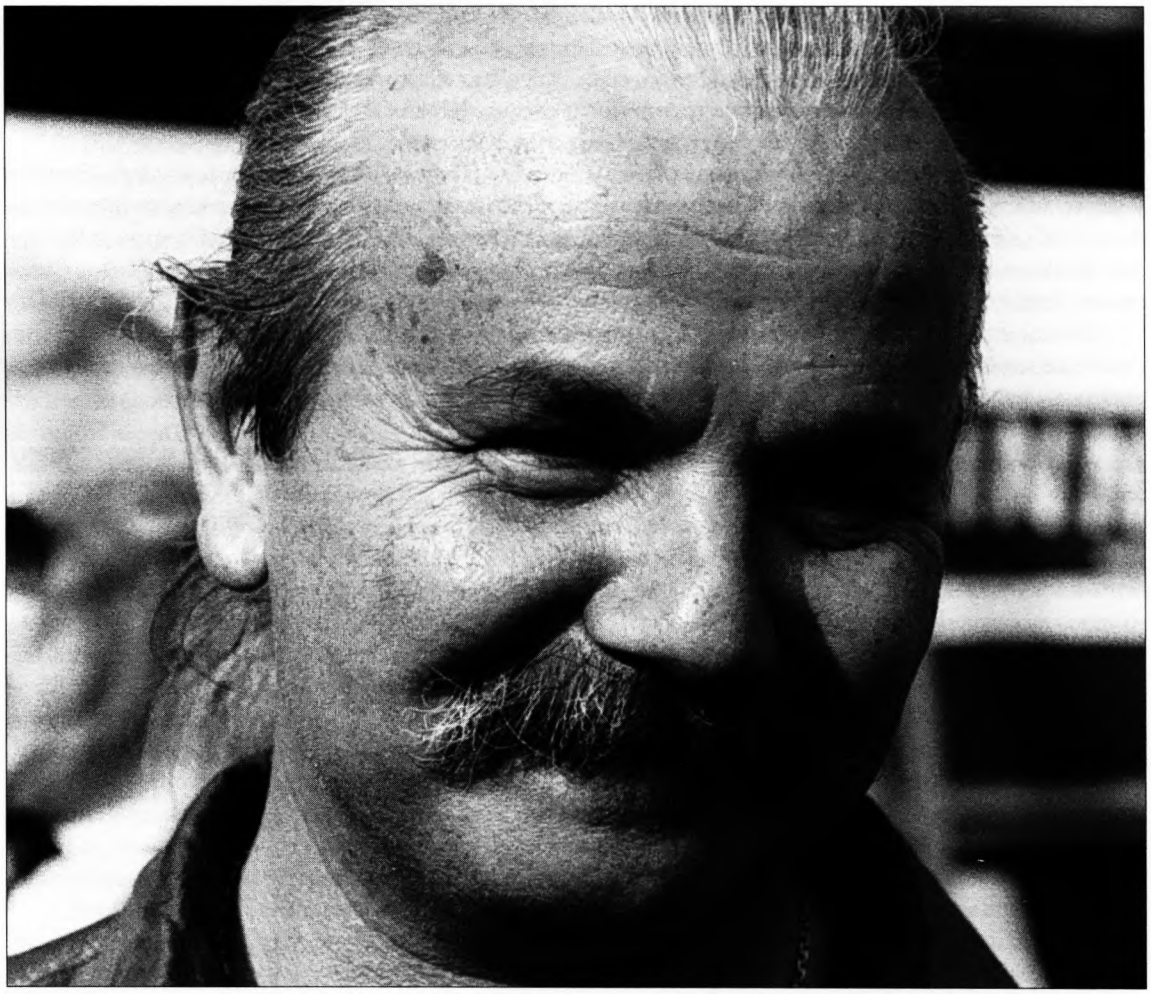
— Переговоров между нашими народами в самых разных сферах было не слишком много. Встречи ученых, мыслителей и духовенства были до сих пор редкостью. Каждая встреча была чем-то чрезвычайным, необычным. Вести диалог всё чаще начинают университеты, исследовательские центры и прежде всего созданные в Варшаве и в Москве Центры польско-российского диалога и согласия. Теперь самое время, чтобы эти переговоры стали делом обычным.

Это касается также контактов между духовными лицами. Было бы чрезвычайно полезно, чтобы послание передавалось доступным языком в проповедях или, ещё лучше, чтобы оно прозвучало целиком во всех польских и российских храмах. Ведь это заняло бы не более четверти часа.

TYGODNIK POWSZECHNY
KATOLICKIE PISMO SPOŁECZNO-KULTURALNE

Збигнев Холдыс

СМЕРТЬ ТИТАНА



За три месяца до смерти Марека Котанского* я встретился с ним: нужно было достать несколько дешевых гитар для освобождающихся от зависимости наркоманов. Мы беседовали о том о сем, бродили по территории «Маркота» на Марывильской, заходили в недавно построенные здания и хоспис, любовались деревянным домиком, в котором должна была разместиться телестудия. По дороге в офис он показал мне два запаркованных рядом джипа и объяснил: «Мое хобби». Машины были солидные, хорошо оборудованные и совершенно не защищенные от угона. В одной из них я заметил ключи. «Не боишься, что украдут?» Он пожал плечами: «Захотят — и так украдут. Радио уже два раза крали». — «Здешние? Твои подопечные?» — «А кто же еще? Ты даже не представляешь, кто здесь живет. Жуткий сброд: из тюрьмы, откуда угодно. Знаешь, чего я по-настоящему боюсь? Что в

* Основатель и руководитель «Монара» — организации по борьбе с наркоманией и оказанию помощи наркозависимым.

один прекрасный день меня здесь убьют». Я замер: «Что?!» — «Да запросто. Укокошат, и всё. Это постоянная игра с огнем». Комплекс назывался Центр помощи ближнему.

Тот, кто там не был, не имеет ни малейшего понятия, в чем заключается работа с опустившимися людьми. Это занятие не для Матери Терезы из наших грез. В центры для бездомных попадают всевозможные отверженные: от аутсайдеров и матерей с детьми, сбежавших от садистов-мужей, до алкоголиков, наркоманов и вышедших из тюрьмы уголовников. Каждый мой приезд туда заканчивался травмой на несколько дней. Казалось, я могу беззаботно зайти, побеседовать с жильцами, ободрить их, поиграть с ними на гитаре... Увы, уходя от них, я был психической развалиной. А для Котана это был хлеб насущный.

«Вы что, не записываете их паспортные данные? Не знаете, кто они такие?» — спросил я. «А если человек говорит, что потерял паспорт, что ты с ним сделаешь? Не выгонишь же его на улицу посреди зимы. Он называет какую-то фамилию, и всё. За половиной из них числятся разные грешки — они бы никогда сюда не пришли, если бы должны были сообщать свои данные». — «А как же полиция?» — «У меня молчаливый уговор с участковым. Пусть лучше анонимно живут здесь, чем будут анонимно бродить по белу свету». — «И он согласился?» — «Согласился смотреть на это сквозь пальцы. Паспорт каждый может потерять».

Анджей был убийцей, отсидел двенадцать лет. «Вишь, как оно вышло: саданул я фраерка по башке, а тот возьми да и хряпнись башкой об поребрик, мозг — триста четырнадцать грамм — на тротуар». Мороз по коже. «А вышел — пару дней на Центральном перекантовался, да страшно стало, что опять кого-нибудь разъебу и вернусь на нары. Вот и приехал сюда». Он стал моим самозваным ассистентом, когда мы записывали песню после смерти Марека. Как-то раз один наркоман украл у другого радио и сбежал из центра. Подходит ко мне Анджей: «Я поеду, найду его и привезу тебе его руку в мешочке. Скажи только слово». Мороз по коже. «Не делай больше ничего подобного», — говорю.

Котан основал больше сотни таких мест. Они разбросаны по всей Польше и дают шанс пережить зиму, найти безопасный уголок, скрыться от полиции, но прежде всего — вернуться к нормальной жизни. Некоторые воспользовались этой возможностью, а потом стали начальниками таких центров, терапевтами. Кое-что происходило на грани закона. Прямо за воротами, посреди двора поставили большую копию статуи Христа из Рио-де-Жанейро, чтобы Он с распростертыми объятьями встречал вновь прибывших. «Если приедут бульдозеры из стройнадзора ломать нелегально построенные дома, придется им сначала снести этого Христа. Я позову телевидение, будет шум на всю страну».

Я видел там девушек, у которых в 18 лет позади было уже несколько детоксикаций. Выглядели они ужасно. Одну из них я пригласил на MTV. Визажисты отмыли ее, причесали, одели в красные шпильки и черное мини-платье. Впервые в жизни она рассталась с курткой и трениками и тут же превратилась в Сальму Хайек. Ей и в голову не приходило, что она такая красавица. На передаче она слушала пение Марии Каллас и плакала. Ей удалось освободиться от зависимости. Это получается у одной из десяти.

19 августа 2002 г. Марек мчался на своем джипе домой, в Помехувек. 40-летний пьянчужка, волочивший за собой велосипед, на котором был не в состоянии ехать, выскочил прямо под колеса «Чероки». Марек чудом объехал его, попытался выровнять машину, но колесо угодило в яму в асфальте, и он врезался в дерево. Вот и всё.

Спустя три дня 30 бомжей, наркоманов и убийц, а также Кася Ковальская, Петр Мохамед, Агнешка Глинская и Кшиштоф Стельмашик исполнили для Марека песню «Помоги мне», которую можно бесплатно скачать здесь: http://tiny.pl/h426f.

Newsweek POLSKA

Иоанна Сольская

С ТОЛКОМ И БЕЗ ТОЛКУ. НА ЧТО МЫ ТРАТИМ ДЕНЬГИ ИЗ ЕС?

■ На что пошли 300 миллиардов?

Как члены сообщества мы уже получили от Евросоюза почти 80 млрд. евро. На что они пошли? Какую Польшу мы за них строим?

Если считать в злотых, наберется свыше 300 миллиардов. Необычно, что эти суммы не были, как при Гереке, одолжены — нам их подарили «за сам факт существования». В истории Польши такой золотой жилы еще не бывало. Мы успели попасть почти в два бюджета ЕС, формирующихся на семилетний период: в концовку того, что охватывал 2000-2006 гг, и в текущий бюджет на 2007-2013 гг., — в качестве «нетто-получателей помощи Евросоюза».

Она причиталась нам, поскольку основополагающий принцип ЕС — выравнивать уровень жизни между разными регионами Европы. Свой бюджет, именуемый финансовой перспективой, ЕС делит в соответствии с ясными принципами, чтобы не сказать алгоритмом. Во внимание принимаются несколько показателей, особенно величина ВНП брутто на одного жителя, а также количество жителей. Эти критерии предопределили, что из средств по оказанию помощи, предназначенных для десятки новых членов, Польша отхватила половину. Это означает — столько нам выделили. Чтобы «слово стало плотию», от нас потребовалось выполнить целый ряд условий.

Прежде всего — вписаться в навязанную Брюсселем логику расходования денег. Иными словами, сначала добавить так называемый собственный вклад из национального бюджета — в среднем это 15%. Он обязателен при осуществлении публичных проектов, а также при прямых доплатах крестьянам. Если европейских средств добивается фирма, ее собственный вклад часто должен быть выше, и чем более выгоден проект в коммерческом отношении, тем больше вклад бенефициара. Если всё это просуммировать, получится заметно больше 340 млрд. зл. Это выше того, чем располагает в этом году для расходования бюджет всей Польши (328 млрд. зл.). От европейских «нетто-плательщиков» мы получили бонус в размере суммарных годовых доходов польского государства. Было за что менять облик «этой земли»*.

Такая крупная квота одновременно стала для нас немалой проблемой: израсходовать сотни миллиардов злотых в согласии со сложными процедурами и вдобавок с толком — одно из самых важных требований, с какими когда-либо сталкивалась польская администрация. Тем более что нас сопровождал политически подпитываемый страх, что какие-то деньги могут пропасть. В этом отношении мы оказались, однако, довольно эффективны: польское министерство регионального развития, образованное специально для обслуживания дотаций ЕС, подчеркивает, что наш «уровень поглощения» — самый высокий среди всех стран новой десятки.

«Операция “дотация”» означает, что сначала в реализацию одобренных Брюсселем программ надо вложить наши, польские деньги и лишь потом добиваться их возмещения из Брюсселя, что, к сожалению, требует времени. Очередной шаг на брюссельской дорожной карте — убедить чиновников ЕС, что проект, на который мы хотим получить поддержку, подходит к надлежащему ящику с деньгами. Этих ящиков несколько: Европейский фонд сплочения, предназначенный для крупных общенациональных инвестиций, таких как автострады или аэропорты; Социальный фонд, из которого инвестируют в людей; наконец, Фонд регионального развития, невероятно многоплановый — из него можно построить как велосипедную дорожку, так и киностудию или комплекс научных лабораторий. Но самым крупным ящиком, в который Брюссель постоянно вкладывает 40% своего бюджета, — это

* Слова в кавычках — отсылка к выступлению Папы Иоанна Павла II в Варшаве 2 июня1979 в ходе его первого апостольского визита в Польшу. — *Пер*

общая сельскохозяйственная политика[1]. На ней-то и сосредоточились польские переговорщики, устанавливая условия вступления Польши в Евросоюз. И добились успеха — с сегодняшней точки зрения весьма сомнительного. Польша — единственная страна в ЕС, предоставляющая доплаты к земле даже таким псевдоземледельцам, которые ничего не производят на рынок.

Фонды подразделяются на программы. Чтобы получить деньги, надо вписаться в какую-то из них, например, в программу «активизация безработных», которая представляет собой часть Европейского социального фонда. Распорядители средств, которыми в данном случае управляют маршалы воеводств, — поветовые органы по трудоустройству, и это они объявляют конкурс для фирм и фондов, которые декларируют, например, намерение опекать какую-либо группу безработных, что для последних должно завершиться поступлением на работу или учреждением собственной фирмы. После окончания программы достигнутые результаты оценивает эксперт, нанятый тем, кто управляет средствами. Своих специалистов-оценщиков присылает также Брюссель.

Иначе обстоит дело в случае Фонда сплочения. Здесь сначала государство, иначе говоря, от его имени министерство инфраструктуры и исполнитель (например, главная дирекция национальных дорог и автострад) очерчивают программу развития, скажем, автострад: те города, которые они должны соединить, ценовые условия, сроки. Потом исполнитель объявляет конкурс для суб-исполнителей, уточняя критерии и начисляя баллы за их соблюдение. Выиграть должны лучшие. У нас до сих пор побеждали самые дешевые, и теперь мы испытываем трудности.

Всё перечисленное очень сложно, этому трудно научиться, зато легко запутаться. Бенефициары единодушно считают, что самый высокий барьер для них — бюрократические процедуры. Брюссель, как и любая бюрократия в мире, с большей суровостью оценивает формальную безукоризненность проекта, чем его смысл. Поэтому на деньгах ЕС хорошо живется многим консалтинговым фирмам, которые рекламируют себя тем, что написанные ими заявки рассматриваются положительным образом. И берут за это 10-15% стоимости проекта! В результате дорожка для доступа к евросоюзным деньгам часто напоминает так называемую тропинку здоровья* — трудно угадать, кто ее пройдет. В списке осуществленных проектов сегодня свыше 70 тыс. позиций — от больших инфраструктурных программ вплоть до фестиваля «танцев и переплясов» и «увековечивания судеб армейских священнослужителей».

Чаще всего средства для осуществления конкретных программ можно получить из разных ящиков. Временами на то же самое будут выделяться совершенно другие деньги.

Самый до сих пор объемистый ящик — Европейский фонд сплочения. Он служит для того, чтобы новые члены Сообщества в цивилизационном отношении как можно быстрее подтянулись до уровня старых. Для нас символической была установка на наконец-то завершенной автостраде А2 дорожного указателя, информирующего, что по ней мы можем доехать до самого Лиссабона. Реально она связала нас также со всей Европой. Причем именно благодаря Фонду сплочения. Но его определение размыто: той же самой цели — стремлению догнать Европу — служат и остальные фонды. Лучше сказать, что из Фонда сплочения финансируется широко понимаемая большая инфраструктура, к примеру, автострады или крупнейший в Европе комплекс очистных сооружений «Чайка» в Варшаве. Но уже не воеводские дороги — здесь надо втиснуться в Фонд регионального развития.

В ящике с надписью «Европейский фонд сплочения» лежит достаточно много денег, но, как оказалось, нам их трудно расходовать. Для Польских государственных железных дорог — слишком трудно. Они смогли вытянуть из этого ящика 20 млрд. зл., но хороших проектов хватило всего лишь на 4% этой суммы. Поэтому мы попросили у Брюсселя согласия перенести эти деньги с железных дорог на автомобильные. И ожидаем решения. Принцип таков, что в пределах одного и того же фонда можно (с согласия ЕС) перебрасывать средства из программы в программу, но из фонда в фонд — уже нельзя.

Таким образом, хотя брюссельские ящики лишены гибкости, в реальной жизни деньги смешиваются. Чтобы хорошо их использовать, нельзя поддаваться желанию бюрократии ЕС разложить всё по полочкам. Иначе говоря, надо, например, видеть перспективное развитие общенационального транспорта, так как частично можно его финансировать из Фонда сплочения (железные дороги, автомобильные трассы общегосударственного назначения, аэропорты), а частично — из другого ящика, из Фонда регионального развития. Тогда будут результаты.

* Тропинка здоровья — ироническое определение для формы истязаний, применявшихся в ПНР к оппозиционерам: их прогоняли сквозь строй спецназовцев, которые избивали жертв милицейскими дубинками.

На развитие транспорта — чтобы оставаться в рамках данного примера — мы уже получили из обоих фондов 22,1 млрд. евро. И на них построили или модернизировали 15 тыс. км автомобильных и почти 2 тыс. км железных дорог (в частности линии Варшава-Лодзь и Варшава-Гдыня). В том числе — 430 км автострад А1, А2, А4. Для сравнения: в течение 15 лет, с 1989 по 2004 г., в нашей стране построено не намного больше — всего 545 км автострад. За эти деньги плюс, разумеется, взнос из Национального дорожного фонда, пополняемого бюджетом, возникли еще и экспресс-трассы, связывающие самые крупные агломерации. А также местные «схетинки»*.

Вокруг 14 городов возникли или еще строятся кольцевые дороги суммарной длиной 920 км. С привлечением денег ЕС, так как поначалу собственные, другими словами, заимствованные из банка средства выкладывают местные органы самоуправления. Расширялись также трамвайные и троллейбусные маршруты (550 км). Финансируется новая линия метро в столице. За эти же деньги приобретается новый подвижной состав, что видно на улицах Варшавы, Познани, Щецина, Вроцлава, Лодзи, Гданьска и Кракова. Однако города, особенно умело протягивающие руку за дотациями из Брюсселя, задолжали суммы, которые выходят за допустимые границы, — например, долги Торуня превысили его годовые поступления и составляют уже 110% городского бюджета! Зато там есть новый мост через Вислу вместе с подъездными магистралями и скоростная внутригородская железная дорога.

Благодаря деньгам ЕС перестроены также железнодорожные вокзалы, например, во Вроцлаве, Кракове и Гдыни. Иначе, по-европейски, выглядят сегодня и аэропорты в Гданьске, Вроцлаве, Жешуве, Познани, Щецине, Кракове, Катовицах и Варшаве. В этом смысле, если бы не европейские деньги, то не было бы рекламного и организационного успеха Евро-2012.

К обоим ящикам можно также обращаться за поддержкой проектов, связанных с широко понимаемой охраной окружающей среды. Из них удалось извлечь более 10,2 млрд. евро. Они пошли на строительство или модернизацию 33,2 тыс. км канализационных сетей, а также 11 тыс. км водопроводов. Для многих деревень и небольших населенных пунктов это означало, что за водой уже не надо ходить к колодцу: она начала течь из крана. Символическим стало исчезновение примитивных отхожих мест. Везде улучшилось качество питьевой воды. Возникло 841 новое или фундаментально модернизированное очистное сооружение для сточных вод. Вскоре по другую сторону Балтики перестанут рассматривать нас как варваров, загрязняющих общее море. Черпая деньги из Европейского фонда регионального развития, города пытаются также решить проблему утилизации растущих гор мусора. Это уже удалось в Гданьске, Гожуве-Велькопольском, на Хелмщине, в Бельско-Бялой.

Ручейки денег, капающих для окружающей среды, бывают совсем маленькими — как те, что поддерживают 17 национальных парков и позволяют оберегать 340 видов растений и животных, — но могут быть и внушительными, когда инвестор затронет некую чувствительную струну ЕС или попросит поддержки для возобновляемых источников энергии. Это сегодня европейская мода сезона, порою на границе рассудка, но под указанным лозунгом можно выжать из Евросоюза всё больше и больше. Таким способом в стране возникает 31 дотированная ветряная ферма, ландшафт в Западно-Поморском и Поморском воеводствах испещрят 236 ветряных мельниц общей мощностью 464 МВт. Целых 500 публичных объектов, главным образом больниц и школ, подверглись термомодернизации, в рамках которой там были установлены энергосберегающие системы освещения, обогрева, вентиляции и кондиционирования воздуха.

Из обоих фондов уже финансированы проекты, которые важны для энергетики: газопроводы Влоцлавек-Гдыня и Еленюв-Дзивишув, а также хранилище газа Страхотина. Возникает терминал для сжиженного газа в Свиноустье, подземные хранилища газа в Вешховицах и Корсакове, а также электроэнергетическая система, связывающая Польшу и Литву. Всё это должно увеличить нашу энергетическую безопасность.

Список проектов, осуществленных благодаря деньгам ЕС, длинен. Мог ли он быть еще длиннее? Мы упоминали, что на железные дороги нам «причиталось» целых 20 млрд. зл., а израсходовали мы всего лишь 4%, так что, наверно, мог. Если Брюссель согласится, чтобы мы предназначили эти деньги на автомобильные дороги, то сумеем ли мы потратить их лучше? Особой уверенности в этом нет.

* Гжегож Схетина был в 2007-2009 гг. заместителем премьер-министра, курировавшим эти программы, а также министром внутренних дел и администрации.

Реализация структурных программ — трудное дело. А министрам, которые осуществляют надзор за этими программами, и государственным учреждениям, которые занимаются их выполнением, таким, как генеральная дирекция национальных дорог и автострад, очень не хватает бизнес-опыта.

Хождение по мукам начинается намного раньше, чем на строительную площадку въедет первый экскаватор. Надо уважать завышенные (часто тоже до границ абсурда) требования, которые связаны с окружающей средой, договориться с владельцами земельных участков, подготовить хорошие проекты, найти подходящих исполнителей и на переговорах с ними прийти к хорошей (для обеих сторон) цене. А также, разумеется, преодолеть всяческие формальные барьеры. Правительственные учреждения справляются с этим всё лучше, но большие выкупы за неопытность мы по-прежнему продолжаем платить.

■ Бесценный человеческий капитал

Чтобы перемолоть такую большую сумму денег Евросоюза, не удастся управлять ими только централизованно. Нынешнее правительство сделало ответственными за их использование еще и местные органы самоуправления. Каждое четвертое евро, поступающее от ЕС, осваивают маршалы воеводств.

В их распоряжение отдана не только часть денег из Европейского фонда регионального развития, но в первую очередь — из Европейского социального фонда. У потенциальных бенефициаров этот фонд пользуется огромным успехом. Главным образом потому, что бенефициаром может быть каждый. Отдельно взятый Ковальский, учрежденная им фирма или же местный орган, ведающий трудоустройством. Указанный фонд дает доступ к очень легким деньгам, порождая искушение употребить их преимущественно для увеличения популярности местной власти среди электората. Людей он тоже соблазняет — можно получить 20 или даже 40 тыс. зл.

Согласно установкам и идеологии ЕС, этот ящик должен служить людям, наращивать бесценный «человеческий капитал»: интегрировать лиц с ограниченными возможностями в общество, помогать безработным находить себе занятие, удерживать пожилых на рынке труда, обеспечивать молодым лучшее образование. На эти цели мы израсходовали за прошедшие восемь лет свыше 11,5 млрд. евро. Массу денег. Что мы имеем благодаря этому?

Возникло 125 тыс. новых фирм. Зачастую их учреждали лица, которые до этого момента напрасно искали себе работу, в том числе — более 10 тысяч в возрасте старше 50 лет. 700 тыс. учащихся, студентов, аспирантов и докторантов получили стипендии. На новых, так называемых заказных направлениях обучения (например готовящих инженеров) были финансированы занятия 45 тыс. студентов. СМИ как раз начинают бить тревогу, что многие из молодых трактуют это как возможность получать ежемесячно тысячу злотых, а учебу принимают не очень-то близко к сердцу.

Были также организованы и оплачены занятия для 100 тыс. дошкольников в более чем 3 тыс. новых детских садов. В общей сложности разными формами поддержки (дотациями или учебными курсами) воспользовались целых 7,3 млн. человек! Много, только вот чего всё это стоит на самом деле? Какие плоды принесли эти деньги, вложенные в поляков? Насколько мы стали более привлекательными для работодателей?

Новейшие исследования международного агентства кадрового консалтинга «Manpower Group», связывающего работодателей с работниками, должны в этом контексте изумлять. Из них вытекает, что целых 37% фирм не могут найти людей для работы. Наибольшая нужда — в инженерах. Видимо, те, кому г-жа министр науки и высшего образования предоставила льготные стипендии, еще не успели завершить учебу. Но что происходит с многотысячной армией людей, обученных разного рода фирмами, которые живут на средства ЕС и переварили значительную часть из вышеуказанных 11,5 млрд. евро? Второе место в рейтинге самых востребованных профессий занимает теперь квалифицированный работник физического труда. Почему, невзирая на множество учебных фирм, эта гора истраченных за столько лет денег не встретилась с армией людей, безуспешно ищущих работу?

По мнению Катажины Данек, одной из руководителей «Manpower Group», объяснение довольно простое. Фирмы, которые в таком массовом порядке обучают безработных, обычно не поддерживают никаких контактов с потенциальными работодателями. Поэтому чаще всего они предлагают учебные курсы по составлению букетов, компьютерные либо языковые курсы. Тогда как работа есть, в частности, для сварщиков, операторов станков с цифровым управлением и т.д. — словом, для лиц, обладающих совсем другими умениями и навыками. Такими, которым нельзя обучить в арендованном зале.

Если из числа 125 тыс. вновь возникших фирм вычесть те, которые живут за счет никому не нужного обучения, то результативность потраченных денег тоже окажется не слишком внушительной. Среди подобных бенефициаров присутствуют, например, рекламные агентства, которые «перемалывают» многочисленные щедрые дотации, предоставленные, скажем, для популяризации свинины или говядины. Благодаря их посредничеству средства ЕС попадают в СМИ, которые наставляют людей, что размороженное мясо не следует замораживать вторично. Для потребителей это бессмысленно.

Время неумолимо проверит также полезность многих фондов и агентств, помогающих в создании собственной фирмы. Самым большим стимулом здесь служит возможность получить безвозвратную дотацию — от 20 до 40 тыс. зл. Без собственного вклада. Желающих стать бизнесменами (или только получить 20 тыс. зл.) пропускают через сито. Сначала надо проверить, есть ли у них предрасположенность. Затем помочь в составлении бизнес-плана и оценить, каковы их шансы на местном рынке. Дотацию получает лишь часть страждущих. Они учреждают фирмы, которые занимаются уборкой, либо косметические салоны. Многие из бенефициаров, а особенно те, кто не получил денег, дают понять, что судьбе надо помогать.

О смекалке и предприимчивости человека лучше всего свидетельствует, однако, его прохождение не через сито поветового органа по трудоустройству, а через отделение Агентства реструктуризации и модернизация сельского хозяйства (АРиМСХ). Здесь на учреждение фирмы можно получить уже 100 тыс. злотых. И еще по 100 тысяч — на создание каждого нового рабочего места. Причем не ставится условие, что необходимо отказаться от ведения своего хозяйства.

Почему дотация на учреждение фирмы от АРиМСХ в пять раз выше, чем от органа, ведающего трудоустройством? Потому что деньги исходят от программы развития сельских территорий (иначе говоря, из Европейского фонда регионального развития). Агентство удивляется, что целых 60% желающих получить дотацию — это лица не из тех населенных пунктов, где они зарегистрировали фирму. Что ж, удобный случай создает предпринимателя. Агентство хвалится, что благодаря 4,45 млрд. зл. (министерство регионального развития ведет статистику в евро, сельского хозяйства — в отечественной валюте) на селе возникло уже 34 тыс. новых фирм и всё время создаются новые. Деньги есть.

Однако самый широкий из ручьев, текущих в деревню, — прямые дотации на каждый гектар земли. Это самые легкие деньги ЕС, они полагаются за сам факт владения землей. Без условия, чтобы обрабатывать ее, не говоря уже о том, чтобы продавать какие-либо продукты на рынок. С 2004 г. в рамках прямых дотаций крестьяне получили уже свыше 18 млрд. евро! Это намного больше, чем государство расходует ежегодно на здравоохранение для всех поляков.

Результатов модернизации, однако, не видно. За деньги Евросоюза мы консервируем на селе этнографическую музейность. Ничтожны и результаты поддержки нашего села программами из других ящиков, которых довольно много. Нельзя обольщаться, что благодаря этим деньгам крестьяне находят другие источники заработка, помимо земледелия. Анализ, выполненный министерством труда и социальных вопросов, заставляет сомневаться в целесообразности указанных дотаций. Коль скоро за дотации в деревнях основано столько новых фирм, то почему от работы за собственный счет исходит всего лишь 1% доходов крестьян? От социальных пособий — 14,9%. От наемного труда — 10,1%.

Экономисты удивляются: зачем мелкие земледельцы в таком массовом порядке покупали себе трактора? Свыше 70% польских хозяйств по-прежнему имеют меньше 7 га, и эти машины не будут использованы. Ответ прост — АРиМСХ возвращает за машины до 300 тыс. зл. Дают — бери. В рамках многочисленных программ модернизации сельского хозяйства. Нельзя, однако, сказать, что сельское хозяйство в своей массе становится более современным. У нас по-прежнему всего лишь 250 тыс. крупных, современных хозяйств и 1,5 млн. карликовых. Последние кормят своих владельцев доплатами и государственной пенсией. Поэтому никто не избавляется от наследственных родовых владений. Пропорции между первой и второй группами хозяйств остаются неизменными.

В ящик Европейского фонда регионального развития местные власти охотнее всего залезают за деньгами на туризм, культуру и отдых. На эти цели потрачено 3,2 млрд. евро. Что мы с этого имеем?

8 тыс. км туристических маршрутов, в том числе многочисленные велосипедные дорожки из знаменитой бетонной брусчатки. Ее легко укладывать, давая занятие местному предпринимателю и попутно поддерживая местного производителя брусчатки. Это также 2,3 тыс. объектов культурной и рекреацион-

ной инфраструктуры. Таких, как Польский центр обучения «Коперник» или этнографический музей-заповедник в Саноке — крупнейший в стране музей на открытом воздухе. Но также многочисленные бассейны и аквапарки, которые на первых порах способствовали росту популярности местных властей. Хорошо продавались политически.

По прошествии лет видно, что среди этих объектов мало таких, как во Вроцлаве, — охотно посещаемый, который зарабатывает на себя. Большинство напоминает комплекс бассейнов в Сувалках. Отцы города рассчитывали, что туда будут ежемесячно приходить не меньше 30 тыс. человек. Тем временем посещаемость гораздо ниже. Бассейны на себя не зарабатывают. Существует опасность, что особенно задолжавшие органы самоуправления начнут их закрывать.

Эльжбета Беньковская, министр регионального развития, считает, что благодаря деньгам ЕС Польша развивается быстрее всех в Евросоюзе. «Они раскрутили нам конъюнктуру. Если бы эти деньги отсутствовали, наш темп роста был бы наполовину медленнее», — уверяет госпожа министр. Без работы могло бы оказаться на миллион с лишним больше людей.

Но авторы отчета под редакцией проф. Ежи Хауснера «Курс на инновации. Как вывести Польшу из дрейфующего развития» не смотрят на сегодняшние показатели. Их беспокоит, что будет завтра. И они считают, что желание выжать деньги из Брюсселя завело нас на ложный путь. Никакой чиновник не рискнет предоставить дотацию на честолюбивый, но ненадежный проект. Охотнее всего реализуются простые проекты вроде вышеупомянутых бассейнов, которые гарантируют быстрое и уверенное использование денег ЕС. Проектов, правда, набирается 70 тысяч, но количество не делает страну более современной, лучше подготовленной к вызовам будущего.

Конечно же, спасает нынешний экономический рост, но никто не гарантирует его сохранения в последующие годы. Мы научились заполнять все более сложные евросоюзные заявки, зато по-прежнему не способны ни создать перспективное видение модернизации экономики нашей страны, ни осуществить его. Хотя у нас наконец-то есть на это деньги. Мы сделались зависимыми от опиума поглощения средств.

Мнение бывшего вице-премьера сурово. Правительство защищается, утверждая, что деньги из Фонда регионального развития пошли не только на спортивные залы и бассейны, но и на реализацию богатой программы «инновационная экономика». Целых 9,8 млрд. евро! Дотации получили более 50 тыс. фирм и 560 исследовательских центров, было также финансировано строительство 1,5 тыс. лабораторий. Таким образом, деньги на инновации мы даем. Каковы эффекты этого?

■ Ящик, полный денег

Если деньги, на которые мы развиваем инфраструктуру, можно назвать трудными, а те, что идут на программу «человеческого капитала», — легкими, то средства на инновационную экономику попросту таинственны. Правда, добивающиеся их фирмы строго оцениваются не только чиновниками, но прежде всего выдающимися авторитетами из данной сферы, однако одни выстрелы могут быть меткими, тогда как другие — попадать пальцем в небо. Фирмы, протягивающие руку за деньгами ЕС, могут на них изобрести нечто такое, что революционизирует науку и экономику, но может случиться и так, что им в этих новых стенах просто ничего не придет в голову. Тем более что если у некоторых уже имеется какой-то проработанный проект, то большинство просит лишь деньги на здания и оборудование. Риск, что эти деньги пропадут, велик: если его бы не было, то деньги одолжили бы банки. Так что пока результатов не видно, хотя есть и многообещающие проекты.

Целых 359 млн. зл. получил из евросоюзного и отечественного бюджета Центр доклинических исследований и технологии Варшавского медицинского университета. Он хвалится, что эти деньги — на крупнейший в Центрально-Восточной Европе биомедицинский и биотехнологический проект. На них хотят создать динамичный научный центр, где будут изучать цивилизационные заболевания, в частности новообразования. Пока центр строится.

Что мы получим от дополнительного финансирования (более 110 млн. зл.) программы международных докторантских проектов Фонда развития польской науки? Узнаем, когда они начнут реализоваться. Хороша ли другая инвестиция — 18 млн. для ЗАО «American Heart of Poland», переданные на создание

научного центра развития клинических исследований? А 32 млн. зл. на «создание самой лучшей интегрированной системы популяризации творческой академической предприимчивости»? Какая у нас гарантия, что лаборатория (дополнительно профинансированная суммой в 165 млн. зл.), возникающая в Зеленке близ Варшавы, действительно удовлетворит требованиям фирмы «Боинг» и та начнет тестировать в ней прототипы турбин авиационных двигателей? Пока что это только надежда.

Из этих почти 10 млрд. евро сомнений не возбуждают лишь немногочисленные проекты, например Международный центр исследований и лечения частичной глухоты в Каэтанах под Варшавой, поддержанный суммой 87 млн. зл., или студия «Alvernia Studios» под Краковом (8,8 млн. зл.), которую отраслевой журнал «Голливуд репортер» признал одной из самых многообещающих киностудий в мире. Оба проекта уже сданы в эксплуатацию. Остальные — это «Польша на стройке»*.

Из Евросоюза нам выделены также деньги на информационное общество. 2,7 млрд. евро — на расширение инфраструктуры широкополосного интернета и на дополнительное финансирование доступа к сети для 500 тыс. домашних хозяйств. Мы всё время на старте. В течение восьми лет нам не удалось реализовать ни одного из крупных информационных проектов, даже электронного удостоверения личности. Легкие деньги искушают.

Министерство регионального развития, которое распоряжается большинством средств, не разделяет мнения, что на деньги ЕС оно осуществляет только самые простые проекты. В свою защиту у него есть рейтинг наиболее инновационных мероприятий в Польше, составленный Институтом экономических наук Польской Академии наук. Все лидеры — это бенефициары кассы Евросоюза. Значит, деньги давали тем, кому надо. Если, стало быть, у нас нет инновационных продуктов, которыми мы завоевали бы мир, то, возможно, не потому, что их творцам отказывают в поддержке, а из-за того, что никто еще не достает из своих ящиков этих гениальных изобретений? Пока что в ящиках у нас лежат только деньги...

Теперь мы рассчитываем на очередные 80 млрд. евро, уже из бюджета на 2013-2020 гг. Министр Беньковская обещает, что их станут делить несколько иначе: «Крупные и средние предприниматели должны будут отучиться от даровых дотаций, зато мы начнем охотнее, чем до сих пор, поддерживать их ссудами». На человеческом капитале Евросоюз экономить не намеревается. Денег на инновации тоже хватит, но на местные дороги органам самоуправления придется зарабатывать самим. Кончается эпоха многочисленных, но немногого стоящих курсов обучения.

Торги за новые деньги ЕС как раз вступают в решающую стадию. Мы убеждаем «нетто-плательщиков», что это наилучшим образом потраченные деньги на развитие, что без них Польша не была бы импонирующим Европе «зеленым островом». Это сильный аргумент: невооруженным глазом видно, как те 300 млрд. зл. из кассы ЕС и дополнительные десятки миллиардов из нашего собственного бюджета изменили Польшу.

Но, между нами, признаемся себе и в том, что больше всего пригодились те деньги, которые труднее всего потратить и на которые мы в таких муках строим автострады, аэропорты и всю инфраструктуру, отстававшую на протяжении поколений. Хуже с легкими деньгами, или — как мы сами оцениваем — более чем с половиной общей суммы. Живется нам на них лучше. Как красиво выражаются экономисты, эти деньги укрепили внутренний спрос, иными словами, они были взяты и проедены. Можно даже сказать, что мы уже сделались зависимыми от таких денег. Проблема в том, что сами мы их заработать не в состоянии.

Тем временем бюджет Евросоюза на 2014-2020 гг. означает для нас последние семь тучных лет. Алгоритм ЕС отчетливо указывает, что теперь помогать надо тем, кто беднее Польши, особенно в Европе, охваченной кризисом. Тем важнее становится, чтобы эти очередные 80 млрд. евро не растратить впустую.

POLITYKA

* Ироническая отсылка к одноименной программе правящей «Гражданской платформы». — *Пер.*

Мацей Новицкий

ПОЛЬША ЗАМЕТНО МЕНЯЕТСЯ

Феномен Польши последних лет — страна, вырывающаяся из тисков собственной истории и собственного «я». С успехом.

Польша — большой успех. Чтобы это понять, не надо браться за крапленые карты и в сотый раз вспоминать доисторические времена коммунизма, когда в магазинах не было ничего, а на улицах бесчинствовали спецназовцы, вооруженный отряд режима. Или припоминать те исторические моменты, когда мы вступили в НАТО, а потом — в ЕС. Это было давным-давно. Самую неожиданную победу Польша одержала недавно — во время европейского кризиса. Ею мы обязаны исключительно себе самим.

■ Поляк учит немца

Наша победа становится еще заметнее, если посмотреть на нашу страну с перспективы европейского лидера — Германии. И европейского аутсайдера — Греции. Недавно одно из посреднических бюро по трудоустройству в земле Саксония-Ангальт предложило безработным немцам новую форму переподготовки: отправиться в великопольский город Милич, где они начнут учиться этике труда и раннему вставанию.

Еще недавно Польшу в Германии описывали как страну автомобильных воров («Только что украден, и уже в Польше» плюс фотография лимузина — так выглядела типичная обложка влиятельного таблоида «Бильд») и посткоммунистического уродства. Сегодня немецкие СМИ заявляют, что «Польша — это самая большая success story в Европе». Когда в прошлом году немцы открыли полякам рынок труда, они надеялись, что приедут сотни тысяч желающих. И были очень разочарованы: не приехал почти никто. Оказалось, что поляки предпочли выполнять ту же работу у себя дома.

Известный экономический комментатор газеты «Файнэншл таймс» Вольфганг Мюнхау недавно с удивлением отметил, что для молодых, состоятельных берлинцев Париж и Лондон перестали быть привлекательными: «там мало что происходит». Варшава привлекает их куда больше.

Подобной перемене дает объяснение проф. Лешек Бальцерович:

— Экономика — наш самый крупный пропагандистский козырь. То, что Польша, единственная в Европе, сумела избежать экономического спада в 2009 г., отмечали во многих странах. В Германии, где еще недавно говорили о «polnische Wirtschaft», с превеликим удивлением узнали, что мы еще в 1997 г. записали в конституцию ограничение государственного долга на уровне 60% ВВП. Им такая идея пришла в голову лишь недавно.

Разумеется, нам по-прежнему очень далеко до такого экономического гиганта, как Германия. Несмотря на свои большие успехи Польша производит пока чуть больше 2% ВВП всего ЕС. Но в одном мы похожи: Польша и Германия — две единственные страны, которые значительно улучшили свою позицию в Евросоюзе с тех пор, как начался кризис.

— Вам не всё удалось, но покажите мне другую страну в Европе, которой, как Польше, хотелось бы всё больше и больше, а не всё меньше, — говорил мне Иван Крастев, известный в Центральной Европе политолог.

■ Не витая в облаках

Когда рушился коммунизм, говорили, что Польша должна брать пример с южных стран Европы, особенно Испании, ибо на большее нас не хватит. Сегодня никому подобная идея даже в голову не придет: Польша находится в куда лучшем положении, чем страны европейского Юга. С точки зрения рентабельности наших облигаций мы обошли не только соскальзывающую в пропасть Грецию, но и Португалию, Испанию и Италию.

Правда, поляки по-прежнему бедны (доходы на душу населения у нас ниже, чем в Греции), но мы, по крайней мере, можем рассчитывать на улучшение. А греков ждет катастрофа. Если Афины выйдут из зоны евро и введут драхму, то, судя по последнему отчету Национального банка Греции, их доходы (а тем самым стоимость недвижимости и банковских депозитов) упадут на 55% и составят 8,7 тыс. евро на душу населения в год. Меньше, чем в Польше.

В конце 80-х экономическое положение Польши было гораздо хуже, чем сегодняшнее положение Греции. Инфляция достигала 40% ежемесячно, государство было банкротом в буквальном смысле слова. Тем не менее мы справились, в то время как у греков нет разумной идеи выхода из кризиса. Они мечтают лишь о том, куда бы сбежать от действительности. Нас от такого бегства излечил коммунизм. Отсюда сегодняшний успех.

■ Кто видел счастливого француза

Существует миллион вещей, которых я в Польше не выношу. И множество способов подвергнуть сомнению польский успех. В конце концов ничего не дается раз и навсегда.

— Я в душе молюсь, чтобы Польша не опровергла свой исправленный образ, — говорит Лешек Бальцерович. — Мы должны противостоять негативным тенденциям, которые маячат на горизонте, таким как падение уровня занятости, низкий уровень инвестиций, снижающийся рост эффективности. Если мы ничего с этим не поделаем, если не проведем больше реформ, то Польша окажется «зеленым островом» лишь ненадолго.

Однако, по его мнению, вместо серьезных дебатов на эту тему у нас ведутся дискуссии во всё худшем стиле, в ходе которых многочисленные «политические аналитики» озабочены лишь тем, кто кому сильней «влепил».

— Мало кто занимается тем, что на самом деле надо сделать, — добавляет Бальцерович. И он прав.

Джордж Оруэлл написал когда-то, что жизнь человека, если наблюдать ее изнутри, всегда выглядит поражением. То же самое и с жизнью народов, и уж наверняка европейских народов. Я провел много времени во Франции и ни разу не встретил счастливого француза. Немцы сегодня добились наибольшего экономического успеха в Европе, но вовсе этим не довольны. Несколько дней назад опубликованы итоги опроса, из которых следует, что они совершенно утратили способность радоваться жизни, как будто у них вдруг исчез «ген удовольствия». Даже качество их оргазмов понизилось. Психологически это понятно: когда мы упорно чего-то добиваемся, напряжение мешает нам испытывать удовлетворение.

■ Террор оптимизма

Актриса Магда Мельцаж живет между Польшей и США. Когда ее спрашивают, чем американская Мельцаж отличается от польской, Магда отвечает: невыносимо, до боли оптимистична.

— С американцами я не стану говорить о польской меланхолии или нашей чувствительности. Это вещи, которых им просто не понять. Моего мужа ужасно раздражают эти жалобы и постоянная поза жертвы. А оптимизм американцев — если говорить о планировании будущего — просто безграничен. Потерпев поражение, они говорят: «Это был интересный опыт», — и идут дальше. Я тоже стараюсь так смотреть на мир, ввожу нечто вроде террора оптимизма.

И, быть может, это лучший совет, какой можно дать полякам: введем террор оптимизма.

Взглянем хотя бы на цифры и данные, которые свидетельствуют о нас положительно. С точки зрения уровня жизни Польша занимает 29-е место в мире, лишь на шесть пунктов ниже, чем Италия. Затем — коррупция. Тут мы на 41-м месте, но значительно хуже обстоит дело у чехов и итальянцев (в то время как из опубликованных несколько дней назад данных опроса следует, что субъективная оценка поляками самих себя совершенно иная: мы считаем свою страну самой коррумпированной в Евросоюзе). В классификации экономической свободы мы опережаем французов на 3, а итальянцев — на целых 28 пунктов.

■ **Польша, или Женщина-ниндзя**

Но существует и такая классификация, в которой мы занимаем одно из последних мест. Это марка страны. Здесь мы на 79-м месте — на 31 пункт отстаем от Чехии, на 54 — от Голландии и на 69 — от Италии. Мы проводили бесчисленные рекламные кампании, но всё впустую.

Юстина Ковальчик, олимпийская чемпионка по лыжам, на вопрос, чем хороша Польша, ответила:

— Это страна фантастически амбициозных людей. Все мои знакомые очень много работают и последовательно добиваются своих целей. Всё больше людей уделяют внимание физкультуре. Польская кухня прекрасна. Дороги становятся всё лучше и лучше. И я всегда ощущаю преданность болельщиков. — А задумавшись на минуту, добавляет то, что, кажется, важнее всего: — Польша так сильно меняется.

Существует такая забавная присказка, образно отражающая разницу между США и Россией: у американцев на лице — всегда неискренняя улыбка. А у русских — искренняя ненависть. Поляки всегда были ближе к русским. Только вместо искренней ненависти на их лицах рисовалось искреннее недовольство. Но сегодня это уже не актуально.

— Молодые поляки, кажется, поняли, что вечно жаловаться — не самый лучший способ представляться, — говорит Лешек Бальцерович.

В 2005 г. маркетинговая фирма «Saffron Brand Consultants» предлагала использовать для продвижения Польши идею творческой напряженности между основными элементами самосознания страны. То есть нормальностью современного свободного общества и гораздо менее нормальным прошлым — историей разделов, войн, порабощения, экономического упадка. Идею лишь Польше присущего коктейля из патриотизма, религиозности и романтических традиций.

Прошло всего семь лет, но ясно, что сегодня никто разумный такого предложения уже не выдвинет. Польша — совершенно нормальная страна. Иногда прямо банальная, а иногда — скучная. Это хорошо: настоящие либеральные демократии скучны. И поэтому такую большую роль там играют низкопробные развлечения, а политика становится одним из них.

Но посмотрим на это с другой стороны. Польская нормальность порождена немалыми трудами. А на это способны только крайне здоровые организмы. Говорит Магдалена Мельцаж:

— Меня восхищает одна женщина-ниндзя. Это американка, которая тренируется в искусстве борьбы с четырехлетнего возраста. Ее поместили в комнату, где были установлены лазеры. Ученые рассчитали, что ни один человек не сможет справиться с этими препятствиями. А она справилась. Иногда стоя на одной руке. И когда ее спросили, как же это, она ответила всего лишь: «Всё дело в голове. Я заранее полагала, что единственное препятствие — это я сама».

Философы эпохи Просвещения очень просто объясняли разницу между животным и человеком: кошка всегда остается кошкой, в ней ничего серьезно не меняется. А сущность человека — стремление к переменам и постоянное преодоление самого себя. Такова и Польша последних лет — вырывающаяся из тисков собственной истории, собственного «я», всё смелее опровергающая законы тяготения. Пренебрегающая всяческими навязанными ей — казалось, навсегда — пределами.

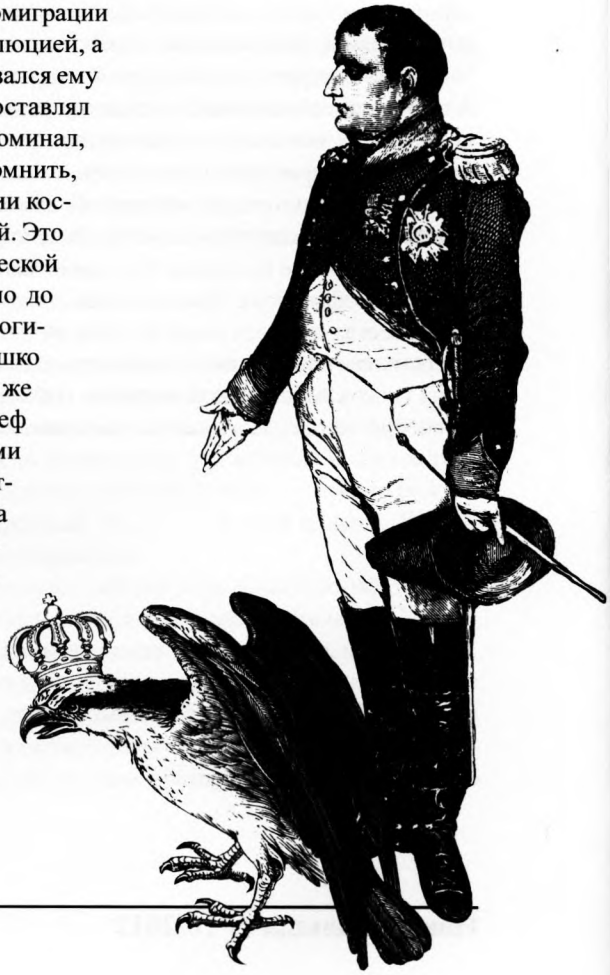
Newsweek POLSKA

Стефан Треугутт

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ КАК ГЕРОЙ ПОЛЬСКОГО РОМАНТИЗМА

Тот, кто захочет проследить особенности наполеоновской легенды в Польше, должен особое внимание уделить романтической версии этой легенды. Романтическое воплощение Наполеона оказалось решающим для дальнейшего бытования традиции. Образ Наполеона создавался в меру национальных надежд и ожиданий польского романтизма. Такой образ, построенный на границе мемуарного анекдота, историографии, культа личности и мессианских верований, пережил и сам романтизм, и все политические передряги, связанные с французским бонапартизмом. И, конечно, подвергся модификациям. Однако же до сих пор в польской литературе и публицистике «спор о Наполеоне», о его роли в нашей истории не приобрел академического характера и оказывается предметом дискуссий, касающихся национального самосознания. Это, несомненно, наследие романтизма, продолжение осуществленного им в ту эпоху рекрутирования Наполеона для польских дел.

В середине XIX века Жюль Мишле дал следующую формулу польского культа Наполеона: «Vainqueur, c'était pour eux un grand homme; vaincu et captif, un héros; mort, ils en ont fait un messie» [«Победитель, он был для них великим человеком; побежденный и пленённый, стал героем; из мертвого они сделали мессию»]. Мишле полемизировал с культом Наполеона, приводя слова Костюшко, что поляки должны возлагать надежды на Францию, а не на ее императора. Поскольку — и в этом Мишле соглашался с радикальным крылом польской эмиграции — независимость Польши гарантируется социальной революцией, а культ Наполеона, который уничтожил у себя революцию, казался ему ошибкой чувства и ошибкой лояльности. Мишле противопоставлял культу Наполеона демократический культ Костюшко, напоминал, насколько император обманул надежды поляков. Стоит вспомнить, что подобную попытку замещения наполеоновской традиции костюшковской предпринял через полвека Юлиан Мархлевский. Это противопоставление — назовем его антиномией демократической и имперской традиций независимости — просуществовало до недавних пор, настолько, что часто в трактовках роли идеологических оппонентов менялись местами: в одном ряду с Костюшко оказывались Генрик Домбровский и Легионы, со стороны же Наполеона славу польского оружия олицетворял князь Юзеф Понятовский. Не пренебрегая политическими проекциями оппозиции Костюшко — Наполеон, следует, однако, существенно ограничить ее значение, в особенности для периода романтизма. Мишле со своеобразной благородной наивностью напоминал полякам о демократических добродетелях Костюшко и имперском эгоизме Наполеона. Ни то, ни другое не было забыто, но и противопоставление не было чем-то необходимым.



Проявления культа Наполеона — как в эпоху романтизма, так и позже — никогда не были в Польше свободны от примеси критицизма и горечи. Он и Польшу не освободил окончательно, и даже к польскому делу не отнесся так, как оно, по нашему ощущению, того заслуживало. Если не считать идолопоклоннического

энтузиазма ветеранов, то именно такой колорит горечи, памяти о несбывшихся надеждах сопровождал даже самые высокие оценки Наполеона. Пусть заключительная часть «Пана Тадеуша» будет картиной разнородных оттенков польской памяти о Наполеоне: мера энтузиазма в памяти о той весне — это одновременно и мера горечи, разочарования, как и веры в будущее осуществление тогдашних надежд. И это основная, упроченная романтизмом причина культа Наполеона. Наполеоновская традиция была укоренена в истории борьбы за независимость, как и костюшковская традиция. Идеология независимости, опирающаяся на программу вооруженного действия, органично связывалась с воспоминаниями и историческим опытом войн эпохи Революции и Наполеона.

Если такие категории, как идеология независимости, вооруженное выступление, в ту эпоху не были достаточно определенными, поскольку их можно отнести к самым разным общественным программам и прагматике политического действия — от крайней революционности до откровенного консерватизма, — то и наполеоновская традиция оказалась столь же неясно выраженной, многофункциональной. Для радикального крыла тогдашней польской мысли Наполеон был доказательством, что общая перестройка европейского порядка — это что-то возможное, что новая «всеобщая война за свободу народов» приведет к тому, чего этот гений действия не сумел добиться. Как это непосредственно после восстания 1830 г. сформулировал Мицкевич:

«Сразу же после Французской революции в сердцах ожила память о братстве народов, разорванном правительствами. Неясное предчувствие европейского единства в войнах Наполеона всё определеннее сказывалось в солидарности национальных партий с французами (...). Наполеон побеждал и ломал прежнюю власть, которая, словно оранжерейное стекло, когда-то помогла прорастанию наций, а сейчас стесняет их и душит. Наполеон чувствовал, что вопрос о свободе — европейский вопрос, что в него необходимо вовлечь всю Европу. Возможно, и сейчас Европа ищет таких людей».

Наполеон здесь трактуется как вселенский герой, человек будущей Европы, которую он не сумел создать, но которую предчувствовал и провозглашал. Нет необходимости напоминать, что поиск союзников среди народов и революционных движений ставил борцов за польскую независимость в один лагерь со всеми силами, которые выступали против Европы Священного Союза, против европейского уклада, созданного после 1815 года. Европейский союз 1815 г. был системой, введенной после победы над Наполеоном. «Дал пример нам Бонапарте», — писал автор «Песни Легионов» в последние годы XVIII века. «Возможно, и сейчас Европа ищет таких людей», — добавлял Мицкевич после поражения восстания 1830 года.

Если говорить о тогдашнем польском консервативном лагере, то и в его расчетах Наполеон занимал достойное место как пример и традиция. В меньшей мере это была естественная симпатия к великому человеку, который восстановил католичество во Франции и чья диктатура гарантировала социальный мир. Более выразительным примером, актуализирующимся в политических стремлениях этого лагеря, было нечто иное: войне народов против держав консерваторы с 1815 г. противопоставляли программу ожидания — и приближения — конфликта держав друг с другом. Помнили, что именно война 1806 г. дала зародыш Польши в виде Герцогства Варшавского, что Герцогство расширила война 1809 г., что Наполеон сам назвал войну 1812 г. польской кампанией. Если демократы и революционеры ставили на радикальное обновление Европы против правительств и систем, то консерваторы рассчитывали на военное изменение европейской карты. В обоих случаях Бонапарт «дал пример», что европейская система не является чем-то стабильным, что всё возможно, если общественные силы подвигнет могучая идея, идея века или человек века.

Идея века — то есть, что для большинства романтиков было тем же самым, воплощение этой идеи в могучей личности, в гении. Гений же для политической формации романтиков (а таковая была в Польше после восстания 1830 г.) — это не только конгломерат выдающихся талантов и достоинств. Фигурами, признающими за собой право на превосходство, кишела и второстепенная литература, и в целом такой гений в области сознания — это нечто литературное; кого-то такого можно создавать, его можно выдумать с помощью творческой фантазии. Лучше, однако, преодолеть границы вымысла, литературности, достичь практической силы гениальности. Существенное следствие такой именно жажды правды — это отказ Мицкевича от поэзии в пользу просветительского и политического действия, призывы Красинского к поступку и уход от художественной литературы в упорядоченную историософскую рефлексию, это

обращение Словацкого из поэта в фанатика открывшегося ему знания прошедшей и будущей истории всякого бытия. Концепция гения перерождалась в поиски окончательных истин, достаточно определенных, чтобы стать программой действия. Внятно определил идеалы эпохи Генрик Каменский:

«Тем совершеннее живет человек [...], чем деятельнее собственными силами творит в условиях всеобщего прогресса [...]. Гений, чье творчество устремлено в грядущие века и кто в великое будущее мысль вперяет, [...] прогрессивно преображая человечество, такой гений, кто совершенным образом общается с человечеством и стоит у вершин духовного творния, — это совершенный гений, то есть человек-человечество».

Каменский постулировал объединение индивидуального усилия со стремлениями общества. Таких гениев не создает литература, и ими не становятся творцы литературы, поэты как мастера слова. Кем-то таким не был и Наполеон. Идейный соратник Каменского, Эдвард Дембовский, вопреки идеалу гения-благодетеля, действующего во имя человечества и будущего, так писал об императоре французов:

«Из руин величайшего в предшествующей истории дела, французской революции, над развалинами взбаламученного, но беременного новой мыслью мира сверкнул этот великий гений-самолюбец, который себе, а не людям, хотел построить великий всеобщий храм. То, что он сделал для сближения народов друг с другом, не пропало, и люди пожнут плоды этого»*.

Великий отступник революционной мысли, дело которого осталось зародышем будущего. Дембовский чрезвычайно высоко оценивал его роль в нашей истории:

«На Польшу Наполеон имел решающее влияние. [...] Только послушай зимней порой старого служаку, что он порасскажет об императоре! Посмотри, как у него заблестят глаза и как застывшее в строгости и унынии лицо расцветет дрожью вдохновения. Послушай, как люди тех времен говорят об этой эпохе великих дел (...) и узнаешь, какие токи заиграли в сердце народа, когда французский орел распростерся над Польшей. Это не была жизнь в полном смысле (...). Это была тень жизни (...) но и эта прелюдия прогремела [как] удар молнии, который уже должен был обрушиться на старое общество».

Наполеон будил того рода энтузиазм, восторг, который будет необходим грядущей революции. А также привел в движение духовные и материальные силы общества в небывалом до того масштабе. И руководил этими силами. Речь, однако, идет о том, чтобы заменить «героя-самолюбца» прогрессивной идеей будущего, т.е. народной революцией. Наполеон и здесь не образец, но, следует подчеркнуть, пример — пример того, что «человек-человечество», идея, воплощенная в гении, возможны. Возможны, поскольку это показала романтикам новейшая тогда для них история Европы. Это признавал также Мишле, когда, противясь польскому культу Наполеона, подчеркивал потребность в великом муже, освободителе: «Quel pouvait ętre, en effet, le liberateur de la Pologne dans sa situation terrible? un puissant émancipateur, un hardi révolutionnaire» [«Что, в самом деле, может избавить Польшу от ее ужасного положения? — Могучий освободитель, смелый революционер»]. То есть идеал — это не Наполеон, а «новый Наполеон», кто-то наподобие Наполеона. Кто-то, воплощающий активную, эффективную историческую функцию (на языке романтиков — миссию). Аналогичным образом осмысливал Наполеона Мицкевич, хотя его мощная и экзальтированная апология Наполеона как «Мужа предназначения», его, в пору товианства, общение с духом императора может показаться чем-то диаметрально противоположным революционной трезвости Каменского или Дембовского. А по сути дела здесь почти аналогия. В обоих случаях исторический Наполеон не выполнил задачу, свернул с пути.

«Наполеон угадывал потаенные надежды своего времени, — говорил Мицкевич, — поддерживал их, прокладывал путь к их реализации, но не осуществил. Он пал. Слишком поздно он понял тайну духовных искушений, прекрасный комментарий к которым он продиктовал в своей тюрьме на острове Святой Елены. (...) Он тогда стал сыном мира сего, разуверился в своем посланничестве».

То есть провозглашал то, чем мог быть, но не был. Наполеон польских романтиков — это незавершенная история. Он остался между исторической, несовершенной реализацией и тем, чем мог быть, чем может быть в новом воплощении. Как говорил Мицкевич:

«Люди изменяются и гибнут, но Божий промысел неуклонен и непреложен; Его дело, однажды начавшись на земле, не терпит перерыва. Когда один гений, призванный на службу этому делу, гибнет, на его место становится другой. В великие эпохи не бывает духовного междуцарствия; (...) наша эпоха — великая. Муж предназначения ожидает своего духовного последователя».

И для Мицкевича, и для Дембовского, как и для большинства активных мыслителей эпохи, идеологов будущей Польши, Наполеон был предвосхищением того, что в любой момент начнет в огромном масштабе происходить на их глазах и с их участием. Говоря проще, он был примером. Примером в высшей степени актуальным. Поэтому в стихотворении Словацкого прах Наполеона, гроб с его останками имеют больше влияния и силы, чем когда-то у Наполеона на троне, живого и правящего миром. Героем польских романтиков был именно так понимаемый Наполеон — великое обещание, ожидающее исполнения. «Дал пример нам Бонапарте», — пели легионеры Домбровского.

В 1797 г. легионеры словами Выбицкого воздавали честь победившему генералу революции, своему главнокомандующему в Италии. Он дал «пример», как достичь собственной свободы. В Герцогстве Варшавском обращение к императору-триумфатору как «примеру» могло быть обычным панегириком. После восстания 1830 г. мертвый и побежденный завоеватель становится примером для наступающих времен. Героем будущего — также и как личность. Это трудно объяснить; легче прочувствовать, воззвать к его имени, указать на величие предназначений. Так что при таком уровне идейной активизации и столь идеалистически сформулированной невыполненной исторической миссии нельзя было сделать из Наполеона героя литературы. В польском романтическом наследии великое множество упоминаний Наполеона, обращений к нему, лирических и публицистических славословий, отсылок и намеков, есть как минимум несколько историософских систем, в которых Наполеон выполняет роль ключа к загадке современной истории, но почти нет Наполеона, созданного по собственно литературным канонам. Его почти нет как актера поэтического, драматического или беллетристического вымысла, хотя он царит над весьма многочисленными сюжетами как исторический отправной пункт. Так, как в «Пане Тадеуше» Мицкевича, а не как в продолжении «Пана Тадеуша» под пером Словацкого. Разве что у Словацкого император Наполеон, пожаловавший собственной персоной в поместье к Соплицам, — это только сильная эпизодическая фигура, а целое — незначительный фрагмент. Правда, есть Наполеон у Фредро в его «Три на три». Но и в этом случае Фредро удивляет нас своей выразительной исключительностью среди литературы эпохи. Главный герой польского романтизма был, конечно, гением, но не литературным.

Из книги:
S. Treugutt, Geniusz wydziedziczony. Studia romantyczne i napoleońskie, 1993.

Стефан Треугутт (1925-1991), театральный рецензент, историк польской литературы.

В ЕДВАБНЕ ТИШИНУ НАРУШАЛ ЛИШЬ ЛАЙ СОБАК

Об отождествлении себя с убийцами, о молчании Церкви, об исповеди и необходимости видеть размышляет Анна Биконт после переиздания своей книги «Мы из Едвабне».

— Скажите, пожалуйста, можете ли вы после четырех лет работы над книгой и спустя восемь лет после ее первого издания, дать название тому, что произошло 71 год назад в июле в местечках Вонсоч, Радзилов, селе Едвабне?

— Осознание этого приходило ко мне очень медленно, ибо это превосходило мои возможности вынести: эти погромы были большим спектаклем, карнавалом ненависти, в котором участвовала значительная часть населения той местности — мужчины, женщины, дети. Обычные люди, не только местные преступники. Моя тетя Ханна Лянота, которая во время оккупации скрывалась в Варшаве на «арийской стороне», переводя мне с иврита воспоминания одной из немногочисленных выживших тогда жертв, Хаи Финкельштейн, в ужасе преодолевала текст описания убийств и того, как она позднее скрывалась. «Как это возможно, — говорила она. — Эта женщина жила как в зоопарке, где из клеток выпустили всех диких зверей». У одного из влиятельных израильских историков Катастрофы, Израиля Гутмана, тоже в голове не умещалось, как могло произойти нечто подобное в провинции, где любой Янек прекрасно знал любого Ицека.

Когда я писала книгу, я много раз беседовала с Мареком Эдельманом, и он спокойно повторял, что в человеке уживается нечто такое, как желание убивать. В июле 1941 г. на территории этих местечек произошла оргия с участием самого низшего человеческого элемента. Что же стало её обоснованием? Это больше всего меня поразило. В Радзилове у пьяных убийц были бело-красные повязки на рукавах, а один из главарей этой акции бегал и кричал, чтобы еврейские вещи не грабили, а сжигали. Он хотел, чтобы этот акт чистого патриотизма не был запятнан. Патриотизм на этих землях был очень сильно окрашен антисемитизмом, неприязнь к евреям подогревали местные эндеки и священники. Евреев вывели из-под юрисдикции совести. И достаточно было уже одного того, что немцы позволили совершить преступление.

Можно сказать, что это немцы показали полякам, как обращаться с евреями. Можно даже считать, что эти убийства они инспирировали, хотя, когда жители Едвабне сгорали в сараях или когда жители Вонсоча погибали, зарубленные топорами, немцев уже не было. Но «позволение» — это одно дело, а совесть — совсем другое.

— Я всё время думаю о том, что было после, что говорил убийцам священник в Вонсоче на мессе, служившейся в тот момент, когда по улицам — в самом буквальном смысле — текла кровь? И исповедовались ли они в том, что сотворили? Должны ли были они исповедоваться?

Ян Блонский в книге «Бедные поляки смотрят на гетто» (1987) писал: «В нашем отношении к еврейско-польскому прошлому мы должны перестать защищаться, оправдываться, торговаться. Сначала мы должны сказать: да, мы виноваты»...

— Его высказывание послужило переломным моментом. Но Блонский говорил главным образом о грехе равнодушия, о совместной вине, а не о прямом соучастии. Он писал: «Бог остановил эту руку». Ведь он ещё об очень многих вещах не знал. Я думала: а что он написал бы теперь? Думаю, он сумел бы дать название тому, что произошло и что так трудно понять.

Блонский говорил о нашем страхе перед «стражником-кротом» из стихотворения Милоша, который может и нас «посчитать меж пособников смерти».

— В 2000 г. Ян Гросс опубликовал книгу «Соседи», в 2004 г. вы опубликовали книгу «Мы из Едвабне». И до нас дошло, что для этого страха были основания...

— Дело села Едвабне так драматически обострило проблему польской вины, что невозможно было не посмотреть на самих себя. С одной стороны, как свидетельствуют исследования, возрос уровень антисемитизма. Вот так это подействовало на некоторых поляков, но на других — наоборот: возросло или же родилось понимание того, какая судьба постигла евреев во время войны, а также что евреи живут в Польше на протяжении столетий. Я помню, как беседовала с весьма приличным человеком с предприятия по очистке города, он был одним из весьма немногочисленных жителей Едвабне — их можно было пересчитать по пальцам двух рук, — которые в 2001 г. собрались, чтобы отметить печальную дату — 60-ю годовщину преступления. Он мне сказал: «Я слушал выступление посла Вейса на рыночной площади. Он говорил, что на протяжении 800 лет евреи жили в этой стране. Я не хочу никого оправдывать, но надо, однако, понять и то, что подобное пребывание в гостях, 800 лет, — весьма долгий период и не всем это может нравиться». Ему никто никогда не говорил, что евреи так же, как и другие, владели этой землей, они не были гостями, они здесь жили.

— Состоялась общенациональная дискуссия, президент Квасневский попросил прощения... Но как это изменило людей в Едвабне?

— Там с этим дело обстоит исключительно плохо. По-прежнему сильна ненависть к евреям, в том числе к тем, которые уже убиты. Это страшно...

В 2003 г. в Едвабне был поставлен памятник «сибирякам» [полякам, высланным в Сибирь и на Север]. Любопытно, что никто, собственно, не помышлял почтить их память, пока не возник вопрос об этом страшном убийстве. Конечно, я не имею ничего против того, чтобы увековечивать память о «сибиряках», но монумент был поставлен на Рыночной площади — там, где в жаркий день 10 июля 1941 г. стояли согнанные в толпу евреи, а местные жители издевались над ними, избивали их, не разрешали принести им воды. Именно оттуда их загнали в сарай и сожгли. В этом скрыта такая мощная символика, что если бы я увидела это в художественном фильме, то сочла бы, что сценарист сильно преувеличил. Высылка поляков в Сибирь относится к «чисто польской» истории, тем более любопытной в Едвабне, что фоном здесь служат евреи, которые якобы выдали поляков в руки НКВД. Кому хочется вспоминать, что в процентном отношении евреев выслали даже больше, чем поляков?

По району Едвабне и его окрестностям колесо истории прокатилось, так сказать, весьма заметно — сначала немцы, потом русские, снова немцы, а после войны еще долго действовало антикоммунистическое подполье, продолжалась гражданская война. В каждой семье есть погибший, но страдания, как видно, не облагораживают, а лишь приводят к тому, что человек становится безучастным к чужому страданию. Даже те из моих собеседников, которые не отрицали преступления, чаще всего были равнодушны к страданию жертв. Сочувствующих я встретила лишь несколько человек.

На официальном сайте Радзилова в интернете говорится о евреях, но с примечанием, что убили их немцы. В историческом очерке о Едвабне о них даже не упоминается. О них не говорят на уроках в школе, не говорит о них и священник. Никто не приходит отмечать годовщины.

— Богдан Бялек, беседу с которым мы публикуем на страницах нашего издания, сказал мне, что некоторым образом солидарен с людьми из Едвабне. Ведь их в некотором смысле делегировали — как и жителей Кельце — для того, чтобы они ежедневно несли на своих плечах все грехи шовинизма, национализма, антисемитизма, благодаря чему остальная Польша чувствует себя в полном порядке.

— Когда разные люди говорили мне, как им жаль бедных жителей Едвабне, я отвечала им, что, возможно, лучше бы солидаризироваться с теми, кто в Едвабне имел смелость сказать правду. Они стали изгоями. Антонина Выжиковская, которая спасла семерых евреев, боялась приехать в Едвабне на годовщину. Но трудно возразить Богдану, когда он говорит о делегировании грехов. То, что ему удалось сделать, показывает, что для Едвабне тоже потенциально существовал такой шанс. С тем, что в Едвабне был священник Орловский, умелый организатор ненависти. Я пыталась организовать встречу нескольких приличных людей, объединить всех, кто рассказывал мне, как на самом деле всё происходило. Но сама идея внушала им страх: «вдруг кто-нибудь еще об этом узнает». Впрочем, свя-

щенник пугал пожилых людей, что лишит их похорон по католическому обряду. Бургомистр Кшиштоф Годлевский, который попытался, подобно Бялеку, спокойно и осторожно предпринимать усилия в деле возвращения памяти, подвергся травле и решил вообще уехать из Польши. Кроме того, водораздел прошел и сквозь семьи. Одна пожилая женщина после разговора со мной была избита родными, и ее на долгие годы просто заперли в комнате.

— Я побывала в этом году в Едвабне 10 июля. Оно выглядело совершенно безлюдным. Тишину нарушал лишь лай собак. У памятника собралось всего человек 30, одни приезжие. И я подумала, что, может быть, проблема заключается и в том, что годовщину отмечают в буквальном смысле вне города. Возможно, начинать надо было бы с Рыночной площади? А может — хотя для меня это вопрос спорный, — потомки жертв должны, условно говоря, протянуть руку потомкам тех, кто совершил это преступление?

— Отмечать годовщину начали на рыночной площади в 2001 году. Но это никак не помогло. Приехавших приветствовали закрытые ставни. А что касается потомков — я представляю себе, как трудно быть внуком или сыном того, кто убивал евреев. Только дело в том, что 95% тех, кто бойкотирует годовщины, — не потомки тех преступников. Это люди, которым выпало жить на земле, запятнанной преступлением. И эти люди без всякой причины — просто они были так воспитаны, что отождествляют себя с виновниками преступления, — защищают их. Вот это печально.

— Так что же можно сделать?

— Мне нечего предложить. Однако мне кажется, что до тех пор, пока ничего не изменится в Церкви в этих местах, ничего и не произойдет. Пример церковного прихода в Едвабне заставил меня осознать, как Церковь — во всяком случае на той территории — старательно лелеет свой довоенный антисемитизм. Слушая высказывания епископа Стефанека, я пришла в ужас от того, что можно до такой степени, со столь явной нетерпимостью относиться к убитым, замученным людям, раз они были евреями.

— Ну что ж... В ноябре епископ Стефанек ушел на пенсию. Но вернемся к школе. На меня произвел удручающее впечатление ваш рассказ о директорше лицея, которая сказала: «Вам бы хотелось всё сразу. А тут надо, чтобы сменились поколения». Речь шла о том, чтобы организовать встречу школьников с Антониной Выжиковской, Праведницей народов мира; по моему мнению, она самый трагический персонаж вашей книги.

— Пани Антося не боялась немцев, которые квартировали в ее дворе: «Они растяпы, не заметят». Она боялась соседей, которые постоянно допытывались: что это она так много картошки чистит, зачем столько хлеба испекла. В конце концов один из них донес, пришли немцы — чудо, что не нашли ее подопечных. Представляете себе этого соседа — для него было важнее всего, чтобы убили евреев. Он был готов во имя этого пожертвовать целой польской семьей, пани Антосей, ее мужем, отцом и двумя малыми детьми. Местные аковцы сразу после войны нагрянули в ее дом, жестоко избили ее и ее отца. Ей пришлось уехать из Едвабне, собственного хозяйства у нее не было, она вставала в 4 часа утра, убиралась в школе, потом убиралась в разных домах, возвращалась домой ночью. Ей, однако, не удалось научить своих детей тому, во что верила она сама: ее дочь была ярой антисемиткой, которая кричала на мать за то, что та прятала у себя христоубийц. Высокую цену заплатила пани Антося за свое доброе сердце.

— Я не знаю, как можно было сопротивляться встрече молодых людей с таким человеком. Теперь уж слишком поздно — пани Антонина умерла в прошлом году. Хотелось бы верить, что жители Едвабне прочитают о ней в вашей книге. Но почему, собственно, как раз теперь настало время выпустить в свет второе издание вашей книги?

— Первое издание вышло в 2004 г., и за эти восемь лет многое изменилось. Когда я писала книгу, меня не покидала мысль, что никто не захочет слушать о том, как обогащались поляки за счет убитых евреев, как их убивали те, кто принадлежал к вооруженному подполью, в том числе солдаты Армии Крайовой, о проникнутом ненавистью антисемитизме Церкви до и во время войны. Я была очень тронута, узнав о том, что «Тыгодник повшехный» опубликовал положительную рецензию на мою книгу, которую написал свящ. Адам Бонецкий. Только он вообще не коснулся проблемы анти-

семитизма Церкви как движущей силы погромов! Все эти темы теперь извлечены из забвения, и в этом великая заслуга Центра по изучению проблемы уничтожения евреев. Восемь лет назад дело Едвабне обрушилось на нас, словно гром с ясного неба, — теперь мы знаем, что убийств, пусть и не в таком масштабе, было больше, хотя бы в Гневчине или Бзурах. Я надеюсь, что сегодня книга будет прочитана уже по-другому и положит начало дальнейшим дискуссиям.

— Хотя бы о том — здесь я вновь вернусь к Блонскому, — что нам необходимо написать свою историю заново?

— В очерке по польской истории отсутствует рассказ о евреях. Яцек Куронь рассказывал, что в разговорах со своими ровесниками он чаще всего слышал, что они не видели, как уничтожали евреев: евреи же были за стеной, они были в гетто. И Яцек удивлялся: «Мы жили в котловане смерти, а они ничего не видели?» Но теперь мы видим всё больше и больше об этом говорим.

Беседу вела Катажина Чарнецкая

PRZE KRÓJ

СКАЗАТЬ «ПРОСТИТЕ» НЕ СЛОЖНО

Пятеро мужчин, чьи слова мы здесь приводим, — заключенные исправительного заведения в Белостоке: Томек Яник, Мариуш Шилак, Радослав Тшетяк, Клаудиуш Илиноич. Полгода назад они— еще с двумя товарищами по камерам — начали участвовать в продолжении проекта «Понять других, познать себя» Дариуша Шады-Божишковского. Режиссер подготовил с ними спектакль «Любимый наш класс...» на основании текста Тадеуша Слободзянека.

— В процессе работы мы много разговаривали о культуре. Я показывал им фильмы, приглашал дружественные ансамбли, играющие клезмерскую музыку. Мы отправлялись — при наличии такой возможности — на экскурсии, приезжали, разумеется, и в Едвабне. Для меня было важно, чтобы об истории евреев в этих местах они узнали как можно больше, — говорит он.

26 апреля спектакль был показан на подмостках Драматического театра в Белостоке.

— Вскоре кто-то из них позвонил мне: «Мы тут толкуем под дверью камеры, что нас чуть кондрашка не хватила при виде того, как выглядит еврейское кладбище в Едвабне. Нам хочется навести там какой-то порядок», — рассказывает режиссер.

Дирекция исправительного заведения выразила согласие. Пока что осужденные привели в божеский вид 10 кв. м кладбища. Они надеются, что смогут выкорчевать и кусты, которыми заросла остальная его территория.

10 июля они участвовали в мемориальной церемонии в 71-ю годовщину убийства.

Все мы в принципе родом с Подлясья. Но чтоб мы точно знали, что здесь делалось, — так нет.

Нас учили немножко иначе. Проходили на уроках те годы, которые фактически позабыты. А что в действительности случилось, сколько человек погибло, за что их поубивали — этого не было. Выходит, теперь мы как будто заново учимся кое-каким вещам. И это имеет большое значение, потому что вдобавок мы начинаем иначе чувствовать.

Это меняет нашу точку зрения на то, что делалось в этих местах. Ну, вроде бы каждому известно, что было в Едвабне. Что здесь произошел какой-то еврейский погром — об этом много говорилось. Но подробности, детали — их не знают. В сущности, всё это только теперь выходит наверх, потому что в прежние времена... Вроде бы книга Гросса — это 2000 год, и тогда прошла такая страшная, общенародная дискуссия, всякие дебаты. И на этом все кончилось.

Мы будем упорно стоять вот на чём: чтобы какие-то вещи понять, их наверняка надо пощупать. Так же, как мы сумели здесь. И нам кажется, что сейчас самое время некоторые вещи наконец-то начать воспринимать по-другому. Перестать быть в конце концов таким спесивым народом, а немножко набраться смирения — на самом деле. Потому как очень уж мы охотно носимся с сабелькой и говорим, какие мы всегда обиженные, но забываем насчет того, что сами тоже устраивали разные обиды.

Вы, пожалуйста, посмотрите, кто тут сегодня был из Едвабне? Никого. Люди попрятали головы в песок вместо того, чтобы выйти наконец с поднятой головой: сказать «простите» не сложно.

Вот мы ходили и спрашивали про это место здесь, в Едвабне, где есть школа, и слышали: «Ничего я не знаю, не хочу говорить». И показывать не хотят. Наверно, живы семьи тех, кто принимал здесь участие в этой местной облаве, есть знакомые знакомых. Можно понять, что их уже достали все эти приезды, выспрашиванья, то-сё, но мне кажется, что если бы наконец начался нормальный диалог, нормальный разговор, то людям здесь жилось бы лучше, а тем, кто приезжает сюда, приезжалось бы лучше.

Есть потребность в очищении, а по-прежнему только взбивают пену, ничего больше. Нету таких окончательных вскрытий нарыва, где кто-нибудь наконец-то уладил бы это дело. Мы говорим то же самое, о чем и ксендз сегодня сказал, прекрасным поборником такого примирения был Иоанн Павел II. Жаль, что этой его харизмы не хватило, и нет никого, кто продолжил бы такие действия.

Сплошь и рядом как будто что-то начинается, ну, потому как хочется чего-нибудь другого, кроме повседневности. Но дело не только в этом. У нас такое чувство, словно мы делаем что-то хорошее. Ну, это из-за того, что, как известно, никому не хотелось бы лежать в подобном месте позабытым. Однако, по-нашему мнению, каким оно было заросшим, таким и остается дальше, потому что согласие дали только на расчистку 10 кв. метров. Это неуважение к умершим. Полагалось бы начать от центра — там, где лежат всякие мацевы, чтобы можно было подойти, чтобы люди видели, что вот здесь, в этом месте, похоронен человек.

Кроме того, мы это делаем с некоторым стыдом за наших земляков, так как то, что здесь происходило, всё-таки бессмысленно. Наши сородичи что-то совершили, и даже неизвестно, во имя чего. Во имя ничего. Говорят, будто все евреи были коммунистами и депортировали в Сибирь. В какой-то степени был, возможно, определенный нажим НКВД, мы не знаем. Но человек — это человек: он никогда не должен делать ничего такого.

Приезжая сюда, мы хотели, чтобы и те люди, которые здесь живут, тоже почувствовали себя слегка пристыженными, потому как это всё находится у них под носом. И то, что не проявляется забота о месте памяти — безразлично, какой национальности, она уже не имеет ни малейшего значения, — это очень ненормально. У нас есть русские кладбища, и поляки заботятся. А чем они отличаются — еврейские и русские?

Мы аккурат такие люди, которых воспринимают как отбросы общества. Теперь, может быть, и общество в какой-то степени увидит, что не все мы такие уж до конца плохие. Мы кое-что с собой делаем.

Только нам дается мало шансов. Многие бы помогали в таких вещах, но мы не можем сами по себе выйти и помочь.

У нас нет пожизненных сроков, наши приговоры такие, какие есть. Когда мы выйдем, то... Лучше заняться семьей, дальнейшей жизнью. Нормально функционировать. Это уже, пожалуй, будет в последний раз. Возможно, нам не доведется больше сидеть.

Томек Яник, Мариуш Шилак, Радослав Тшетяк, Клаудиуш Илиноич

PRZE KRÓJ

Эва Липская

Перевод Екатерины Соколовой

ДОРОГАЯ ПАНИ ШУБЕРТ

(Отрывки из книги)

ЧЕРТОВО КОЛЕСО

Дорогая пани Шуберт, что меня, завсегдатая оперы, связывает с горластым продавцом на моей улице? Прохожу мимо каждый день, и каждый день он предлагает мне всё те же привычные авокадо. Мы живем всё в том же мире, который когда-то был любимчиком вселенной. Продавец в свободное время идет в Пратер, покупает билет на Чёртово колесо и учится бояться. «Знаете, каждый раз боюсь и каждый раз, вернувшись домой, рисую на висящем на стене листке очередной крестик». Вчера утром я был в Пратере, дорогая пани Шуберт. Неподвижное Чёртово колесо тонуло во мгле. Было холодно. Я замерз. Касса была закрыта. Чей-то влажный голос призывал меня немедленно вернуться обратно.

ГЕРОЙ РОМАНА

Дорогая пани Шуберт, герой моего романа тащит сундук. В сундуке его мать, сестры, родные, война, смерть. Я не в состоянии ему помочь. Он тащит этот сундук через двести пятьдесят страниц. Выбивается из сил. И когда наконец выходит из романа, оказывается обворованным. Он теряет мать, сестер, войну, смерть. На сетевом форуме пишут, мол, так ему и надо. Может быть, он еврей или карлик. Свидетели утверждают, что будут молчать об этом.

РАССЕЯННОСТЬ

Дорогая пани Шуберт, заметили ли Вы, что Время стало всё более рассеянным? Математики, пианисты чисел, говорят, что его дни сочтены. Может быть, именно поэтому на похоронах моего друга Время по рассеянности приносило соболезнования изумленной смерти.

ЯЗЫК

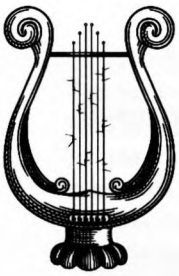
Дорогая пани Шуберт, пишу Вам по-польски. Это странный язык. Он приклеивается к нёбу. Постоянно требует, чтоб его переводили на другие языки. Иногда у него тупой запах и вкус апатичной горчицы. Иногда он раскручивается в любви. Помните тот словесный туман в голове, когда мы бежали через площадь, а дождь смывал остатки речи с губ?

БРАТЬЯ ГРИММ

Дорогая пани Шуберт, сосед мне говорит: «Я вернулся в детство, чтобы больше не читать Достоевского, Ницше, Маркса. Теперь читаю сказки. Когда я ехал в порт, чтобы забрать прах моей матери, доставленный кораблем из Австралии, то безуспешно всматривался в заходящее солнце. Красный шар вертелся на месте. С завтрашнего дня Вы можете встретить меня только в моем отсутствии. Я у братьев Гримм».

КАЗИНО

Дорогая пани Шуберт, никчемная судьба завела меня в казино. Меня встретил звон жетонов, отвар листьев азарта, латунный взгляд крупье. Ставлю всегда на наши нечетные номера, дорогая пани Шуберт, и на красное, на фрагменты наших обремененных долгами прогулок. Из «теории вероятности» следует, что глаз рулетки — не око провидения. А стоящий у входа в казино мраморный пес занял неудачную позицию.



НЕРОН

Дорогая пани Шуберт, я не давал воли воображению, но это случилось. Ужин с Нероном в гостинице «Хаслер» в Риме. «Обо мне всё еще сплетничают?» Где уж там, Луций, говорю, у людей сейчас другие проблемы, доллар падает. Мы едим порей, сдобренный оливковым маслом. Вокруг нас крутятся платья Гуччи. У тебя сегодня концерт, говорю, ты будешь играть на лютне, читать стихи. Там, где смерть рядом, всегда невыносимый жар, но кто об этом вообще помнит?

ЗЕРКАЛО

Дорогая пани Шуберт, иногда я вижу в зеркале Грету Гарбо. Она становится всё более похожей на Сократа. Может, дело в царапине на стекле. Треснувшее око времени. А может, это только лающая звезда в бульварной газете.

ГЛУПОСТЬ

Дорогая пани Шуберт, я уже давно наблюдаю за глупостью. Мировой бестселлер. Напрягает мышцы в токсичных тренажерных залах. Степпер. Гантели. Штанги. Уверенность в своей форме. Наверное, она существовала еще до своего рождения. Святая икона мускулов. Болтлива, как оперение слов на хроническом допинге.

ЗАВЕЩАНИЕ

Дорогая пани Шуберт, пишу Вам из Амстердама, где мне дали стипендию на составление завещания. Нашу любовь я отписал прошлому, которое мы, как всегда, откладываем на будущее. Вырвал ее из сна. Взлетали ласточки. Небо было ненужным.

Благодарю за помощь в переводе Ирину Лебединскую. Е.С.

Эльжбета Савицкая

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

» Фильм «80 миллионов» режиссера Вальдемара Кшистека стал польским кандидатом на «Оскар-2012» в категории «Лучшая неанглоязычная картина». Фильм рассказывает сенсационную историю о деньгах, принадлежавших нижнесилезской «Солидарности», которые удалось взять из банка непосредственно перед введением военного положения. Картина основана на реальных событиях, происходивших во Вроцлаве в 1980-1982 годах.

— Я очень рад, — сказал Кшистек. — Фильм я снимал прежде всего для польских зрителей, главным образом для молодежи. Мне хотелось рассказать о важном моменте польской истории, передать динамизм и веру поколения «Солидарности». «80 миллионов», однако, хорошо принимали и за границей. На фестивале в Москве фильм вызвал большой интерес.

» На XXXI Фестивале кинодебютов «Молодежь и кино» (Кошалин, 10-15 сентября) зрители посмотрели 80 фильмов: 12 полнометражных, 28 короткометражных, 25 документальных и 15 анимационных. «Большим Янтарем» награжден фильм Анны Вечур-Блющ «Быть как Казимеж Дейна» — экранизация комедии Радослава Пачохи, поставленной в 2010 г. в гданьском театре «Выбжеже» («Побережье»). Герой родился в тот самый день, когда Казимеж Дейна забил в матче с Португалией один из самых знаменитых голов в истории польского футбола. История маленького Кази становится поводом показать ПНР, системные преобразования и современную Польшу на пороге XXI века.

Премия «Янтарь-2012» имени Станислава Ружевича за режиссуру присуждена Анде Домиан за фильм «Дорога на другую сторону».

«Янтарь-2012» за сценарий получили Мария Садовская и Катажина Терехович за фильм «День женщин». Аккредитованные на фестивале журналисты свою премию присудили фильму «Девушка из шкафа» в постановке Бодо Кокса. Приз публики достался фильму «Юма» режиссера Петра Мулярука, а молодежное жюри присудило свой приз «Девушке из шкафа».

» Началась работа над фильмом о путешествии Рышарда Капустинского в Анголу в 1975 году. Это будет полнометражная анимация с документальными элементами на основе книги репортера «Еще день жизни». Фильм — совместный проект польских, испанских, немецких и бельгийских кинематографистов. Создатели фильма говорят: «Мы расскажем захватывающую историю, в которой Капустинский рискует жизнью, чтобы выполнить свою едва ли не самоубийственную миссию. Это будет история человека, ищущего правду о войне, сталкивающегося во время путешествия с ситуациями и событиями, которые вынуждают его занять определенную позицию в конфликте».

Фильм рассказывает о последних месяцах перед получением Анголой независимости 11 ноября 1975 года. Воспоминания свидетелей тех событий, представленные в документальной части, будут восполнены анимацией, основанной на книге Капустинского. Зрителя вовлекут в путешествие, которое начнется в 1975-м и перенесет в современность. Премьера фильма запланирована на первый квартал 2015 года.

» Музыка Иоганна Себастьяна Баха, а также страсти Христовы и смерть были главным мотивом программы XLVII Международного фестиваля «Wratislavia Cantans» (Вроцлав, 1-9 сентября). Были исполнены два из пассионов Баха — «Страсти по Иоанну» и «Страсти по Матфею», а также «Семь последних слов Христа на кресте» Йозефа Гайдна в переложении для струнного квартета, «Крестный путь» Павла Лукашевского, оратория «La Passione di Gesu Cristo» Антонио Кальдары и другие сочинения. Фестиваль во Вроцлаве завершила кантата «Stabat Mater» Антонина Дворжака в исполнении катовицкого Национального симфонического оркестра Польского радио.

Публике предложили около тридцати концертов в 12 городах Нижней Силезии. Это был последний фестиваль «Wratislavia Cantans», под-

готовленный Полом МакКришем. От англичанина руководство принимает итальянец Джованни Антониони.

«Варшавская осень... с голосом» — под таким девизом в 55-й раз прошел один из главных международных фестивалей современной музыки (21-29 сентября).

— Главная идея нынешнего фестиваля — представить новые возможности использования голоса, — сказал директор фестиваля Тадеуш Велецкий.

Музыкальные эксперименты с голосом обеспечила современная технология, ставшая новым выразительным средством в музыке. На концертах были, в частности, исполнены сочинения Арнольда Шёнберга, Джона Кейджа, Кшиштофа Пендерецкого, Джонатана Харви, Маурицио Кагеля, Павла Шиманского, Жоржа Апергиса, Пьера Шеффера.

Организатор «Варшавской осени» с 1956 г. — Союз польских композиторов.

» Международный фестиваль «Неистовые дни музыки» (Варшава, 28-30 сентября) в этом году был посвящен русской музыке. Публика слушала сочинения Римского-Корсакова, Чайковского, Прокофьева, Рахманинова, Шостаковича и Стравинского в специально подготовленных по этому случаю четырех залах Большого театра — Национальной оперы, а также в поставленном на Театральной площади шатре (здесь бесплатно). В течение трех дней через Варшаву прошла почти тысяча артистов со всего мира. Большой интерес вызвали, в частности, концерты Российского рогового оркестра из Санкт-Петербурга, а также церковная музыка в исполнении хора духовенства Варшавско-Бельской православной епархии.

» В середине сентября были названы семь финалистов литературной премии «Нике-2012». В финальную группу вошли две биографических книги («Нетопырь в храме. Биография Ежи Новосельского» Кристины Черни и «Милош. Биография» Анджея Франашека), два репортажа («Медзянка. История исчезновения» Филипа Спрингера и «Дом черепахи. Занзибар» Малгожаты Шейнерт), сборник эссе («Книга лица» Марека Бенчика), сборник рассказов («Итальянские шпильки» Магдалены Тулли) и сборник стихотворений («Имя и знамя» Эугениуша Ткачишина-Дыцкого). Победителей мы узнаем в Варшаве 7 октября.

» Также семь книг оказалось в финале уже в седьмой раз присуждаемой литературной премии Центральной Европы «Ангелус». В этом году жюри избирало финалистов из 43 книг, выдвинутых на премию. Польскую прозу представляют «Сатурн» Яцека Денеля, «Дровосек» Михала Витковского и «Итальянские шпильки» Магдалены Тулли. В финале оказались также «Истории серьезные и несерьезные» украинского писателя Андрея Бондаря, «Война и война» венгерского прозаика Ласло Краснахоркаи, «Срда поет в сумерках на Пятидесятницу» боснийца Миленко Ерговича и «Любовное письмо клинописью» чеха Томаша Змешкала. Победителей мы узнаем во Вроцлаве 20 октября.

» Во время проходившей в сентябре в Кракове Ярмарки исторической книги были награждены издатели лучших исторических книг. Премию интернет-читателей получила книга «Ленинград. Трагедия осажденного города» английской писательницы и историка Анны Рейд («Выдавництво литерацке»). Автор представила в ней историю ленинградской блокады, наиболее трагической осады Второй Мировой войны. Автор, пользуясь до сих пор не опубликованными архивными материалами, демифологизирует историю блокады, указывая, в частности, на халатность властей осажденного города.

— Книга и в самом деле читается не как научный труд, а как роман русского писателя. Это обусловлено языком, которым Рейд написала свой труд, а также большим количеством приведенных воспоминаний участников тех событий, — сказала представитель издательства Иоланта Коркуть.

» К чаще всего переводимым в мире польским писателям уже многие годы относятся два гиганта — Станислав Лем и Рышард Капустинский. Высоко котируются у переводчиков и наши нобелевские лауреаты — Чеслав Милош и Вислава Шимборская. А также Славомир Мрожек. В последнее время растут акции Яцека Хуго-Бадера (род. 1957), репортера «Газеты выборчей», занимающегося странами бывшей советской империи. Он любит Россию и бывшие страны СССР, где провел в общей сложности почти четыре года. Страстный путешественник, он проехал на велосипеде всю Центральную Азию, пустыню Гоби, Китай, Тибет, а озеро Байкал пересек на байдар-

ке. Зимой 2007 г. в одиночку путешествовал как бродяга от Москвы до Владивостока, что увенчалось сборником репортажей «Белая горячка», опубликованном издательством «Чарне» (2009). «Белая горячка» делает международную карьеру — она вышла уже по-английски, по-украински и по-французски, а вскоре появится в ивритском, немецком, итальянском и русском (издательство «Умляут») переводах. В прошлом году вышла очередная книга Хуго-Бадера — «Колымские дневники», плод его одиночного путешествия по Колыме. Ее также планируют издать в России («Умляут»), а кроме того, в Англии и Франции.

» 28 сентября в Кракове прошел вечер поэзии скончавшейся в нынешнем году Виславы Шимборской, нобелевского лауреата. Мероприятие также стало официальной инаугурацией Фонда Шимборской.

Согласно последней воле поэтессы, Фонд должен сохранять ее творчество и образ, опекать оставленное ею наследие, устраивать конкурсы по литературе и другим видам искусства, устраивать и финансировать семинары и конференции, поддерживать научные исследования, сотрудничать с культурными учреждениями всего мира. Фонд располагает имуществом Шимборской, ее квартирой, а также авторскими правами на все ее произведения. В состав первого правления Фонда в соответствии с волей поэтессы вошли ее подруга профессор-литературовед Тереса Валяс, адвокат Марек Буковский, а также Михал Русинек, многолетний секретарь Шимборской.

» 8 сентября в варшавском Национальном («Народовом») театре прошла премьера спектакля «Прощания». Это первая инсценировка книги Станислава Дыгата, на основе который Войцех Хас снял в 1958 г. знаменитый фильм под тем же названием. «Прощания» называют интеллигентским расчетом с совестью, текстом о поколении, для которого жизнь окончилась 1 сентября 1939-го.

Спектакль поставила Агнешка Глинская, которую сейчас считают одним из самых интересных польских режиссеров. Ее спектакли привлекают толпы зрителей и постоянно присутствуют на афише. С сентября Глинская занимает пост художественного директора варшавского театра «Студио».

» Анна Роттенберг подготовила в Новом-Сонче выставку «Void», связанную с мифологическим пространством Галиции. По-английски «void» означает, в частности, место, которое в какой-то момент освобождено, но вскоре вновь будет занято. Это понятие может, таким образом, служить также аллегорией географических мест, где происходила быстрая смена населения. После Второй Мировой войны в результате геноцида, переселений и расовых предрассудков полностью изменилась этническая структура многих регионов Польши, в том числе Сондецкого.

Выставка посвящена памяти четырех этнических групп, которые вместе с поляками образовывали культурную идентичность региона. Это лемки, евреи, цыгане и немцы. Среди авторов работ — Никифор, Энди Уорхол, Ежи Новосельский, Кристина Пиотровская, Мариан С. Мариан (псевдоним Пинхаса Бурстейна), группа «Urban Art» (Анна Пешкен и Марк Писарский). Экспонируются также две работы Мирослава Балки, одного из самых известных сегодня в мире польских художников, — скульптура «Бруно Шульц» (1982) и видео «Tanz» (2002), представляющее последние минуты жизни ночного мотылька.

Выставка проходит в галерее «Сокул» с 7 сентября по 7 октября.

» Выставка Мирослава Балки «бес-сонниц-х» открыта 21 сентября в Люблине в галерее «Лабиринт» — уже четвертая персональная выставка художника в этом городе и в этой галерее. Чего мы можем ожидать на этот раз? Как информируют организаторы, художник использовал сосновую хвою, которая когда-то утепляла помещение его мастерской в Отвоцке. Название относится к состоянию, которое нарушает нормальную жизнедеятельность. Фонетическая запись слова «бессонница», неудобная, исковерканная, возбуждает беспокойство — подобно состоянию, когда не удается заснуть.

Выставка открыта до 26 октября.

» Центр современного искусства в Варшаве подготовил выставку «Почему не все мы любим приключения? Повесть о Яне Дзячковском», посвященная художнику, который в сентябре прошлого года трагически погиб в Татрах в возрасте всего лишь 28 лет. Ян Дзячковский был необычайно талантливым моло-

дым иллюстратором, фотографом и автором оригинальных коллажей, одним из первых в Польше лауреатов премии швейцарского Фонда Фордемберге-Гильдеварта, стипендиатом «Молодой Польши-2009». Он был не только великолепно одаренным художником, которому все прочили большое будущее, но прежде всего прекрасным, доброжелательным и теплым человеком — так вспоминают его сотрудники и друзья.

Дзячковский создавал, в частности, коллажи и иллюстрации для «Махины», разрабатывал обложки пластинок и книг, был автором обложки к 65-летию «Пшекруя». Его увлекали путешествия, старые фотографии, фильмы, семейные истории. На выставке в Центре современного искусства нет ни одной картины молодого художника — все работы создали его друзья и знакомые. В числе организаторов проекта — как представители визуальных искусств, так и музыканты и дизайнеры молодого поколения. Те люди, творчество которых Дзячковский ценил и с которыми сотрудничал в разных сферах.

Выставка работает по 28 октября.

Прощания

» 9 августа 2012 г. в Хай-Фолс (штат Нью-Йорк) умер от инфаркта Ян Савка, выдающийся польский живописец, график, сценограф и архитектор, живший с семидесятых годов в США. У художника родом из Забже было около 70 персональных выставок в музеях и галереях по всему миру. Его картины и плакаты представлены в 60 музеях. Он был лауреатом многих художественных премий, в 1978 г. получил золотую медаль на VII Международном биеннале плаката в Варшаве. Ему было 65 лет.

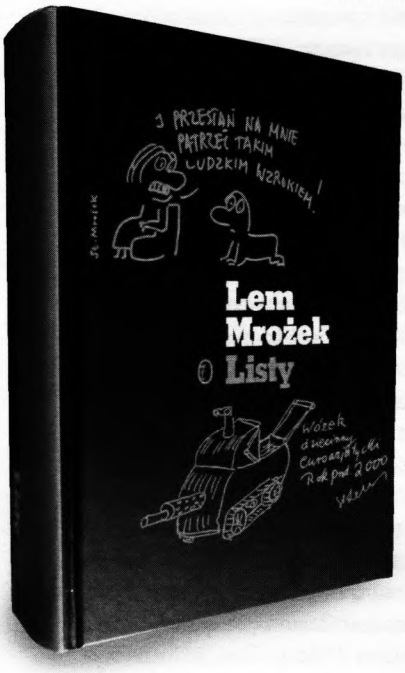
» 30 августа в возрасте 85 лет умер Яцек Семполинский. «Прекрасный живописец, прекрасный человек, большой художник и педагог. Не всегда бывает, что таланту сопутствует интеллект. Он был профессором старой школы, одним из тех авторитетов, которых уже нет», — сказал после смерти Семполинского проректор варшавской Академии изящных искусств Павел Новак. Как написала в «Газете выборчей» Дорота Ярецкая, Семполинский «был импрессионистом, абстракционистом, а иногда реалистом, обращавшимся к религиозным сюжетам. Он писал Голгофу, создал серии «Череп» и «Распятие». Он стремился быть одновременно верующим и современным, метафизичным и неортодоксальным».

» 10 сентября в Варшаве умер выдающийся историк искусства и художественный критик профессор Мечислав Порембский. Ему был 91 год. Во время войны был подпольщиком, узником концлагерей Гросс-Розен и Заксенхаузен. После войны окончил факультет истории искусств, преподавал в Академии изящных искусств в Варшаве, с 1970 г. был профессором Ягеллонского университета, а с 1974-го — куратором Национального музея в Кракове. Порембский занимался главным образом искусством XIX и XX веков, а также теорией искусства. В историю вошел написанный им в 1946 г. вместе с Тадеушем Кантором манифест «Pro domo sua», в котором они защищали авангардное творчество от нападок идеологии и власти. В семидесятые годы Мечислав Порембский создал важное понятие «иконосфера», означающее визуальную среду человека, совокупность окружающих его картин. Наряду с «Иконосферой» к его главным трудам относятся «Живописная история», «Граница современности», «Прощание с критикой», «Кубизм», «Очерк истории искусства», «Польскость как ситуация». Две из своих книг профессор Порембский посвятил друзьям-художникам. Первая из них, «Тоска», — рассказ о Тадеуше Канторе. Вторая — «Новосельский» — включает все тексты Порембского о Ежи Новосельском. Порембский дружил также с Тадеушем Ружевичем. Поэма Ружевича «Ножик профессора» связана с сохраненным Порембским лагерным «сувениром».

— Для меня он был мудрецом, — вспоминает профессор Мария Попшенцкая. — Он больше чем интеллектуал. Это мыслитель, который сумел объять и такие области, как философия и математика. При этом, когда он оказывался возле произведения искусства в галерее, мог быть им захвачен так, словно всегда был молодым.

Малгожата Шпаковская

ПИСАТЕЛЬСКИЙ ДИАЛОГ



Рецензии были восторженные: переписка* искрится юмором, писатели придумывают изощренные псевдонимы, используют забавные шифры и причудливые заголовки, играют жанрами, языком и орфографией, создают многоэтажные персифляжи, открывают друг другу секреты своей мизантропии и своих автомобилей, причем один покупает другому в Италии запчасти к «Фиату». Кроме того, оба пишут друг другу на иностранных языках, иногда даже на трех одновременно, как Лем Мрожеку 9 сентября 1962 г.: «J'avais ecris as a very little rebionok». Вдобавок каждый из литераторов глубоко и критично анализирует произведения оппонента: Лем — мрожековские пьесы, включая «Танго», Мрожек — недавно изданную «Сумму технологии». И вообще, это же такое великолепное свидетельство эпохи. Пожалуй, один лишь Томаш Фиалковский** заметил, что сосредоточенность на нелитературных текстах писателей в конце концов начинает отодвигать в тень их творчество, а в его рецензии (не знаю, по чьей воле — автора или редакции) появился подзаголовок: «Императоры наглости, микадо претенциозности».

Действительно, претенциозность, жеманность, кокетство — особенно в первый период обмена письмами — поражают. Что-то с самого начала должно было пойти не так, что-то при первой же встрече должно было прозвучать фальшиво, если оба писателя при всем восхищении друг другом долгое время не могут избавиться от пристроенной друг другу рожи***. Они изощряются, заигрывают друг с другом, соревнуются в оригинальности. «Брат мой в Бытии», — пишет Лем 11 марта 1962 года. «Достопочтенный Китайче», — отвечает Мрожек в апреле. «Ваша Развратность», — не сдается Лем 12 декабря того же года. «Рышард», — парирует Мрожек спустя три дня и подписывается: «Казик». Такой поединок на мины, что Гомбрович обхохотался бы. Другое дело, что ни тот, ни другой не принадлежали к числу людей легких в обхождении или непосредственных. У Лема это свойство довольно откровенно описал его собственный сын****, Мрожек же обнажился сам — и в «Валтасаре», и в недавно опубликованном «Дневнике».

Однако избранный ими жанр наверняка не был естественным и бесспорным для них самих. Возможно даже, это была одна из причин затухания и, в конечном счете, прекращения переписки. После нескольких лет перерыва, 30 ноября 1969 г., Лем напишет Мрожеку из Берлина: «Я знаю, что если мы встретимся, то будем обнюхивать друг друга, как старые собаки», — не в силах найти прежний тон. А еще через девять лет, тоже в письме из Берлина, он будет объяснять свое молчание так: «Когда что-то делаешь, так уж делаешь, а когда не делаешь — не только не делаешь, но и, как правило, все меньше хочешь это делать (...) Кроме того (...) общаясь с тобой, я всегда чувствовал себя неуверенно. Я считал тебя истинным мастером, а себя — парнем, который с немалым напряжением изображает из себя писателя, как будто мне нужно все время стоять на цыпочках и вытягивать шею». Теперь, добавляет

* Stanisław Lem, Sławomir Mrożek. Listy. 1956-1978. Kraków: Wyd. Literackie, 2011.
** Tomasz Fiałkowski. Porządek i chaos // Gazeta Wyborcza. 25.10.2011.
*** Понятие, введенное в обиход Витольдом Гомбровичем. — *Пер.*
**** См. Tomasz Lem. Awantury na tle powszechnego ciążenia. Kraków: Wyd. Literackie, 2009.

он, в этом уже нет необходимости, «с тех пор как мир более или менее принял меня» (5 сент. 1978). На это Мрожек отвечает из Парижа: я боялся, что чем-нибудь тебя обидел, и не подозревал, что со мной ты чувствуешь себя неуверенно, наоборот, «я всегда был подавлен недюжинностью твоего ума — немного пугающего, ибо носящего признаки эволюционного скачка» (16 сент. 1978). Однако это объяснение происходит лишь спустя годы, когда оба почувствовали себя сильнее. Им уже не нужно было блистать друг перед другом умом, но и восхищение к тому времени прошло.

И всё же хотелось бы узнать, что было дальше. В книгу включены письма до 1978 г. — означает ли это, что впоследствии переписка окончательно замерла? Перерыв 1968 г. легко объясним: выступив на страницах «Монда» с осуждением вторжения в Чехословакию, Мрожек стал в ПНР персоной нон грата, и Лем, не желая проблем, отказался от дальнейших писем («почта просматривается, поэтому и выдача паспорта, и мой отъезд могут сорваться ко всем чертям», — пишет он из Берлина 25 ноября 1969). Письма 1978 г. он тоже отправляет из-за границы (несмотря на то что именно тогда Мрожек впервые за многие годы приезжает в Польшу и даже навещает в «Диалоге» Константы Пузыну). Но что потом? Цензурные соображения теряют значение, поскольку всё следующее десятилетие Лем живет в Австрии. Может быть, эта часть переписки утеряна? Или ее напечатают в следующем томе? А может, ее решили не публиковать? Ведь в своих письмах Блонскому после 1978 г. Мрожек упоминает отправленные в тот же период письма Лему. Ответа на эти вопросы в книге нет.

Кстати, письма Мрожека Блонскому*, тоже дружившему с Лемом, представляют собой интересный комментарий к анализируемой переписке. Во-первых, по принципу контраста: они лишены фиоритур. Похоже, что перед Блонским Мрожек ничего не разыгрывает (или совсем немного). Во-вторых, он прямо пишет, что «чувствует себя неловко со Сташеком», что тому «не хватает согласия с самим собой», что «он [Лем] привязан к своему уму, к своему небывалому мозгу, как к колоссальному паровозу», и не выказывает никаких человеческих чувств, кроме жажды славы и признания (Кьявари, 8 дек. 1964). В другой раз Мрожек терзается, не обидел ли он «Сташека», послав ему заметку из журнала «Эуропео» о каком-то высказывании «русского писателя Станислава Лема» (25 февр. 1966). Наконец, он признается в некоторой неискренности: в письме от 29 января 1965 г. Лем рекомендует ему напечатанную в «Твурчости» «Поездку в Аушвиц-Биркенау» Брыхта. Между тем, — пишет Мрожек Блонскому 7 марта, — это текст глупый и мерзкий, «чушь несусветная»; как могут взрослые умные люди принимать отвратительнейшее кокетство за искренность, слезливый сентиментализм за суровость, неряшливость и убожество, прикрываемые развязностью, за стихийность, а вечерние онанистические мечтания гимназиста — за буйство»? Однако Лему свое недовольство Брыхтом Мрожек преподносит гораздо сдержаннее, оправдываясь в различии вкусов, — ведь «критика вкусов касается того, кто мы, а значит, разрушает самое наше существо» (6 марта 1965).

Переписка с Блонским обнажает и неоднозначность отношений Мрожека и Лема с Гомбровичем. Оба писателя часто принимают творчество Гомбровича за точку отсчета. В их письмах немало как прямых ссылок, так и скрытых цитат, а также почерпнутых из Гомбровича сравнений. 30 июля 1962 г. Лем пишет об «Игре» Мрожека: «Я предпочитаю ее «Венчанию» Гомбр., в котором, хотя это и сонный бред, сон реализует лишь часть небытия. У тебя же — голое, выпяченное Небытие!» Мрожек, в свою очередь, изнемогая от наплыва туристов в Кьявари, замечает: «Межчеловеческое, все более распущенное, неконтролируемое — всё, от удовольствия до преступления, — становится функцией толпы» (30 июня 1965). Тема Гомбровича всплывает всё чаще после публикации его «Оперетты», которая на долгие годы перечеркивает шансы мрожековского «Портного» (напомню: обе пьесы используют для описания культуры швейную метафору; «Портной» был написан раньше, однако автор не решился напечатать его**, а после выхода пьесы Гомбровича испугался обвинений во вторичности). Подводя итог этой темы, Мрожек пишет: «Мне «Оперетта» тоже очень нравится, хотя я предпочел бы написать ее сам и немного по-другому» (7 июня 1967). Однако даже после прозрачного намека Лема: «Гомбрович, как я подсчитал, довольно близко к тебе живет, недалеко от Ниццы» (28 мая 1967), — Мрожек не упоминает, что знаком с автором «Оперетты», причем уже несколько лет.

* Jan Błoński, Sławomir Mrożek. Listy. 1963-1996. Kraków: Wyd. Literackie, 2004.

** В конечном итоге «Портной» был напечатан в «Диалоге» (1977. №11).

Блонскому он написал об этом сразу. И о первом визите к Гомбровичу в Ванс*: «Сил у него значительно прибавилось, но ничего плохого он пока не выкинул, лишь немного спорил, но вполне мягко. Я сфотографировался с ним на память» (1 марта 1965). И о пребывании Гомбровича в Кьявари, у Пачовских: «В интеллектуальном плане визит его был бурным, как и все его визиты куда бы то ни было (...) При всём, что может меня с ним объединять, я чувствую нашу непроницаемость и обособленность» (24 окт. 1965). А Лему — ни слова. Не хотел хвастаться своей светской жизнью? Не хотел огорчать захолустного друга? Сообщил ему каким-то другим образом? А может, в рамках обоюдной игры в величие держал эту новость на какой-нибудь особый случай?

Тогда, в 60-е, оба писателя пробиваются в когорту великих, борясь за мировой успех и преодолевая трудности: периферийность культуры и языка, отсутствие поддержки извне и мнимую второразрядность своих жанров. Лем сетует (это его постоянная тема): «Из принципиально низкого, блядского жанра я пытался сделать «высшую философию», набить ракеты клубками проблем, но т.н. популярность приобрел благодаря дешевой позолоте — ракетам, а не проблемам» (29 окт. 1964). Мрожек сожалеет, что его по-прежнему считают юмористом; но ведь нужно же было с чего-то начинать — в польской литературе невозможно обойтись «без приема»: «Я брал остротами, ты — ракетами», — объясняет он Лему в письме от 10 ноября 1964 года. И вздыхает: «Драматургия никогда не была в авангарде мысли и не сделала никаких открытий» (7 окт. 1966). Между тем для обоих это кульминационный период творчества. У Лема позади «Солярис» (1963), в 1964 г. он издает «Сумму», а в письмах постоянно сквозит тема сбора материалов к планируемой «Философии случая» (которая выйдет в 1968 г.). Мрожек после «Игры» и «Смерти поручика» — признанный драматург. В 1964 г. он пишет «Танго», в годы переписки с Лемом публикует, в частности, «Монизу Клавье» (кстати, в письме от 29 янв. 1964 г. он сообщает о кабаносах, присланных из Польши тещей!), а также «На мельнице, на мельнице, милостивый пан» и «Вацлава». И, несмотря на это, оба чувствуют себя нереализованными.

В радикально критичном подходе писателей к современной литературе (впрочем, не только польской) немало ресентимента. Иногда вполне сознательного. Я не говорю о совместных издевках над Иредынским**, поскольку изощренные оскорбления в его адрес в значительной мере были просто игрой. Однако цитировавшийся выше отзыв Мрожека о Брыхте (из письма Блонскому) был сформулирован вполне серьезно. Никто ниже Бекетта не заслуживает внимания и признания. Лем кривится, читая «Дьюрренматта», и жалуется, что Ионеско наводит на него скуку. Мрожек потешается над Брандысом, об Анджеевском пишет, что его книга «Идет, скачет по горам» «удручает своей графоманией» (15 июня 1964), а о Конвицком — что его «Современный сонник» содержит все известные «пороки и увечья нашего литературного мышления, национальной нашей литературы» (там же). Друг друга писателям тоже случается критиковать, хотя в таких случаях они, разумеется, более учтивы. Лем усматривает непоследовательность в структуре «Танго», Мрожека отталкивает дегуманизированный мир «Суммы технологии». Однако эти упреки настолько интересны, что стоит остановиться на них подробнее.

19 июля 1964 г. Мрожек пишет о «Сумме»: «Против этой книги я протестую, а масштаб моего протеста как объем книги — велик». Протест касается представленной Лемом картины техноэволюции, для успеха которой (если считать успехом сохранение вида) необходимо создать новое человечество, отличающееся от реально существующего. Для правильного развития технологии человечество необходимо унифицировать, отрегулировать. Между тем, пишет Мрожек, «вершина прогресса в этой области — тоталитаризм», который неприемлем «не из моральных соображений, а потому, что он не работает, не функционирует». Люди слишком разнообразны, слишком индивидуальны, принимают слишком иррациональные решения, чтобы их можно было полностью уоднообразить. Кроме того,

* Мрожек и Пачовские приехали в Ванс в январе, ответный визит Гомбровича состоялся в июле 1965 года. См. календарь событий: Rita Gombrowicz. Gombrowicz w Europie. Świadectwa i dokumenty. 1963-1969. Kraków: Wyd. Literackie, 1993, с.326. Судя по запискам Гомбровича, Мрожек посетил его по меньшей мере еще один раз — до 20 октября 1967 г. — там же, с.393.

** Впрочем, своим эссе о «Дне обманщика» Лем в значительной степени способствовал упрочению позиции Иредынского. Даже я заинтересовалась этой книгой лишь по прочтении анализа Лема в «Твурчости».

— заявляет Мрожек в следующем письме — окончательная победа или поражение человечества не слишком важны. Ты готов признать победой всё менее болезненное существование до бесконечности — но ведь индивидуально все мы смертны, и разве это означает поражение? Зачем я пишу тебе, зачем сажусь обедать, если знаю, что все равно умру? Мы упорно ищем смысл за пределами самих себя, а между тем «все имеет лишь тот смысл, какой мы сами определяем» (11 авг. 1964). Мне кажется, что в данном случае Мрожек понял главное содержание «Суммы» вернее, чем, например, Колаковский*. Колаковский сосредоточился на преувеличенной, по его мнению, роли, которую Лем отвел «кибернетике» в процессе развития, в то время как Мрожек обратил внимание, что Лем хотел бы, ни более, ни менее как реформировать род человеческий**.

Критика Лема не столь остроумна. Его вкус довольно схематичен, а замечания чаще всего касаются непоследовательности Мрожека в выстраивании представленного мира. Отчасти именно поэтому ему так нравятся ранние пьесы Мрожека, написанные, по выражению Блонского, «с угольником». В «Танго» его раздражает смена перспективы с семейной на социально-политическую: танец с Эдеком или триумф хама кажутся ему нарушением жанра. Он пишет об этом прямо: «Начиная с середины пьеса сломана, вывихнута» (14 июля 1964). Но важно другое: с течением времени, отчасти в результате объяснений Мрожека, но прежде всего благодаря всеобщему восхищению Лем начал пересматривать свою позицию. Сменил гнев на милость? На самом деле вопрос более сложен.

Я уже упоминал, что переписка с Мрожеком приходится на период работы над «Философией случая» — книгой, в которой Лем выстроил собственную теорию литературы, исходя из того, что литературное произведение не окончательно и формируется лишь в общественном восприятии. Поначалу разные прочтения могут быть противоречивыми, обусловленными постоянной релятивизацией — от индивидуального читателя до коллектива, к которому он принадлежит, до истории, политики и культуры в целом. Затем разрозненные версии и оценки сталкиваются друг с другом в длительном массово-статистическом процессе, результат которого невозможно предсказать заранее. Окончательный смысл и ценность произведения выясняются в ходе этого процесса. То, что это правда, — прочтем мы впоследствии в «Философии случая», — хорошо видно, если проследить судьбы книг, которым пришлось долгие годы с огромным трудом завоевывать ранг бесспорных шедевров, и тех бесспорных шедевров, о которых сегодня никто не помнит. Мне не нравится роман «У подножия вулкана» — заявляет Лем в письме Мрожеку, — но если многие специалисты считают эту книгу феноменальной, мое сопротивление будет совершенно бесполезно. В свою очередь гениальный труд не может существовать сам по себе, без читателей, — «он просто не появится как факт культуры, литературы и т.д.» (31 июля 1964).

Всё это касается и «Танго». Всеобщее одобрение этой пьесы и ее сценический успех стали ее неотъемлемой частью, которую при первоначальной оценке Лем не принял во внимание. «Сейчас я читаю множество рецензий на «Танго», написанных невероятно умными людьми (...) и, читая, вижу, что был во власти невежественности — гнусной, пагубной и туповатой», — пишет он Мрожеку 2 августа 1965 года. «Согласно моим теоретическим представлениям, произведение приобретает ранг выдающегося в процессе обрастания вкладываемыми в него чувствами и интерпретациями, кодифицированная сумма которых становится его интегральной частью», — добавляет он 2 марта 1966 г., посмотрев спектакль Яроцкого. Желание добиться успеха, пробиться к публике обусловлено не только гипертрофированным эго автора. Истинная ценность произведения не объективная и не субъективная, а статистическая и социальная.

Итак, первым шагом должно стать взаимопонимание с публикой. «Для меня феномен искусства — это, конечно, коммуникация. Способ коммуникации. Более того, это единственный, монопольный способ передать определенные вещи, которые невозможно передать никаким другим образом», — пишет Мрожек (11 авг. 1964). Звучит так, будто он сам пытается убедить себя в этом. Оба писателя ставят

* Leszek Kołakowski. Informacja i utopia // Twórczość. 1964. №11.

** В лучшей из известных мне интерпретаций «Суммы технологии» Павел Маевский прямо причисляет Лема к числу постгуманистов, исследователей постчеловечества. См. Paweł Majewski. Między zwierzęciem a maszyną. Utopia technologiczna Stanisława Lema. Wrocław, 2007. (Monografie FNP).

судьбу своих произведений в зависимость от восприятия, но при этом оба исключительно скверного мнения о публике. В письмах Мрожек кажется даже бóльшим мизантропом (мизантропия Лема лучше прослеживается в его творчестве). Он убежал от Польши, но Запад и «западная система ценностей» мешают ему ничуть не меньше (29 апр. 1963). Особенно раздражают его культ потребительства и массовое общество. Он сетует на заполонивших Кьявари отдыхающих, на их машины, полные «принадлежностей для летних наслаждений», на их «дико распухшие вены на ногах» и «увядшие животы», на остающуюся после них «помойку, смесь кочевья с борделем» (30 июня 1965). И с горечью констатирует: «В Европе главная проблема человека заключается в том, чтобы обожраться как свинья, но при этом не растолстеть» (31 июля 1965). «Нажраться, обожраться, дожрать, подожрать — и показать, и вылезти на люди, и икнуть, и всё это непрестанно вопя», — вот цель современной цивилизации, повторяет он (12 февр. 1966). Чудовищна массовая культура и чудовищно размножающееся человечество: «Дети вылезают из животов всё новых баб, чтобы всё это жрать, куда-то нестись, потреблять», — негодует Мрожек (12 ноября 1967). Эти слова приводят на мысль Гомбровича из набитого поезда в Урлингам («Соседка разродится двенадцатью, кретин с первого этажа сделает своей бабе шестерых, а на втором этаже от двоих родятся восемь»*) и навязчивые идеи Ружевича из «Естественного прироста». Отвращение Лема при мысли о множащихся бледнотиках тоже ни для кого не секрет. Пожалуй, этот согласный четырехголосный хор, скрепленный гадливостью, достоин внимания.

Вероятно, одну из причин всеобъемлющего омерзения можно усматривать в отношении писателей к ПНР. В письмах Мрожека и Лема оно очевидно, несмотря на то, что в большей части переписки оба учитывают возможность контроля. Только письма, приходящиеся на периоды пребывания Лема на Западе, написаны без самоцензуры. Тем не менее в оценке фактов оба автора сходятся довольно легко. Например, в письме от 15 июня 1964 г., подытоживая свои размышления о современной литературе, Мрожек замечает: «Впрочем, неудивительно, что писатели не пишут: они так заняты подписыванием, что писать им уже некогда». Несомненно, он имеет в виду «письмо 34-х»**, и даже не столько само письмо, сколько организованные властями протесты: письмо ученых в «Таймс» (28 апр.), но прежде всего — выступление 600 писателей в поддержку политики партии (10 мая). В свою очередь, в письме Лема от 2 августа 1965 г. есть такая фраза: «Как тебе известно, эскалация нарастает, и неизвестно, не сделают ли в связи с этим из всех нас эскалопы». Это — явный намек на начавшийся 13 июля 1965 г. процесс Куроня и Модзелевского, первый громкий политический процесс после октября 1956 года. 7 июня 1967 г., через два дня после начала шестидневной войны между Израилем и Египтом, Мрожек в ироническом письме сообщает Лему, что даже некоторые немцы «готовы сражаться против израильской агрессии (вероятно, надеясь еще и на устранение угрозы вшей и сыпного тифа)», и что знатоки справедливо утверждают: «еврей коварен, и нет от него другого средства (...) кроме окончательного решения». Однако язык намеков позволяет посылать лишь сигналы — для настоящей дискуссии его недостаточно. И если двое сигнализируют одно и то же, это еще не значит, что они одинаково мыслят. Перед лицом более сложных проблем и ситуаций язык намеков оказывается бессилен. 11 января 1968 г. Лем пишет Мрожеку напрямик: «Я написал бы тебе о многом, но это невозможно, поэтому я ничего не напишу».

Понимание пониманием, но их позиции далеко не тождественны. Мрожек выбирает эмиграцию, и, хотя он еще четыре года сохраняет польский паспорт, Польша с самого начала явно раздражает его и нервирует. В одном из своих ранних писем, еще до отъезда, он пишет: «В Варшаву я возвращался на поезде — это было шесть часов семинара по полячеству и полячишкам. (...) Поляк поляка либо пошлет, либо чикаться с ним начнет. Среднего не дано» (9 дек. 1962). Другое дело, что потом он будет столь же недоброжелательно отзываться об итальянцах. Свое расставание в Польшей он считает естественным и даже подчеркивает, что не в состоянии назвать конкретную причину эмиграции — разве что предчувствие: «что бы ни случилось, у меня всё получится» (2 дек. 1969). Не слишком волнует

* Witold Gombrowicz, Dziennik 1961-1966, Dzieła IX, Wydawnictwo literackie, Kraków 1986, s. 24.

** Коллективный протест 34 писателей и ученых против ужесточения цензуры и лимитов на бумагу, выделяемую на нужды книгопечатания, направленный премьер-министру Юзефу Циранкевичу 14 марта 1964 года. — *Пер.*

его и происходящее в Польше. Между тем Лем надолго покинет родину лишь в 80-е годы, но и тогда это будет не окончательный шаг. В период же анализируемой переписки его взаимоотношения с Мрожеком явно вписываются в схему отношений с эмигрантом — неудобных по определению, ибо каждый из оппонентов самим фактом своего существования оспаривает выбор другого.

Писать об этом прямо они могут только в письмах, которыми обмениваются, когда оба живут на Западе. В конце 60-х политическая ситуация становится всё более напряженной, и рассуждения Лема об эмиграции утрачивают чисто теоретический характер. В рваной переписке после 1968 г. уже не обсуждаются философские темы. Зато по ней видно, как взгляды Лема становятся всё более радикальными. Осенью 1969 г. он пишет из Берлина: «Ситуация у нас кошмарная и такая гнусная, какой не было даже в 50-е годы (...) Сейчас у нас царят разложение, смрад, явное лицемерие и бардак, а вдобавок такое растление среды, что поступки, за которые раньше Берут раздавал золотые часы, ордена и посты атташе, теперь совершают за гроши» (25 ноября 1969). Спустя два дня он добавляет: «Лишь здесь я чувствую, до какой степени Там я вещь, а мысль о том, что мой сын может унаследовать от меня ошейник, ужасает» (27 ноября 1967). С другой стороны, в том же письме он приходит к заключению: «Дело в том, что я не смог бы стать нормальным местным, т.е. западным парнем». И почти оправдывается перед Мрожеком в своем решении остаться в Польше, так что тот даже пытается его утешить: «Не имеет значения, что я сбежал, а ты нет» (2 дек. 1969).

Спустя годы, в ненадолго возобновившейся переписке появится все та же проблема. В самых общих чертах ее можно сформулировать так: возможно ли остаться порядочным человеком в извращенной действительности? И в какой степени? Насколько допустимо и нравственно, — спрашивает Лем в завершающем книгу письме, — оставаться в ПНР, пользуясь особыми правами, безнаказанностью и недоступными другим привилегиями? Не грозит ли мне опасность в конце концов полюбить позолоченный ошейник? «Компромиссы вовлекают», через год я могу стать одним из тех, кто, бывая в салонах власти, в то же время считает себя «весьма порядочными оппозиционерами» и, осуждая одних руководящих товарищей, сердечно жмет руку другим (22 сент. 1978).

Однако бунтующая интеллигенция конца 70-х тоже не вызывает у него доверия. Его отталкивают «профессиональная оппозиционность», экзальтация, liberum conspiro. Власть ужасна, но и оппозиция не оправдывает ожиданий. «Я с трудом переношу наших малолетних пламенных диссидентиков — пишет Лем, — девиц, которые наподобие оккупационных связных носятся с самиздатом, и бравых юнцов» (там же). Но не потому ли я с трудом их переношу, что сам падок на ласки власти? — спрашивает он дальше. И можно ли вообще выдержать в такой действительности?

Ответ Мрожека нам неизвестен.

Dialog

Гжегож Пшебинда

Перевод Натальи Горбаневской

ЧИТАЯ ВАТА

Воспоминания русиста

В начале 1980-х, еще будучи студентом русского отделения, в частности учеником Анджея Дравича, я, к сожалению, не прочел сразу «Мой век» Александра Вата. Оба лондонских эмигрантских издания того времени: и двухтомник 1977-1978 гг., и сведенное в один том 1981 г. — всё-таки были для массы краковских студентов недоступны. Так же, впрочем, как и варшавское подпольное издание Независимого издательства НОВА (1980). Зато я купил (и за немалые деньги: ох, и дорога была «литература») другую книгу Вата — «Взывание», изданную краковским подпольным издательством КОС. Я сразу прочитал ее в середине 1981 г. вместе с «Родной Европой» Милоша. Я говорю об этих двух книгах, так как они сыграли серьезную роль в процессе моего познания того, что Дравич называл «другой Россией».

Ват, Синявский и Стеклов

Когда потом, в 1987 г., я поехал в парижский пригород Фонтене-о-Роз в гости к Андрею Синявскому, я уже мог перед ним похвастаться, что несколько лет назад прочел статью Вата «Читая Терца», которая входила в вышеупомянутое «Взывание». Напомню, что Абрам Терц — это псевдоним Синявского, который издавался под ним, живя еще в Москве. Его книги, тайно переданные за границу, вышли в оригинале и польском переводе у Ежи Гедройца: «Фантастические повести» (1961), «Любимов» (1963) и «Мысли врасплох» (1965). Когда его авторство — конечно, в результате доноса — было раскрыто в СССР, Синявский вместе с Юлием Даниэлем* оказался на скамье подсудимых и получил семь лет лагеря.

О процессе Синявского и Даниэля в 80-е годы, во время военного положения, говорили в краковских студенческих общежитиях, а статья Вата «Читая Терца» по сей день принадлежит к лучшим аналитическим исследованиям творчества русского писателя... А когда я уже в новой Польше, в 1993-1994 гг., писал работу о Чернышевском, то смог обратиться к другому тексту Вата из «Вызывания» — «Смерти старого большевика». Это мемуарное эссе посвящено Юрию Стеклову-Нахамкису, соратнику Ленина, в 1917-1925 гг. главному редактору газеты «Известия», специалисту по творчеству Чернышевского.

Ват встретился с ним во внутренней тюрьме НКВД в Саратове (кстати, в городе, где когда-то родился Чернышевский...). Это было в августе 1941 г., после эвакуации Лубянки в обстановке, когда Вермахт прямо угрожал Москве. Стеклов-Нахамкис был тогда смертельно болен, а через несколько недель, о чем Ват узнал только по возвращении в Польшу, скончался в тюрьме. Польский писатель вспоминал в 1964 г. (а потом и в книге «Мой век»), что за время встреч со «старым большевиком» «в течение двух недель узнал больше, чем за десять недель Лубянки».

И прибавлял: «И я спросил Стеклова о московских процессах (1936-1938 гг. — Г.П.). Как всех, меня издавна мучила загадка самооговоров. Я, разумеется, не знал романа Кестлера, но если бы мы его на Лубянке знали, то он стал бы предметом насмешек. (...) Я спросил Стеклова: были ли признания на московских процессах исторгнуты пытками? “Зачем пытки! — выкрикивал он. У всех у нас руки по локоть в крови, в г...! У всех, у всех без исключения. По локоть!” — эти слова я запомнил, верю, дословно, так я тогда содрогнулся. (...) Неужто наша кровь была чище той, которую мы проливали без жалости и без колебаний? Никого из них и не нужно было пытать, у каждого перед глазами души стоял длинный список собственных преступлений и собственной подлости. (...) Так говорил

* У Гедройца в 1965 вышел сборник «Искупление и другие рассказы» Даниэля под псевдонимом Николай Аржак.

Стеклов, а я соглашался с ним в духе, думая о верующем католике, который окончательно утратил бы надежду на спасение»*.

Когда же Стеклов говорит с презрением почти обо всех большевиках как о «людском отребье», то в рассказе Вата это выглядит не как разочарование некогда идейного человека, но как справедливое воздаяние должного всем жертвам большевицкой революции. Ни одному из большевиков, насколько я помню, не пожалел он ядовитых инвектив, даже эпитетов типа «каналья», «стерва», «отребье». «Эта стерва Троцкий», «это отребье Ворошилов», «этот каналья Орджоникидзе». Где-то потом, может быть у Владимира Буковского в «...И возвращается ветер...» (польское подпольное издание — 1979) я читал, что в советских психиатрических больницах пациенты могли воображать себя Бог весть кем — Петром Великим, Наполеоном, даже Гитлером... Только ни один сумасшедший не вздумал воображать себя Сталиным: «большой страх» проник даже в больное подсознание. У больного Стеклова дело обстояло иначе. Ват пишет: «Когда я так маневрировал (а было это еще по пути с саратовского вокзала в тюрьму. — Г.П.), до меня донеслись крики “Сталин” с такими эпитетами, о которых никто из нас тогда не мог помыслить и в душе. “Старик Стеклов, — шепнул мне случайный сосед, — он так еще и в вагоне”».

Стеклов несколько раз просил Вата: «Когда вернетесь в Польшу, опишите, как умирал старый Стеклов». Ват тогда, конечно, думал, что на родину уже не вернется, но вернулся и через двадцать лет написал этот текст о «старом большевике», сохранив последнюю память о нем: «Он казался настолько лишенным тела, что напоминал мумию Рамсеса, запавшие глаза были приоткрыты, он тяжело бредил. Череп уже как у трупа, но еще человеческий. Несмотря на это он был удивительно красив. (...) Таким я его запомнил на весь остаток моей жизни».

Позже, уже при чтении «Моего века», мне пришлось убедиться, что Ват сохранил большой объем памяти о человеческих судьбах, о представителях самых разных национальностей в довоенной и послевоенной Польше и в принудительно «посещенных» им местностях СССР: о поляках, евреях, русских, украинцах, немцах, — еще и для того сохранил, чтобы самому не до конца умереть.

Мой «Мой век»

До окончательного прочтения мемуарной эпопеи Вата, наступившего, однако, только в 1987-1988 гг., я уже прочитал всего Александра Солженицына, Варлама Шаламова, Георгия Владимова, немного Василия Гроссмана, Надежду Мандельштам, Густава Герлинга-Грудзинского, Юзефа Чапского. Поэтому к Вату подходил очень требовательно, тем более что он создавал с Милошем свой труд**, уже зная книги по крайней мере нескольких из названных мною авторов.

Сам я хорошо знал — и от русских, и от польских писателей-очевидцев, — что советский строй в свои наихудшие времена (1929-1953) ни в чем не был лучше, чем нацистская теория и практика после 1933 г., что лагеря были созданы еще при Ленине, а нацисты у него только учились, что Сталин вовсе не изменил Ленину, а наоборот — был его лучшим учеником... В книге генерала Владислава Андерса «Без последней главы» я читал, в частности, о зловещем пакте Риббентропа—Молотова от 23 августа 1939 г. и о нападении СССР на Вторую Речь Посполитую 17 сентября того же года, а из «Большого страха» Юлиана Стрыйковского уже, пожалуй, много знал о Львове при советской оккупации после 22 сентября 1939-го. Сведения о Катыни я почерпнул тоже почти «из первых рук» — из воспоминаний Станислава Свяневича «В тени Катыни».

Ну и довольно наивно считал, что Ват мне уже не нужен, а тут большими шагами надвигался 1989 год, после которого в Польше наступил большой перерыв в обсуждении подобных книг. Лучшее тому доказательство — то, что, выйдя в 1990 г. в издательстве «Чительник», «Мой век» не вызвал осо-

---

* Прибавлю, что краковское подпольное издание «Взывания» я заботливо храню в своей библиотеке с 1981 г. — кстати, рядом с ним стоит книга Вата «Смерть на крюке и под ключом» (Лондон, 1995), где тоже помещены воспоминания о встрече со Стекловым.

** «Мой век» — мемуары Вата, наговоренные на магнитофон по инициативе Чеслава Милоша и при его участии. — *Пер.*

бого волнения. Тогда больше занимались — в то время наверное для нас более важными — выборами в парламент, ну и, разумеется, «войной наверху» — Валенсы с Мазовецким (а Валенса еще, кажется, в 1980 г. хвалился, что вот он в жизни ни одной книги не прочитал, а глядите, как высоко зашел...).

И всё-таки, слава Богу, с этим чтением я успел вовремя, хотя должен признаться, что продолжал смотреть на всё творчество Вата главным образом как русист. Поэтому больше всего меня увлекали такие фрагменты, которые существенно дополняли мои знания о Достоевском (еще до войны, в 1927-1930 гг., Ват перевел «Братьев Карамазовых»), о России после 1917 г., о людях оттуда, которых польский футурист встречал еще до войны в Варшаве — в советском посольстве или у себя дома. Это было для меня совершенно неизведанное пространство, которое писатель в большой степени уберег от забвения.

Как интересны воспоминания о Маяковском, который в 1927 г. побывал в Варшаве по пути на Запад и назвал еще молодого Вата «урожденным футуристом». Рассеянные по страницам «Моего века» мнения о Достоевском, о русских писателях XX века и их отношении к коммунизму, к революции, по сей день актуальны. И крайне жалко, что так редко ссылаются на них наши или русские исследователи творчества Александра Блока, Артема Веселого, Николая Клюева, Бориса Пастернака, Виктора Шкловского, Ильи Эренбурга (Ват до войны перевел две его книги, знал роман «Хулио Хуренито», под влиянием которого написал «Безработного Люцифера»)... Прежде же всего Ват глубоко понял Бориса Пильняка, по отцу поволжского немца, автора «Голого года» (1921), первой русской книги об октябрьской революции, «Машин и волков» (1924), где представлен политико-экономический и нравственный хаос большевицкого мира. В 1938 г. он был расстрелян за «участие в троцкистских группировках», якобы готовивших покушения на жизнь Сталина и Ежова, и за мнимый шпионаж в пользу Японии, куда он ездил еще в 1926 г., — в 1938-м она находилась на грани войны. Ват принимал Пильняка у себя дома в Варшаве, читал его, разумеется, в оригинале: русский язык был, собственно говоря, родным языком нашего польско-еврейского странника, который до 1915 г. в Варшаве даже ходил в русскую школу.

От первого чтения «Моего века» у меня остались подчеркнутыми такие фрагменты: «В Замарстынове (львовская тюрьма, одна из 14-ти, в которых «гостил» Ват. — Г.Р.) это входило в ритуал: когда наивный зэк ссылался на Сталинскую конституцию, следователь* доставал из ящика резиновую дубинку. Вот тебе Сталинская конституция, — и, бывало, прежде чем убрать дубинку, пускал ее в ход». Или: «В Совдепии я почувствовал, что — знаешь ли — современному человеку невероятно трудно верить в Бога, но безумно трудно не верить в дьявола. (...) Тогда я действительно понял дьявола в истории». Иначе говоря, довоенный безработный Люцифер Вата получил в Советском Союзу постоянную работу.

И, наконец, такой запомнившийся мне фрагмент: «Вспоминаю, как кто-то в Бригидках (вторая, недолгая львовская тюрьма Вата. — Г.Р.), грузин, который знал тюрьмы ГРУ в 1925 г., пугал меня: «Вас наверняка отправят в Москву. Если повезет, попадете на Лубянку, хуже всего — Лефортово. Еще хуже Сухановка в лесу, оттуда никто не возвращается»...

Мечта-Лубянка... для нас это был всё-таки шок, но Ват, который действительно потом через Киев попал на Лубянку, умел проводить очень тонкие различения, особенно на краю жизни и смерти. Он честно рассказывал, что на Лубянке с ним обращались неплохо — как с «важным политическим преступником», камеры там были в меру чистые, еда сносная, а охранники не орали по коридорам. А ему достались нары, на которых еще недавно лежал генерал Андерс. Санаторий не санаторий, но после жуткого Замарстынова Вату всё казалось лучше.

От Шаламова я уже знал, что в Бутырской тюрьме в 1937 г. была лучшая в Москве тюремная библиотека — аналогичной пользовался Ват на Лубянке. Он сидел там до августа 1941 г., когда после пакта Сикорского—Майского его этапировали в вышеупомянутый Саратов. Однако он успел на Лубянке многое прочитать. Среди его лихорадочного чтения были как дореволюционные книги, так и выходившие в 1921-1937 гг. в замечательном издательстве «Academia». Он вспоминал, что прочитал

* Выделенное в цитатах из Вата курсивом — по-русски в оригинале. — *Пер.*

или внимательно просмотрел «том нравственно-религиозных сочинений Толстого, первый том "В поисках утраченного времени" Пруста, издание "Академии" с предисловием Луначарского, неаполитанский роман Сельмы Лагерлёф, толстый том поэзии Некрасова, избранные сочинения Макиавелли той же отличной "Академии"»... Это, в конечном счете, было какой-то формой возмещения для Вата, утратившего много книг из своей богатой библиотеки еще во время неоднократных обысков в Варшаве до войны, а покидая столицу после бомбардировок 1 сентября 1939 г., он даже решился уничтожить часть своего собрания.

В камере, кстати, читал только Ват и его русский товарищ по несчастью — Евгений Дунаевский (1889-1941), писатель, юрист, лингвист и переводчик. Посвященные ему страницы Вата были для меня крайне интересны. Хотя тогда я еще не знал, что Дунаевский (он не приходился родственником композитору Исааку Дунаевскому) был выдающимся переводчиком персидской поэзии (Хафиза) на русский и издал два тома в «Академии», в молодости переписывался с Блоком, в 1938 г. выпустил текст «Искусство перевода», а в 1939-м был арестован по делу ираниста Рудольфа Абиха как «английский шпион». Сегодня наши русские друзья, которые по справедливости реконструируют биографии расстрелянных и репрессированных в ленинско-сталинском СССР («невинно репрессированные», впоследствии, начиная с 1956 г., «реабилитированные»), в том числе и Дунаевского, к сожалению, ничего не знают о том, что важнейшим свидетелем и одновременно летописцем его последних, прожитых в безумии месяцев жизни на Лубянке был Александр Ват.*

От первого чтения «Моего века» еще помню фрагменты о «перековке душ», т.е. о моделирование большевиками «нового человека», на самом деле — его «повторном сотворении» (потом у нас презрительно говорили, еще до Тишнера, о homo sovieticus'е). Также меня сильно заинтересовало, что Ват, родившийся точно в 1900 г., прошел — как уже известные мне русские мыслители рубежа XIX-XX вв.: Бердяев, Сергей Булгаков — драматический путь «от марксизма к идеализму», т.к. от атеизма к христианству. Произошло это с ним в советской тюрьме в Москве.

Ват всё-таки не был в неволе «святым Александром», зато в своих воспоминаниях сумел признаться в не слишком нравственных поступках. К себе он относился так же сурово, как и к другим, хотя всегда подчеркивал, что мерой позора было то, повредил ли другим его подлый или близкий к тому поступок. Если кто-то из наших «моралистов» XXI века — вступивших в особенно ярую борьбу с коммунизмом уже после его краха — еще помнит Вата, то обычно ему ставят в укор не только участие в коммунистическом движении в Польше до войны, но и тот факт, что 13 ноября 1939 г. вместе с Броневским, Боем-Желенским, Важиком и др. он подписал заявление «Польские писатели приветствуют воссоединение Украины» и тем самым поддержал советскую аннексию Львова и прилегающих к нему земель (по-польски — Восточная Малопольша, по-украински и в то же время по-советски — часть Западной Украины)... В ответ, однако, имеет смысл привести оценку Томаса Венцловы из его книги о Вате: «С точки зрения патриотически мыслящего поляка это был акт государственной измены, но тогда речь шла в самом деле о жизни и смерти, а не о жестах, и люди это знали»**...

Да и сам Ват, ничего не скрывая, сумел в «Моем веке» посыпать не чужую, а свою голову пеплом: «Я говорю, что это был самый отвратительный период моей жизни, эти несколько недель во Львове. Трусил, лгал. Знал, что меня арестуют, что Оля и Андрей погибнут, попросту дрожал и притворялся, что ну да, конечно, снова, мол, убедился в правоте коммунизма. Ущерба никому не нанес — наоборот. Не написал ни одного стихотворения о Сталине (...) Но, разумеется, лгал. Лгал. Притворялся, что снова поверил».

---

* Евгений Викторович Дунаевский расстрелян по «предписанию наркома внутренних дел СССР [Берии] №2756/Б сотруднику особых поручений спецгруппы НКВД СССР о расстреле 25 заключенных в г. Куйбышеве» от 18 октября 1941 г.». — *Пер.*

** Venclova T. Aleksander Wat: Life and Art of an Iconoclast. New Haven and London: Yale Univ. Press, 1996. — Польский перевод: Aleksander Wat: Obrazoburca. Tłum. Jan Goślicki. Kraków: Wyd. Literackie, 1997.

■

Когда меня теперь попросили пересказать давние размышления над «Моим веком», я решил сначала еще раз, повторно прочитать эту книгу от А до Я. Сначала я слегка заскучал над теми фрагментами, где Ват реконструирует литературную жизнь довоенной Польши. Но после этих отмелей я сознательно углубился в то жестокое пространство, реконструированное двумя великими мыслителями Польши и Европы первой и второй половин XX века — Ватом и Милошем.

Это новое издание — воистину сокровище. Здесь есть многое, требующее познавать заново, можно пойти вслед за Ватом и уже в XXI веке развивать его конкретные мотивы и великие темы, спорить с ним по основополагающим вопросам жизни и смерти, о поведении человека в пограничных ситуациях (метафизика Вата и его обращение, неудачная поездка к о. Пио за исцелением в 1957 г., мысли о жене и сыне, которые часто были далеко, — это темы для особой статьи).

Однако по-прежнему изумляет, так же как и в 1987 г., а сегодня, может быть, еще больше (а Ват как очевидец подчеркивает это чрезвычайно убедительно), как велика была после 22 июня 1941 г. надежда представителей многих народов в СССР на освобождение после того, как Гитлер объявил Сталину войну. Насколько велика была тогда ненависть к Сталину в советских тюрьмах, хотя, к сожалению, антисталинские лозунги можно было тогда писать — что Ват тоже скрупулезно описывает — только в тюремных уборных. Русские бабушки, по слухам, говорит Ват, при звуке слова «Сталин» крестились в суеверном ужасе.

То, что украинцы, белорусы, многие русские рассчитывали на чудовище-Гитлера, который всего лишь через два месяца после нападения на СССР, в августе 1941-го, сказал в своей ставке «Волчье логово» под Растенбургом, ссылаясь на только что выигранную, в самом деле молниеносную войну с Югославией, что вскоре он уничтожит эти «жалкие сто миллионов славян», — это воистину великая драма истории. В план «Барбаросса» входила ликвидация 30 миллионов из этих 80-ти. Крымские и кавказские народы (крымские татары, чечены, ингуши и др.), поддержав Гитлера, тоже тогда еще не знали, что ему важна исключительно кавказская нефть, их же самих он вскоре назовет предназначенными на убой «азиатскими варварами».

С другой стороны, книга Вата сегодня служит также предостережением против возврата сталинизма, этого еще живого идеологического трупа. Во второй половине 2008 г. Сталин, убийца миллионов людей, в общенародном опросе РФ «Имя России» занял третье место среди великих личностей во всей тысячелетней истории России, включая всю историю Киевской Руси (первым был Александр Невский, второе — Петр Столыпин). После нового, на мой взгляд очень нужного польского издания «Моего века» книгу Вата следует незамедлительно предложить русским братьям для перевода на язык Пушкина (Пушкин в вышеупомянутом опросе занял четвертое место, сразу за Сталиным) и Достоевского (девятое место, на два ниже, чем занявший седьмое Ленин). Пока что по-русски вышли только небольшие отрывки в переводе Надежды Каменевой (Иностранная литература. 2006. №5).

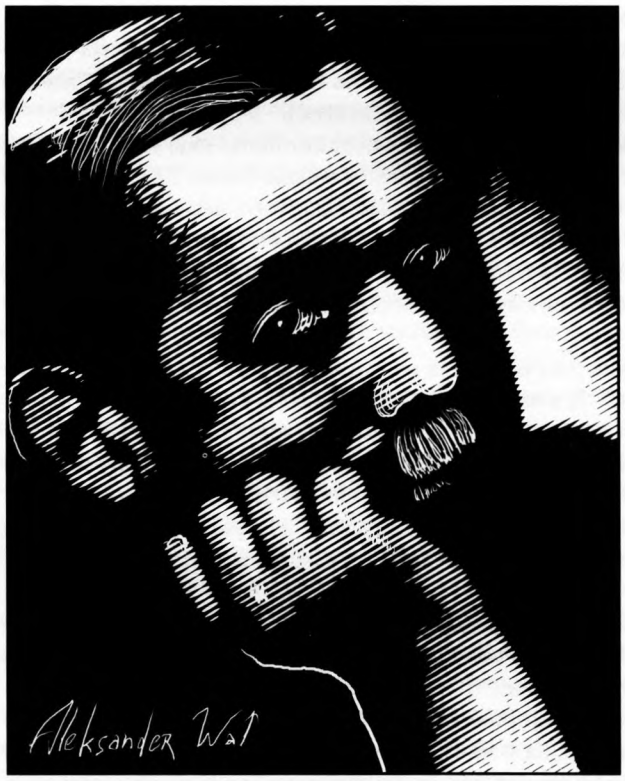
А русское издание полного текста «Моего века» может стать, используя слова Бориса Пастернака, «вторым рождением» Александра Вата. Ват сегодня не только поучает нас, но и предостерегает — от тех вещей, которые вовсе не обязательно уже отправлены на свалку истории.

Александр Ват

Перевод
Натальи Горбаневской

О РОССИИ

Из переписки



1. Юзефу Чапскому
суббота, 6 мая 1967

Дорогой Юзь!

Прости меня. Абсолютно ничто не дает мне права написать то, что я здесь напишу, кроме одного-единственного — моего глубочайшего к тебе уважения. Я попросту раздавлен твоей немецкой главой*. Вся инфантильная бессодержательность этих рассуждений, эти кокетства пера по отношению к вещи настолько чудовищной, перед лицом которой обязывает серьезность и суровая мысль, все эти подскоки, туда-сюда, уклоны, эти «великлепные» немецкие женщины и т.д. и т.п., — всё это ради того, чтобы закончить неожиданным категорическим приговором: «что немецкий народ невиновен». Никогда, пожалуй, в истории (потому что демократия — изобретение нескольких последних столетий) не было такой конкретной, очевидной, абсолютной, тотальной и бесспорной вины народа, именно целого народа. И об этом знали и говорили уже сто лет назад сами немцы. (...) Наверняка преступления большевизма количественно, в сумме были не меньше немецких, но — и это коренная существенная разница — они творились ценой самого русского народа, были делом горстки узурпаторов, которые сумели поработить целый народ, когда там всё разваливалось. В то время как немцы не только выбрали Гитлера, но и поддерживали его повсеместно и получали от этого выгоду (ликвидация безработицы, мощь нации, территориальные захваты и трофеи). Без этой повсеместной организованной поддержки всего народа не было бы этого преступления. Всё в этой главе обращается против тебя: в общих словах растоплена немецкая специфика этого преступления — в общечеловеческих банальностях о человеческой душе. Это жалкое и своей смехотворностью обвинительное число 138 борцов против гитлеризма (осознай, сколько сотен тысяч русских крестьян боролись с большевиками). (...)

2. Ежи Гедройцу
Нерви, 27.6.1960
(...)

Тезис (Исаака Дейчера — «R[ussia] after Stalin» и многих до него и после него) о том, что просвещение и индустриализация неизбежно приводят к демократизации, питает сладким салом не только wishful-think западных прогрессистов, но, хуже того, русскую национальную политическую инертность: раз неизбежно приводят, то зачем еще и т.д. и т.п. Его глубокая ложность (по крайней

* J.Czapski. O Niemcach // Kultura.1967. №5.

мере в рамках десятилетий, дальше которых могли бы выбегать только вдохновенные пророки, а не публицисты, политики) проверялась и проверяется у нас на глазах в высшей степени демонстративно: гитлеровская Германия! Китай! О том, что насильственная индустриализация соответствует диктатуре и тоталитаризму и даже нуждается в них, писал вполне убедительно Ленин в 1918-м (статьи о государственном капитализме в мире забыты, а жаль). Эта упорная ошибка прогрессистов XIX века так живуча благодаря, в частности, отождествлению просвещения с культурой.

Из этого основного вытекают и иные заблуждения, а еще другие вьются вокруг, как на красивой монограмме.

(...)

Русские читатели, до которых «Культура» в лучшем случае может добраться, — т.е. интеллигенция, высшие чиновники, студенты — уже опоенные млеком и окормленные мясом, владельцы (в настоящее время или in spe) телевизоров, холодильников и т.п., — их мучит глад души!

Пред этой-то публикой надо восхвалять imponderabilia, духовные и культурные свободы всякого рода и вида. Разжигать их аппетит на красоту и разнообразие жизни (свободных обществ), на произвольность, даже на интеллектуальный анархизм, на то, что бескорыстно (gratuit). Превозносить как раз то, что в СССР при- и затоптано: свободную литературу, живопись (хоть бы и абстрактную), религиозную мысль. Обострить рефлекс на капиталистическое «что вздумается», на «мыслю — говорю — делаю — что-мне-нравится». Ничего нет фальшивее, чем верить в захваченность русских «научным социализмом», да и сциентизмом вообще (конечно, техника — в глубине ума у них отождествляется с магией). В этой своей «R[ussia] after Stalin» Дейчер пишет о своих разговорах с советскими военнопленными в 1944 г: они не хотят возврата к капитализму. Согласен, они не хотят слова «капитализм», потому что это слово им, конечно, сумели испоганить. Но не самого факта. (Слабость всякой пропаганды, которая из слова родилась и в слово обращается.). Тут происходит или семантическое недоразумение, или результат назойливой агитации, или дурной навык лгущей маски, которая плотно прирастает к коже. То есть: русские испытывают и всегда испытывали острую нужду в социальной справедливости, больше чем другие народы, и это еще один аргумент за раздувание мстительных чувств и классового антагонизма.

Что их сильнее всего держит в подчинении и в орбите режима — кроме принуждения, кроме неугашенного, пусть даже обрубочного Страха, — что их держит действительно по доброй воле, это национальная гордость, русский империализм, захватничество, агрессивность, грубо выражаясь, и имперские успехи. Противостоять этому мощному влечению можно лишь опираясь на противоположный полюс их русской натуры: стихийную потребность анархии (снова русская амбивалентность). (...)

3. Глебу Струве

17 января 1963

Слишком большая империя, слишком мощные противоречия и стихии. Однако совершенно очевидно, что никто не знает, как слезть с тигра. И действительно — как?

Из книги: Aleksander Wat. Korespondencja. Wybrała i opracowała Alina Kowalczykowa. Warszawa: Czytelnik, 2005.

ИСКУССТВО ЖИЗНИ

Беседа с Мареком Келлером — арт-дилером, коллекционером, пропагандистом мексиканского искусства и меценатом польской культуры

Марек Келлер

— В Польше вы известны не только в качестве автора идеи и основателя такого необычайного места, как сад скульптур Хуана Сориано под Варшавой, — уже много лет вы даритель музея Фредерика Шопена. Самый крупный и самый щедрый, иными словами... всё время искусство определяет вашу жизнь.

— Я всегда любил музыку, и она всегда присутствовала в моей жизни. Мои родители, которые заметили это, когда мне было 14 лет, отдали меня учиться игре на фортепьяно. Потом армия, и эта страсть существовала во мне — я начал петь, мы с товарищами создали ансамбль, разъезжали с концертами, принимали участие в конкурсах, и это очень нравилось. В 1966 г. я даже завоевал первое место на конкурсе советской песни в Зеленой-Гуре. Дипломы с отборочных туров и за занятое тогда первое место хранятся у меня до сих пор; затем последовал Образцово-показательный художественный ансамбль Войска Польского, тоже в мундире.

В последние месяцы, проведенные мною в армии, шел набор в ансамбль «Мазовше» — я поехал, сдал, к своему большому удивлению, экзамены и был принят госпожой Мирой Зиминской-Сыгетинской (основательницей «Мазовше»), которая сказала: «Как только закончишь армию — приезжай». С «Мазовше» я объездил пол-Европы, но на побег не решился, так как не хотел никому причинять хлопоты. И в 1972 г. получил заграничный паспорт для частной поездки во Францию и США — разумеется, как и каждый, с намерением заработать и вернуться. Выезжая тогда, я не думал, что жизнь сложится таким образом, что на 30 с лишним лет я останусь за пределами Польши, но там, в Париже, вошел в другой мир и подружился с великолепными людьми — с чудесным человеком и большим писателем Карлосом Фуэнтесом, тогда послом Мексики в Париже, и с первым секретарем посольства Серхио Питалем. Это вообще было такое литературное посольство. Мы переписывались, еще когда я жил в Польше, и внезапно мир меняется, становится другим, меняются интересы. От них я узнаю, что приезжает Хуан Сориано, который восемь лет жил в Италии. Фуэнтес говорит мне: «Приезжает мой друг — делать графику для “Оливетти”». Я знакомлюсь с Хуаном, мы попадаем на какой-то общий обед, я немного растерян, но заворожен этим миром и совершенно другим стилем жизни, который полон столь многочисленных возможностей, однако не очень-то знаю, в каком направлении идти и что дальше сделать со своей жизнью. Ближе всего мне была музыка. Потом — этот мир изящных искусств, всецело очаровавший меня, и, хотя я никогда не изучал его, во мне всегда присутствовала восприимчивость к искусству. И вот мы ходили с Хуаном по улицам Парижа, ходили и разговаривали, разговаривали. В итоге получилось так, что Хуан оставался моим товарищем больше 30 лет. Париж соблазнил меня, а Мексика пришла ко мне в том же Париже. Мы провели там с Хуаном несколько лет в среде художников и литераторов, нас нередко посещал Хулио Кортасар, частым гостем бывал также Фуэнтес и другие мексиканские писатели, поэты, художники. Париж несет в себе эту магию. Кортасар был превосходным человеком, мы вместе слушали аргентинские танго, а с Хуаном спорили о Фиделе Кастро. Это были чудесные времена. Много текилы, после приемов и раутов в посольстве — окрестные кабачки и рестораны. Мы таскались по Парижу до утра. Помню такой момент, когда после одного из приемов мы сидели в ресторане, и вдруг Сориано, расположившийся недалеко от меня, исчез под столом, а спустя какое-то время мы заметили, что некоторые гости за соседними

столиками начали странно подпрыгивать. Он по дороге с приема потерял туфель... и стал интенсивно искать его — до того интенсивно, что гости начали протестовать, и обслуживающий персонал вышвырнул его в единственном туфле на улицу. Но ему хотелось снова попасть внутрь, так что он начал стучаться и... через приоткрывшуюся дверь заказал бутылку самого дорогого шампанского. Естественно, его немедленно снова впустили в помещение.

— Вы говорили о восприимчивости к искусству, и дело тут, пожалуй, в том, что с ней надо родиться, этому невозможно научить, и, как сказал когда-то проф. Александр Яцковский, не учебное заведение и не диплом определяют, есть ли у человека, что сказать в искусстве, — это определяют талант, страсть и индивидуальность.

— Достаточно протянуть руку — и всё доступно: музеи, галереи, альбомы, библиотеки. Не надо оканчивать Академию художеств. Диплом не был мне нужен никогда и ни для чего, моя заинтересованность искусством возникла в Париже через общение с выдающимися художниками, а то, что это была именно Мексика, — лишь случайность. У меня всегда имелся организационный талант — создать произведение искусства я бы не сумел, но умею что-либо сделать с тем произведением, которое уже создано. Я быстро обзавелся многочисленными контактами и начал устраивать выставки — разумеется, на первых порах с многочисленными опасениями, справлюсь ли; но когда подходишь к этому с душой и уже с каким-то знанием темы, то всё складывается само собой. Я стал маршаном, это продолжается по сей день и заполняет всю мою жизнь. В качестве маршана я представлял нескольких мексиканских художников. Сориано был, однако, самым важным, и я решил ограничиться им, а он только работал — бизнес его не интересовал, и он часто раздавал свои работы, прежде чем я занялся профессиональным продвижением и продажей его произведений.

— После нескольких лет проживания в Париже вы вместе с Хуаном Сориано вернулись в Мексику. Что вас там очаровало?

— В Мексике у меня больше друзей, чем в Польше, шесть месяцев в году я провожу там, это моя вторая родина. Страна великолепная, богатая, чудесная, с глубоко укорененными художественными способностями у самых простых людей — они обожают рукодельные работы, как и те, кто населял эту страну до Кортеса. Подобные люди по-прежнему существуют, они приходят в маленькие городки на ярмарки, и их работы — отнюдь не ремесленничество, зачастую это произведения искусства, а необыкновенные мануальные способности заложены здесь буквально в генах. Всё это пустило в них глубокие корни. Необычайная страна, которая полна открытых, доброжелательных людей, меня это очень там поразило. Польша и Мексика — две такие отдаленные страны и одновременно с такой похожей сумасшедшинкой, с людьми, любящими празднества да развлечения и иногда немного перебирающими меру, здесь с водкой, там с текилой. Это тоже послужило каким-то знаком — мое первое путешествие в Мексику, когда я приземлился посреди города, поскольку аэродром там расположен таким образом, что самолеты садятся буквально чуть ли не между домами. Когда я уже устроился и вышел из гостиницы, чтобы подышать атмосферой этого города, почувствовать его, то заглянул в небольшой ресторан. За ближайшим столиком сидели два очень типичных представителя этой страны и разговаривали, а перед ними стояла кока-кола — но стояла еще и бутылка... превосходной «Выборовой». Нашей, польской. Мне тогда подумалось, что это какой-то бесспорный знак.

— Вернемся к теме шопенианы. Вы больше всех способствовали расширению польской коллекции памятных предметов, связанных с Фредериком Шопеном. Начиная с 1999 г. вы подарили его музею 21 бесценное письмо, а вдобавок в 2011 г. приобрели для музея коллекцию из 47 необычайно ценных объектов.

— Думаю, их место — в Польше. Что касается документов, о которых вы упомянули, то они находились за пределами Польши. Внезапно я узнал, что на распродаже в Нью-Йорке, в каком-то из аукционных домов, где с молотка продавались связанные с Фридериком Шопеном памятные вещи, человек, приехавший из Польши и располагавший финансовыми средствами для приобретения одного из писем, которое было весьма важным для Общества им. Ф.Шопена, не купил его, так как ему не хватило тысячи долларов. В итоге это очень важное письмо вместо того, чтобы оказаться в собрании указанного Общества, попало в руки какого-то богатого техасца. И тогда во мне вдруг проснулся «по-

ляк-герой». Откуда? Сам не знаю. А также злость, потому что, если бы я тогда присутствовал там, то для меня эта тысяча не составляла такой уж большой проблемы. Я начал беседовать с друзьями и сказал своей приятельнице, польской пианистке Эве Осинской, постоянно живущей в Париже, что, поскольку она всё время вращается в мире музыки, то, если бы еще раз представилась такая возможность, я хочу, чтобы меня о ней уведомили.

Ну, и возможностей было много, а в какой-то момент оказалось, что я... — второй даритель после Артура Рубинштейна. Это престранное чувство: такая фигура, как Рубинштейн, — повсеместно известный гражданин мира, который родился в Польше, и все эти истории, запутанность нашего прошлого, его еврейство, эта Лодзь, и Польша, и он — пианист, любимый во всем мире. За множество лет он пожертвовал музею столько памятных вещей и важных документов, связанных с Шопеном, его писем — и вот в какой-то момент мне сообщают, что я, выражаясь по-картежному, перебил Рубинштейна в подобных дарениях. Для меня было прекрасно и трогательно, что я мог себе позволить, чтобы столько ценных памятных вещей и писем попали в Польшу. История последних приобретений — это свыше 40 важных в жизни Шопена писем, адресованных им членам своей семьи. Эти документы ранее признали пропавшими, было известно, что перед Второй Мировой войной их тщательно изучали, даже частично напечатали в Польше, но они всегда находились в частных руках родственников Шопена, принадлежали потомкам его сестры. И вдруг во время войны они пропали. Тогда затерялась настолько большая часть шопеновских вещей, что в таком исчезновении не было ничего чрезвычайного, и вдруг по прошествии многих лет эти документы появляются в Америке — частные владельцы писем приняли решение раскрыть их. Не знаю, чем они руководствовались, когда после стольких лет решились на их раскрытие и продажу, но эти люди хотели, чтобы документы очутились в подходящем для них месте. Информировали Национальный институт им. Фредерика Шопена в Варшаве, что они собственники этих документов и готовы приступить к переговорам и продаже. Там, разумеется, всё закипело. Это было нечто вроде бомбы. Естественно, важно было установить подлинность документов. Владельцы позволили провести в Польше изучение и экспертизу, после чего письма вернулись в США. Не возникло ни малейшего сомнения в их подлинности, и тогда начались поиски средств. А поскольку обо мне уже знали и я оказал помощь в нескольких сходных случаях, то обратились ко мне. Меня всё это тоже возбуждало, переговоры начались и... закончились положительно. Всё попало в Польшу, прошла великолепная презентация и выставка. Для меня волнующим был тот момент, когда они оказались у нас в руках и к ним можно было осторожно прикоснуться. Невероятная минута, равно как и сами письма, часто состоящие из, казалось бы, ничего не значащих деталей; но ведь вся жизнь складывается из таких деталей: что ел, о чем думал, куда поехал, слова о том, что какие-то вещи снова у него не получились, характеристики друзей. Я смотрел на эти письма Шопена — они очень напоминают рукописи его партитур. Эти партитуры — они же в сущности сами по себе произведения изобразительного искусства. Полны нерва, творческой жилки и таких эмоций — там видно, когда что-либо не дается ему просто, но через мгновение всё идет иначе, легко. Я рад, что удалось.

— Ваше возвращение в Польшу спустя много лет, Овчарня под Варшавой, этот сад монументальных скульптур. Почему?

— Это мое возвращение в Польшу спустя много лет, воспоминания, давние друзья и места, но также Мексика и ее презентация здесь — они для меня очень важны. Мексика для меня — второе по важности место после Парижа.

И тот момент, когда я открыл сад скульптур Хуана Сориано, — на открытии присутствовал посол Мексики, которого так восхитило это место, что он сказал: «Марек, это место мы сделаем частью посольства Мексики, потому что это место столь великолепно». Тогда мы придумали, что в той галерее, которая возникла в переделанном сарае, сможем выставлять мексиканских художников, но при условии, что в своем творчестве они близки Хуану Сориано. Он не обладал школой как таковой, очень не любил поддаваться влияниям или модам, но существовали художники, которых он знал и чье искусство ценил, и для меня это было важным. Это место, этот са́д скульптур — я чувствовал, что таков мой долг перед ним. Сам сад посвящен только ему. Хуан умер в возрасте 86 лет, и тех художников, чьи работы мне хотелось бы показать в галерее, на мою жизнь наверняка хватит. Начал

я с молодых, первым стал Хорхе Гонсалес, который был одновременно одним из трех литейщиков Хуана, но вместе с тем и скульптором. Хуан давал ему много советов, воодушевлял. В конечном счете тот стал выставлять свои работы — и мне хотелось их показать. Вторым художником был Ксаверий Вольский — поляк, живущий в Мексике, он был соседом Сориано. Хуан очень ценил его работы, они дружили. В этом году я представил Мануэля Ферхеса — это абстракционист и тоже многолетний друг Хуана. Буду и дальше продолжать такие выставки.

— Последнюю выставку в вашей галерее вы открывали вместе с Рикардо Вильянуэва Хальялем, новоназначенным послом Мексики в Польше. Это экспозиция «Из ее альбома» — частные фотографии Фриды Калло.

— Там очень личные снимки, обнаруженные лишь недавно. У всех нас имеются какие-то фотоснимки, которые для нас важны, а эти фотографии оставались под замком 50 с лишним лет. Несколько лет назад открыли большой ящик и показали их широкой публике — это лишь часть найденных фотографий, доступное нам пространство не позволило устроить более обширную экспозицию. Они касаются также ее мужа — Диего Риверы. Рассматривая эти снимки, мы вступаем в ее личный, сугубо частный мир — ее путешествий, ее любви, ее семьи, ее жизни. Это большое переживание.

— Его превосходительство Хальяль во время открытия сказал, что вы большой друг Мексики и подлинный посол мексиканской культуры в мире и что ваши заслуги перед мексиканской культурой невозможно переоценить. То же самое относится к вашим заслугам перед культурой польской. Почему вы всё это делаете?

— Мексика для меня вторая страна, самая важная после Франции — страна, которая меня приняла. Если говорить о Польше, я никогда не перестал быть поляком, и это не меняется со сменой паспорта, потому что это лежит в человеке, внутри него, в его душе. Для меня тогдашнее изменение гражданства — оно было необходимостью, но это лишь технический вопрос, там я располагал другими возможностями.

Возможно, это приходит с возрастом, а может статься, оно всё время где-то сидит в человеке — это желание возвратиться, какие-то сантименты, которые пробуждаются в человеке, и рефлексия: а хороший ли я поляк? Потому что, быть может, не такой уж хороший.

— Это место — почему Овчарня?

— Помню, что, уже будучи хористом в «Мазовше», я ходил из близлежащего Каролина через поля и межи в Подкову-Лесную на богослужения. Это всего в нескольких километрах отсюда, но тут полнейшая случайность: однажды на каком-то ужине я выразил желание когда-нибудь обзавестись еще и домом в деревне, но вместе с тем неподалеку от города. То, что есть тут теперь, — это всего лишь часть. Во время Первой Мировой войны дворец оказался почти полностью уничтоженным. Я начал доставлять сюда из Мексики скульптуры Хуана, чистить парк, стараться разгадать давний рисунок этого места — здесь по-прежнему много красивых старых деревьев. Дом, в котором мы находимся, — это бывший дом управляющего имением, тут две пристройки и старый симпатичный подвальчик. Разумеется, это потребовало много работы, модернизации, приспособления к сегодняшним реалиям, но мне хотелось выдержать и сохранить характер этого места. И скульптуры в саду. С самого начала они были сознательным и полностью продуманным замыслом. И началась моя жизнь здесь, мое возвращение в Польшу и продолжение того, чем я жил столько лет. Это место изначально само великолепно сотрудничало со мной, словно бы предчувствуя мои намерения; часто я прогуливался здесь, лишенный всякой идеи, и вдруг мне сама по себе открывалась какая-нибудь лужайка или пространство — так, как если бы они только и дожидалась возможности принять мексиканскую птицу. Последними прибыли «Бык» и «Тореадор» — они у въезда. И мне кажется, что этого достаточно, — я не хочу, чтобы им было слишком тесно, лучше, чтобы каждая вещь жила своей жизнью... Однако, чтобы теперь это могло выглядеть таким образом и чтобы сегодня имелась возможность прохаживаться по этому саду, должна была пройти целая жизнь.

— Необыкновенная жизнь — полная любви к искусству, мужества и страсти.

— Да, я чувствую себя счастливым, чувствую себя реализовавшимся.

Беседовала Сильвия Кшемяновская

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

В одном из последних номеров «Газеты выборчей» (2012, №213) мое внимание привлекла заметка Доминики Пщулковской под заголовком «Польские девочки хотят больше». Название, что и говорить, скорее, таблоидное и двусмысленное. Но тема оказалась серьезная:

«66% польских пятнадцатилетних девушек хотят иметь престижные профессии — менеджеров, врачей, юристов. Такие амбиции только у 44% юношей. Нас всё больше в вузах, но это не всегда хорошие вузы. Такие ответы дали тинейджеры в ходе международного исследования «Взгляд на образование-2012» Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). (...) Сегодня у нас людей с высшим образованием меньше одной трети. ОЭСР прогнозирует, однако, что в нашей стране вскоре будет самое большое в мире число выпускников высших учебных заведений. Их число растет у нас очень быстро: в 2000 г. вузы окончили 34% молодых людей соответствующего года рождения, а в 2010-м — уже 55%. Заработок у людей со средним или неполным средним образованием — 80% от среднего по стране, с высшим — 169%. Образование по-прежнему в цене. Об этом свидетельствует то, что как число студентов, так и расходы на их обучение возрастают во многих странах, затронутых кризисом. Но не от чего впадать в восторг. Я называю это парадоксом завышенных ожиданий. Высшее образование сегодня в Польше — фетиш. Создан миф, что люди с высшим образованием — это те, кто может рассчитывать на хорошую работу, а люди с рабочими специальностями будут безработными. (...) Тем временем пропорции переворачиваются. Примером может быть политология. "Эту специальность получает множество людей во многих разных вузах, а в общем-то, непонятно, что они могли бы делать, — охлаждает энтузиазм доктор Кшиштоф Бондыра, социолог, специалист по рынку труда. — Увеличение числа людей с высшим образованием связано со снижением его уровня. Несколько лет назад мы проводили в Познани исследование: материалы углубленных опросов показали, что работодатели ценят дипломы трех государственных и одного частного вуза"».

Это правда — уровень высшего образования всё ниже, что, впрочем, не только польская проблема: высшее образование по мере его распространения превращается в получение «бумажки», т.е. диплома, подтверждающего окончание какого-либо вуза, и эта тенденция прослеживается во всем мире, а одновременно, в том числе и из соображений престижа, снижается значение хорошей подготовки по рабочим профессиям, поэтому в высокоразвитых странах каменщиками или слесарями работают иммигранты, зарабатывающие на жизнь. Когда я в 70-х и 80-х жил в Германии, этой работой там занималось довольно много поляков, сегодня в Польше ее выполняют украинцы и белорусы. На это обращает внимание автор: «доклад ОЭСР показывает, например, что высшего профессионального образования, в некоторых странах очень популярного, у нас практически не существует (в странах ОЭСР такое образование получает в среднем 11% молодых людей, у нас — 1%). Исключительно мало у нас и тех, кто защищает диссертацию». В этом направлении, однако, следует отметить тенденцию к росту, связанную с развитием всё более широкой сети аспирантуры, часто заочной.

Но возвратимся к девочкам, которые «хотят больше»: «В массе польских выпускников преобладают женщины: вузы оканчивают 72% молодых полек и только 39% мужчин. Схожая картина и в других охваченных исследованием странах, за исключением Японии и Турции. Но у нас эта диспропорция исключительно велика. Несомненно, так же будет и далее. ОЭСР спрашивала пятнадцатилетних юношей и девушек об их планах. Везде, за исключением Швейцарии, девушки амбициознее юношей и чаще заявляли, что хотят получить профессию, требующую хорошего образования, — от дипломата до журналиста. «Пятнадцатилетние девушки в целом амбициознее юношей в отношении профессиональных планов. (...) Гендерная разница была особенно велика в Греции и Польше», — отмечают эксперты ОЭСР.

Амбиции амбициями, а жизнь жизнью. В статье «Короли липкого паркета» в «Тыгоднике повшехном» (2012, №38) Анна Матея пишет, основываясь на проведенных опросах:

«Из собранных данных мы можем (...) узнать, что на должности рядового работника женщины получали оплату, составляющую 90% заработка их коллег-мужчин; на руководящем посту — 83%. Наибольшие диспропорции установлены для группы лиц с высшим экономическим образованием: в 2011 г. мужчины-экономисты зарабатывали на 43% больше, чем женщины. Заработок женщин-гуманитариев составлял 80% заработка мужчин с таким же, как у них, дипломом. На руководящих постах в крупных (свыше тысячи сотрудников) фирмах женщины зарабатывают меньше мужчин, соответственно 5,7 тыс. злотых и 7 тыс. злотых. Даже диплом магистра делового администрирования не спасает в Польше от дискриминации по зарплате. Половина женщин с такой квалификацией получала зарплату от 6,3 до 8 тыс. злотых. Для их коллег-мужчин низшая граница зарплаты проходит там, где верхняя для женщин: заработок мужчин-менеджеров находится в пределах 8-15 тыс. зл. (каждый четвертый мужчина-магистр делового администрирования зарабатывает свыше 32 тысяч). (...) Причины диспропорций в заработках, по всей вероятности, те же, что и для профессий, которые не требуют столь высокой квалификации и где заработки намного меньше: женщины рожают детей, и хотя бы в силу культурных традиций предполагается, что женщины несут основные тяготы воспитания, по крайней мере в первые годы жизни ребенка. Считается также, хотя повседневный опыт тому зачастую противоречит, что на труд матерей нельзя рассчитывать, а в силу родительских обязанностей они не могут работать так же эффективно, как их коллеги-мужчины (даже если они отцы). В жизни (часто далекой от стереотипа) может быть совершенно иначе: наличие детей и иных, помимо профессиональных, обязанностей побуждает обоих родителей так организовать время, чтобы удовлетворить и требования работодателей, и собственные родительские чаяния. Проблемы на рынке труда в той же мере, как и личные амбиции, сказались на том, что сегодняшние родители успешно усвоили навыки своих предшественников: в жизни нужно заниматься многим сразу, тем более что некоторые роли нельзя разделить. Однако же разница в заработке работников и работниц остается фактом. Таким же, как и закономерность, что феминизированы профессии, где труд сопряжен с усилиями, несоразмерными оплате (медсестры, воспитатели детских садов, школьные учителя, социальные работники). В то же время там, где работа престижна и хорошо оплачивается, среда, как правило, мужская, недоброжелательно настроенная по отношению к профессиональному продвижению женщин и росту их заработка». И еще несколько замечаний из этого текста: «Пожалуй, невозможно подсчитать экономические потери от недооценки и финансового принижения работы женщин. Еще труднее научно корректно оценить степень вызванных этим фрустраций и комплекса недооцененности».

С итогами опросов не приходится спорить, их можно только эффективно игнорировать, иногда и неосознанно. Приниженное положение женщин даже в польском языке представляется системным: крестьянин и крестьянка, рабочий и работница, наконец студент и студентка — окончания грамматического рода здесь очевидны, а если социальное положение выше, ситуация труднее: в школе еще «учительница», а в вузе — «пани профессор». А для таких должностей, как министр, премьер или президент, гендерное соответствие не применяется (в Сейме в последнее время Движение Паликота насаждает термин «министра», что, понятное дело, вызывает или глупые смешки, или ироничные замечания мужской части «национальной элиты»). Если же говорить о феминизме, то отношение к нему польских правых, пожалуй, лучше всего передал в одном из фельетонов Кшиштоф Даукшевич: феминистку они представляют себе женщиной, которая для того борется за разрешение оплодотворения in vitro, чтобы охотнее сделать аборт, лучше легальный. Критическая масса идиотизма в этой сфере у нас давно превышена. Стоило бы принять во внимание слова Октавио Паса, который в эссе «Взгляд на старый мир», критически комментируя молодежный бунт 60-х годов XX века, писал: «Исключение составляет феминизм. Это движение началось, впрочем, раньше и будет существовать еще много десятков лет. Этому процессу суждена жизнь значительно более долгая; хотя его накал в последние годы несколько снизился, мы здесь имеем дело с явлением, предназначение которого — продолжаться и изменять историю».

В этом отношении любопытным представляется несколько простоватый, что, впрочем, в наших условиях неизбежно, фельетон философа Магдалены Сьроды «Феминистки с Бармалеем» в еженедельнике «Впрост» (2012, №37) по поводу назначенного на 14-15 сентября в Варшаве очередного ежегодного Конгресса женщин. Автор пишет:

«“Ничего, только болтаете! Зачем эти сборища, зачем эти конгрессы, чего вы такого добились? Избирательные квоты? Это ошибка. Много шума из ничего!” — говорит журналист газеты, которая одновременно претендует на прогрессивность и плюрализм. То есть об одном и том же одни пишут хорошее, другие плохое.

(...) Я вот задумываюсь сейчас, кто виноват, что (...) в мировом хозяйстве быстро растет экономическая сила женщин. Совокупные доходы женщин во всем мире оцениваются в 13 трлн. долларов. В 2017 г. это будет уже 18 триллионов, что в два раза больше, чем ожидаемый рост ВВП экономик Китая и Индии вместе взятых. К 2028 г. женщины будут принимать решения в отношении 75% средств, предназначенных на потребление в глобальном масштабе. Кто в этом виноват? Феминистки и Бармалей. В то же время неграмотность и жертвы насилия в мире имеют женское лицо. Нет женщин в политике, в масс-медиа они появляются преимущественно для украшения студии. Среди руководителей 500 крупнейших фирм мира (по списку «Форчун-500») женщины составляют лишь 3,6%. 600 млн. женщин в мире исключены из экономической жизни, не готовы к участию в ней. Когда-то женщины не имели прав на образование, труд и даже на опеку над детьми — такова была традиция, зафиксированная в кодексах (например, Наполеоновском). Когда-то ученые утверждали, что так происходит не только по традиции, но и по причине научно подтвержденных фактов, ибо у женщин меньше мозг и они не способны к рациональному и абстрактному мышлению, науке, математике, политике и управлению. Сегодня этих фактов не признают, хотя защитников дискриминационных традиций и стереотипов немало. В нашем правительстве — тоже».

В свое время, когда еще царил глубокий коммунизм, то есть в шестидесятые годы, в прессе писали о феминистках (прежде всего, Бог весть почему, о датских) как о движении женщин, с энтузиазмом срывающих с себя лифчики и сжигающих их на кострах. Приблизительно таким образом представляют себе феминистское движение в кругах, о которых пишет Сьрода. Не говорю уже об инфантилизме такого образа мыслей, стремящегося редуцировать феминизм до идеологии (вообще-то там хватает разных идеологических позиций, но никто не говорит о католической идеологии по той лишь причине, что бывают католики, создающие разные свои идеологии). При этом всё время опускается, пожалуй, наиболее существенный в данный момент аспект. О нем пишет М.Сьрода:

«В нашей демографической пустыне вопрос о том, как использовать огромный потенциал женщин (экономический, экзистенциальный, освободительный), должен стать важнейшим политическим вопросом. Но еще долго не станет. Кто-то все же должен его задавать, и кто-то должен искать ответ».

Пусть даже это не важнейшая политическая проблема, но игнорировать ее — это что-то совершенно неразумное. В одном следует полностью согласиться с автором:

«Революции начинаются в головах, а не на улицах. А Польша задыхается и требует перемен».

Не только, впрочем, Польша задыхается — мир требует, как всегда, перемен. Открытым остается вопрос о том, чего должны эти перемены касаться, как их осуществить и откуда взять необходимые средства. При этом формулирование данных вопросов не может иметь идеологического характера: болтовня о прогрессе в контексте изменения мира — это анахронизм из XIX века: с течением времени меняется всё, и течение времени едва ли можно описывать в категориях «прогрессивности» или «реакционности».

Разумеется, отозвались и правые. В приложении к «Жечпосполитой», еженедельнике «ПлюсМинус» (2012, №37), в цикле статей надрывно муссируется тезис, вынесенный на обложку: «Один хороший учитель математики в маленьком поселке может сделать для своих учениц больше, чем Конгресс женщин», — что, вообще говоря, верно, хотя и не намечает путь к переменам в масштабах страны. В завершающей части внешне интеллектуального текста, которым открывается номер (Марек Магеровский «Безумие аффирмации»), читаем:

«Если кто-то продвигает идеологический проект, за который ему самому стыдно, это означает, что с этим проектом что-то не так».

Стало быть, Магеровский полагает, что если правые проект поддерживают, то его создатели сразу должны стыдиться, ибо из его текста хоть убей не понять, что «не так» в замысле продвижения в политику и экономику паритета и возможности пользоваться преференциями, что само по себе не бесспорно. И хотя эта странная риторическая конструкция построена в сослагательном наклонении, она, как и остальные тексты еженедельника, последовательно антифеминистская.

У нас противники феминизма в большинстве случаев сводят его к вопросу отношений между «дамами и кавалерами». В сущности, к этим отношениям можно свести и всю жизнь, которая, волей-неволей, связана с репродукцией. Разве что это глупо и аморально, как и выискивать двусмысленность в заголовке упомянутой мною в начале обзора статьи «Польские девочки хотят больше». А впрочем, пусть даже и так: почему бы им не хотеть?

Я СЕБЯ ПОЧУВСТВОВАЛ НЕ РОССИЯНИНОМ, А ИМЕННО РУССКИМ...

Беседу с Каролем Модзелевским ведет Татьяна Косинова

— Расскажите, пожалуйста, о России в вашей жизни.

— О Господи. Я же москвич. Чего же мне рассказывать?

— Вот это и интересно.

— Первая моя родина уже не существует, вы ее распустили. Это Советский Союз...

— Да? Мы ее распустили?

— Ну, а кто? Не мы же.

— Мы все.

— У нас есть такие, которые считают, что это мы Советский Союз разбили, но это неправда. Все, конечно. Но больше всех Горбачев, по-моему. Он не хотел, но так у него вышло.

— Он сам не знает, как это у него получилось.

— Ему было бы приятно утверждать, что это было его намерение. Но это явно неправда.

...Знаете, как мне кажется, такие большие страны, которые были во главе империи, можно преобразовать, к примеру, как Китай начиная с площади Тянь Ань Мынь. Это более успешно в экономическом смысле, но я не знаю, понравился бы нам с вами такой путь? Либо можно провести преобразования так, как это произошло в России. Все мы, конечно, ученики чародея. Горбачев — тоже.

— А кто «чародей»?

— Я не люблю историю персонализировать. Чародей — это история, которую мы сами делаем. Но поскольку нас много, мы никогда не знаем, какой будет результат...

Я родился в 1937 г. в Москве. Кажется, не очень хорошо были выбраны место и год для рождения — так мне говорили потом, я не выбирал.

Мой биологический отец в это время учился на последнем курсе бронетанкового училища в Москве, был почти офицером. Его арестовали во время массовых чисток после дела Тухачевского в декабре 1937-го. Мне было три недели, когда его взяли. Так что биологического отца я не видел.

Видел я дядю Зига — Зигмунта Модзелевского, моего отчима. Но тоже не сразу. Он вышел с Лубянки в июле 1939-го. Родился он в Ченстохове. Происхождение у него было совершенно правильное, как в учебнике, — рабочее, в семье железнодорожника он был восьмым ребенком. Он был способным, ему дали возможность окончить среднюю школу. Следует отметить, что это было доступно не всем. Потом, уже в независимой Польше, он поступил в университет в Кракове. Впрочем, как я недавно узнал (ему удалось это скрыть, и даже моя мама этого не знала), студентом он добровольцем воевал в 1920 году. Но не на советской, а на польской стороне. Как только демобилизовался из армии, то вместо того, чтобы продолжать учебу в Ягеллонском университете, ушел в подпольную коммунистическую деятельность. В подпольной коммунистической партии он был «окренговцем» от шахтерского округа Силезии — Домбровского бассейна. Если переводить на советские категории, это соответствовало посту секретаря обкома.

Один раз его арестовали, он убежал. Что это за тюрьмы были в Польше тогда, мне как старому уголовнику просто возмутительно. Другой раз его арестовали — он снова бежал.

— А вы знаете подробности? Как он сумел убежать? Из какой тюрьмы?

— Из следственной тюрьмы, всё из-под ареста, приговора у него не было в Польше. Один раз это произошло, когда его перевозили. После двух побегов его разыскивали. Партия решила перебросить его во Францию, чтобы он там работал.

Во Франции была довольно мощная польская рабочая эмиграция, особенно из шахтеров, так что не случайно, что его выбрали на эту работу. С 1925 до 1937 он был во Франции. Там он успешно окончил École libre des sciences politiques.

В 1937-м он был довольно видным деятелем, членом ЦК французской компартии и руководил польской секцией в ФКП. Его вызвали в Москву. Он уже знал, что это будет не очень веселое путешествие. Но полагал, что, даже если его посадят, когда он приедет, ему ничего не смогут предъявить: ведь он ни в чем не виноват. Так это и вышло. По случайности и его упрямству.

Его посадили в октябре 1937-го, вскоре после приезда в Москву. Но не захотели его просто перед особым совещанием поставить — он же был выдающийся деятель, — хотели сделать открытый показательный процесс или присоединить его к какому-то большому процессу, который бы легитимизировал роспуск польской компартии. Но он не хотел сознаться, что он агент французской и японской разведки. Его пытали, в ледяной карцер бросали, разные вещи делали, но он заупрямился и пережил Ежова.

После падения Ежова он попал в бериевскую передышку. И в июле 1939 г. его выпустили и сняли все обвинения, возвратили ему билет французской компартии, польской уже не было.

В ВКП(б) он не захотел, гражданство советское тоже не взял, но всё-таки остался на свободе и был признанным участником польской политической эмиграции в Москве. Он стал организатором Союза польских патриотов, а потом одним из организаторов армии Берлинга; хотя он вышел из армии, в которой воевал против Красной армии, старшиной, но тут сразу стал капитаном.

Когда он вышел из тюрьмы, то был почти доходягой. И московские поляки поместили его к моей маме, потому что у нее кровать была свободная после ареста моего отца и самая большая комната в коммунальной квартире. Все нам завидовали: в комнате жили только я, бабушка и мама. А мой дедушка уже сидел: он был меньшевик, но я об этом долго не знал. Так что мама моя занялась этим полудоходягой Модзелевским. Она его как-то подняла, и потом это так и осталось.

— А у мамы фамилия?

— Вильтер, Наталья Ильинична Вильтер.

— Она полька?

— В основном ополячилась, но не родилась полькой. Она была, как бы сказать, русская по культуре, еврейка по происхождению.

— Ваш дедушка сидел в какие годы?

— В 1937-м его посадили, а выпустили в самом конце 1943-го, за три недели до смерти. Он уже был совершенно больным, совершенным доходягой. Это уже мой отчим постарался, чтобы его всё-таки выпустили. Я еще был тогда в детдоме. Это был хороший детдом.

— В Москве?

— Да где в Москве? Это было на лесном курорте в Горьковской области, около деревни Безглядово на Ветлуге. Это был детдом для детей иностранных товарищей, которые как раз в это время считались товарищами, а не врагами народа. Детдом был хороший, потому что голода в нем не было. Воспитание у нас было, конечно, советское. Меня туда привезли в ноябре или декабре 1941 г., когда немцы подходили к Москве. Родители поехали в эвакуацию в Энгельс, но меня не тащили с собой, а просто поместили туда. У детей там матери были довольно часто русские, а отцы — главным образом иностранные коммунисты. Но всем нам говорили, что Советский Союз — наша родина, а мы, конечно, воплощение великорусского величия. Так что я в некоторой степени в раннем детстве был воспитан в духе великорусского национализма. Что-то осталось у меня с тех пор. У меня музыкального слуха нет, но единственные песни, в которых я не фальшивлю, это советские песни и песни Великой Отечественной войны. В Безглядове нас учили этим песням. Туда и приехали мои дедушка и бабушка. И там дедушка умер недели через две или три, потому что он был уже на последней стадии туберкулеза, по-видимому.

— А мама никак не пострадала?

— Нет, за мамой моей пришли, но я тогда был у нее при груди. Она считала, что поэтому ее не взяли. Обыск сделали, но из-за меня, грудного ребенка, ее оставили в покое.

— У нее была фамилия мужа? Или она оставила свою?

— Она оставила свою и мне дала свою, хотя я должен был называться Будневич, по всей вероятности. Но она, может быть, не хотела, чтобы я считался сыном врага народа, она дала мне фамилию не отцовскую, а свою. А потом мне переделали фамилию на Модзелевский. И даже имя переменили. Так что я теперь не Кирилл, а Кароль, Карл. Во всяком случае, для меня ни Россия, ни Советский Союз от роду не были чужды.

Конечно, со временем это переменилось. Ребенку, молодому человеку нужно быть в группе, в коллективе, и ему необходимо чувство коллективного тождества. Переход из русского тождества в польское для меня стал некоторым процессом. Я осознал, что этот процесс завершен, в 1956 г., в октябре, когда мы готовились встречать советские танки. Мне было 19 лет. Меня направили товарищи из университета на автомобильный завод «Жерань», чтобы там смычку студентов с молодыми рабочими осуществлять. У меня тогда была первая связь с рабочими. Я готовился вместе с ними бросать в эти танки бутылки с зажигательной смесью. Танки, между прочим, так и не приехали, но двигались в нашу сторону. Тогда я почувствовал, что люди в танках — несомненно, мои противники.

Конечно, может быть, что-то похожее было и в 1981 г., когда мы так же предполагали, что эти танки могут к нам приехать. Я жил тогда во Вроцлаве, и там было очень много советских военных. Недалеко, в Легнице, был центр советских войск Варшавского договора. В 1981 г. во Вроцлаве, между прочим, появилось много рядовых солдат. Их почти никогда раньше не было видно во Вроцлаве, хотя они там жили, была казарма. Офицеры там появлялись нередко. Однажды на вокзале во Вроцлаве я увидел молодого советского солдата, и он показался мне похожим на меня. Я не всё знал про свою фамилию и свою родню, но с 1956 г. знал, что мой отец выжил, вышел из лагеря в 1945 г. и что у меня есть сводный брат. Мать ездила к нему в лагерь, но ничего ему не говорила. Когда ему предстояло выходить, отчим уже был в Варшаве. За две недели до выхода отца из лагеря она увезла меня в Польшу... И вот на вокзале во Вроцлаве я смотрю и думаю: «О Господи, этот захватчик может быть моим сводным братом». Я даже хотел спросить его, не Будневич ли он? Но сообразил, что мой брат должен быть старше. Он, впрочем, служил в Эстонии в артиллерии. Он родился в январе 1950 года.

— Может быть, это мог быть ваш племянник?

— Нет, его детей я теперь знаю. Тогда, в 1981 г., они были маленькие ребятишки.

Так что с этим чувством тождества все не так просто.

Первая любимая женщина, имевшая большое значение в моей жизни, — Екатерина Федусеева, моя няня. Она была крестьянкой, во время коллективизации убежала в Москву и там присоединилась к нашей семье. У меня не было возможности стать ксенофобом или русофобом. У других я это замечал, конечно. Замечал, помимо своего желания. Моя мама это воспринимала болезненно.

Был у нас с мамой такой диалог в 1991 году. Я еще был тогда, на свое несчастье, сенатором, но мой срок уже подходил к концу, потому что каденцию сократили. Я жил во Вроцлаве, но каждую неделю, когда были заседания Сената, приезжал в Варшаву, приходил к маме. Мама моя уже была по-старчески дементная, она не всё понимала. Я ей что-то рассказывал, чтобы занять время. Она на меня так смотрит-смотрит и вдруг говорит: «А партия вам разрешает всё это делать?» Я говорю: «Мама, нет уже партии». Поверила. «Ну, а ГБ вам позволяет всё это делать?» Я говорю: «Мама, нет уже ГБ». — «Что ты говоришь, сынок?! Это совершенно невозможно. Ну, а Советский Союз вам всё это разрешает делать?» Я говорю: «Мама, Советского Союза уже тоже нет». — «Нет Советского Союза? Господи!.. Бедные русские, теперь все будут на них валить, что это их вина была». Неглупо. Хотя мама была уже немножко сумасбродной.

Она иногда называла меня польским националистом, что, по-моему, не было правдой.

— Вы с мамой говорили по-русски?

— Довольно долго главным образом по-русски, а потом по-польски. Но, когда она была взволнована, растрогана, языком эмоций у нее был всегда русский. А жена моя говорит, что я до сегодняшнего дня день начинаю по-русски. Брань — по-русски. Но по-польски брань у меня тоже неплохо получается, в тюрьме у меня было много опыта.

Кроме того читал, конечно. Читал я по-русски с детства и не перестал читать. Нечего и говорить,

литература русская — одна из величайших не только в Европе, а и в мире. Не сравнить нашу литературу с русской, конечно. Я говорю про таких писателей, как Чехов, Толстой, конечно. Не всё у Толстого мне нравится, но «Казаков» и «Хаджи-Мурата» я просто несколько раз пожирал.

Важным для меня было знакомство с Булатом Окуджавой. Он был грузин, правда, но, как он сам говорил, московского розлива.

— Как состоялось знакомство? Расскажите об этом подробнее.

— Мама с ним познакомилась в 1961 году. Мама была членом Союза польских писателей. Она поехала в Москву, потому что руководила изданием полного собрания сочинений Чехова. А раньше она перевела «Куклу» Пруса на русский. Это такой польский позитивистский роман XIX века. Мне не до конца понятно, почему, но «Кукла» имела в России огромный успех. Там было три или четыре издания. Мама заработала деньги, которые потом обесценились.

— Чехова она сама переводила?

— Нет, она собирала польских переводчиков из, между прочим, выдающихся польских писателей, и это издание Чехова редактировала. «Степь» перевел Ивашкевич. Некоторые рассказы перевела Мария Домбровская. Так что это были очень хорошие переводы.

— А до этого не было переводов Чехова на польский?

— Полного собрания не было, а кроме того мама считала, что переводы неудовлетворительные. По этому поводу она ездила в Россию несколько раз. В Москву раз и в Ленинград поехала, была в Тбилиси и там встретила Булата Окуджаву. Он тоже туда приехал, может быть, по каким-то своим родственным делам. И вино они пили в каком-то кабачке. Там сидели они, какие-то грузины и русские офицеры. И грузины посмотрели на тех, других и говорят: «Выпьем за память великого сына грузинского народа Иосифа Виссарионовича Джугашвили». Окуджава перевернул бокал. Но его заставили. Там был кто-то с ними третий, кроме мамы, его заставили: «Что, авантюру* хочешь сделать?». Офицеры сказали, что у них вина нет. Грузины заказали для них сразу бутылку, и все выпили. Но мама подружилась тогда с Окуджавой и привезла пленку. Пленка была просто — ах! И не только для меня. Тут Окуджаву наизусть знали, пели, как умели, но пели все, не только диссиденты.

В Польше «диссиденты» — это не совсем правильное определение. В Польше те, кого сравнивают с российскими диссидентами, — это, в некоторой степени, другое явление. Сами себя называли «оппозицией», деятельность была менее нравственная, а гораздо более политическая. Не говоря уже о 1980 годе, с которого было уже массовое движение. И 1968 год — тоже. Тогда застрельщиками были небольшие группы студентов, которые в некотором смысле имели такой диссидентский характер, может быть, но движение было массовое.

Но в Польше никогда не было такого, как в России, чувства изоляции. Интеллигенция советская, русская теперь тоже, чувствует себя чужой по отношению к народу: мол, мы островки европейские. У нас только теперь происходит нечто вроде эмоционального и культурного раскола между частью народа (по выборным критериям около 25%), которая имеет враждебное отношение к так называемым элитам, в первую очередь к интеллигентским элитам. И это взаимно. К сожалению.

— Это электорат ПИС?

— Да, это электорат ПИС, конечно. Но это дело другое, сложное, и оно объяснимо не по советским и не по русским категориям. Я считаю, что это объяснимо, это можно объяснить, но это другое дело совершенно. Раньше у нас не было этого. У интеллигенции было чувство, что она сильно связана, что ее власть балует, а народ ее любит.

— Когда это было? И в 1950-е тоже?

— Да всё время. Единственный короткий период, который был исключением от этого чувства, что мы у себя, это 1968-1970 гг., до того как был мятеж рабочий на Балтийском побережье и как свергли Гомулку и вместе с ним Мочара и носителей коммуно-фашистской риторики.

Так что не только Окуджава был важен. Но он был очень важен. Можно сказать, что он был причастен к душевному миру не только моему, но почти всех моих знакомых. А у меня знакомых много. Когда я во Вроцлаве жил, еще до августа 1980-го, однажды поздно вечером по улице шли военные из

* Модзелевский хочет сказать «скандал», но употребляет русское слово, аналогичное польскому «авантура». — *Ред.*

офицерской школы, судя по мундирам. Они были немножко подвыпивши. И что же они пели? Они пели про Александра Сергеевича Пушкина.

— На польском или на русском?

— На польском. Русского текста, по-видимому, они не знали. Учили, конечно, русский язык в школе, но не так, чтобы петь. У нас, между прочим, русофобский аспект сопротивления в повседневной жизни заключался в том, что люди учили русский язык, но не учились ему, результаты были незначительные. Пели по-польски, но пели песню русского поэта про другого русского поэта, и фамилию автора, безусловно, знали. У нас все знали Окуджаву.

Я лично познакомился с Окуджавой в 1964 году. Он был тогда в Польше с группой советских писателей — и белорусских, и московских, и ленинградских, наверное. Мы с Яцеком Куронем тогда писали первую версию наших глупостей, которые впоследствии нас привели в тюрьму в первый раз, брошюру с призывом к подрывной деятельности. Булату мы рассказали о наших убеждениях, хотя ничего не сказали о наших намерениях тайно распространять нашу брошюру. (...) То, что мы в итоге распространили, было ничтожно. Это были всего четырнадцать экземпляров нашей брошюры, я их два раза печатал на пишущей машинке — по семь экземпляров каждый раз. Не всё мы раздали в университете, несколько экземпляров припрятали и два, по-моему, удалось передать за границу во Францию. Один попал к Гедройцу в «Культуру», и «Литературный институт» [«Институт литерацкий», издательство «Культуры». — *Ред.*] выпустил это как брошюру, по-моему, в августе 1966 года.

— А как эту вашу активность переживала мама?

— Мама моя была «советская женщина». Сначала она как жена солдата была всегда солидарна и тверда. Она ходила ходатайствовать за меня, когда меня поместили в камеру, где невозможно было работать, потому что там было четырнадцать человек, два громкоговорителя, даже собственных мыслей было не слышно. Тюремное мое положение — это тоже польская особенность в этом большая. Кроме того она... Как сказать «тайное письмо»?

— Ксива.

— Нет, «ксива» — это кличка. В Польше это кличка.

— Нет, в России это «ксива» или «малява». Такой сленг тюремный, жаргон.

— У нас есть такой жаргон — grypsera, и тайное письмо на волю в нем называется gryps.

Мы сидели с марта 1965. (...) Мне рассказывали родные на свиданиях, что в октябре 1966-го, в годовщину 1956 года, в Варшавском университете состоялась известная дискуссия, когда Колаковский и Помян имели выступление, за которое их обоих исключили из партии, у Михника был первый дисциплинарный суд и т.д. Мне это не понравилось, потому что я думал, что надо действовать конспиративно и не столько в университете, а, главным образом, среди рабочих. И я написал тайное письмо — маляву — о том, что нашим намерением была не «салонная оппозиция», а настоящая. Поэтому вместо демонстрации властям своих намерений надо тайком идти к рабочим на заводы и создавать подпольную организацию. Это мое письмо было встречено на воле взрывами хохота, тем не менее его содержание было довольно рискованным.

У меня была дыра в тапочке, в эту дыру я его припрятал. Когда мне сказали, что я иду на свидание, я его вытащил, засунул в спичечную коробку и пошел на свидание.

У меня было личное свидание с мамой. Оно было роскошным: не при длинном столе, с разделительной доской посередине, где с одной стороны разные посетители, с другой заключенные и один надзиратель, а в отдельной комнате, за столом. И сам заместитель отдела охраны тюрьмы, то есть самый гэбэшный из всех тюремщиков, за нами наблюдал. И я эту «маляву» передал при нем.

Мама тогда курила, я тоже. Я вытаскиваю «Спорт» — это самые противные папиросы, мама — свои. Я ей подал зажженную спичку, сам закурил, и потом будто бы это был ее коробок, подвинул его ей. Она посмотрела на меня и положила его в карман. Всё.

После того как это дошло до цели и ребята посмеялись громко во всех местах, где работала электронная прослушка, по-видимому, надзиратель получил оплеуху за то, что он прозевал.

И в следующий раз мама моя опять приехала, опять такое роскошное свидание личное (другие будто бы не личные). Другой малявы у меня уже не было, я не был таким ужасно продуктивным че-

ловеком. Но надзиратель, конечно, был уже более бдительным. Это было осенью, мама была в таком легком плащике, и рукава с заворотами. Мама моя была для тюремщика женой одного из строителей Народной Польши, при котором он был вооруженной рукой. Со всеми заключенными, со мной тоже, он довольно хамовато говорил. А когда приехала мама, он — ручку целовать и каблуками щелкал. Свидание закончилось. И он с улыбкой, не извиняющейся, но такой фальши я давно уже не видел, подошел к маме, сказал «извините» и стал заглядывать за эти отвороты на рукавах. А мама так смотрит на него своими голубыми глазами и говорит: «Я честная женщина». Я чуть не лопнул со смеху. Так что мама вела себя как надо, как подобает советской женщине во всех этих моих перебоях с режимом. Она была гражданкой Польши, но советской женщиной по сноровке, закаленной и стойкой.

И только когда ввели военное положение в декабре 1981 г., у нее на фоне склероза произошло заболевание памяти, так что она стала чуточку сумасбродной. Совсем немного. Но Бернар Гетта, мой друг, корреспондент «Монда» в Польше в 1980-1981 гг., пришел к маме и принес ей для меня сигареты «Голуаз», которые я любил больше всего — только черный табак, и сказал: «Передайте ему». Мама сначала не зажгла свет, потому что еще был день. Пока они говорили, стемнело, но она тоже не зажигала свет. Он мне рассказывал об этом во всех деталях, он даже хотел написать рассказ про это, но не написал, по-моему, до сих пор. Рассказ должен был называться «Reprenez vos cigarettes» («Заберите ваши сигареты»). Он говорил маме: «Вы понимаете, неизвестно, сколько он там пробудет. Он много курит, вы ему передайте на свидании». Это была не регулярная тюрьма, а интернирование: мы сидели как в тюрьме, но режим был гораздо мягче, и можно было передавать разные вещи во время свиданий. Мама говорит: «Нет, заберите ваши папиросы». Он спрашивает: «Ну, почему? Он любит курить». — «Нет, заберите ваши папиросы». — «Ну, почему?» — «Вы знаете...» Мама моя была беспартийной, она была в молодости комсомолкой, но осталась беспартийной. «Вы знаете, я уже больше не могу. Мой отец — его арестовали, его приговорили, он был в лагере, я ему носила пачки — махорку, папиросы. За что его арестовали? Потому что он был коммунистом». У нее все перепуталось, он был никакой не коммунист, он был меньшевик, за это его и арестовали. «Коммунист» у нее значило тогда — революционер, который хочет все перевернуть. «Мой первый муж тоже был коммунист. За то его и арестовали. И я носила ему передачи, папиросы, махорку. Второй муж тоже был коммунист. И тоже он сидел. Сын — раз его посадили, я ему носила передачи, папиросы. Второй раз его посадили, я ему носила передачи, папиросы. Третий раз его посадили... Почему его посадили? Потому что он коммунист, конечно. А я никакая не коммунистка, я простая женщина, и в этом коммунизме не разбираюсь. Я не хочу. Заберите ваши сигареты».

— Бедная мама.

— Бедная, конечно. В конце концов, испугалась, когда узнала, что Советского Союза больше нет.

— Вы ощущали какую-нибудь связь, пусть даже умозрительную совершенно, с теми, кто занимается примерно тем же в России?

— Да. Это зависело от того, что я знал. Во-первых, я знал о процессе Синявского и Даниэля, знал, что был такой процесс. Потом знал про протест против вторжения в Чехословакию, особенно демонстрация на Лобном месте. Людей я не знал, конечно, но это было очень сильно, эмоционально это была очень сильная связь. Тут не было потребности в том, чтобы знать подробности, чтобы эту связь ощущать. Я об этом говорил в своей речи на суде на втором процессе, когда нас за мартовские события 1968 г. посадили.

В 1965-м у меня было досадное чувство, что я говорю впустую в суде, передо мной заурядные судьи. Процесс шел при закрытых дверях, допустили только так называемых «mężów zaufania», доверенных лиц. С моей стороны была мама и моя жена; со стороны Яцека была его жена. И были Мариан Брандыс и Лешек Колаковский. Другой публики не было, допустили только журналистов из самой яростной пропаганды и гэбэшников. В 1968-м пустили немножко публики по пропускам. Процесс вели выдающиеся судьи, очень хорошие юристы. Мой адвокат де Вирион, один из самых известных адвокатов в Польше, сказал: «Кароль, это лучший состав суда для города Варшавы: Сикорский, Сокул и Дептула». Я чувствовал, что есть какой-то смысл говорить и это не пропадет совершенно. Я говорил об одной из наших листовок, которая была посвящена Вьетнаму, а на самом деле речь шла о советском

диктате в Восточной Европе. Этот процесс был уже после вторжения войск пяти государств в Чехословакию. В конце концов я сослался на тех советских граждан, которые не побоялись отдать свою личную свободу за то, чтобы протестовать против вторжения в Чехословакию в защиту их и нашей свободы. Конечно, я ничего больше про них не знал. Я знал, что это диссиденты какие-то, которых, между прочим, и побили еще при аресте. Но кто это, я не знал. Так что с диссидентами лично у меня контактов тогда не было. Я знал, конечно, всё, читал, но личных контактов не было.

Потом, в 1970-е годы, мы уже знали про самиздат, про Солженицына, читали, конечно, «Архипелаг Гулаг». У Солженицына я обожаю его русский язык, его нельзя переводить, по-моему, его надо читать по-русски. Это я проглатывал. Это было печатано сначала в «Культуре», потом он вышел, конечно, и в подпольном издании.

Когда мы с Куронем писали свои глупости в 1965 г. , мы считали, что никакая советская интервенция нам не угрожает. Революционный процесс — международный по своей сути, и Польша — никакой не островок, и наш союзник — советские люди, простые рабочие. Они пойдут вместе с нами против советских танков, где сидят советские танкисты, которые, конечно, тоже перейдут на правильную сторону. Я, конечно, немножко издеваюсь сейчас над собой, рассказывая вам это, но в основном мы так и думали. Так что нам национальный подход к борьбе не подходил.

— Для вас тогда это была борьба с империей? Или с чем?

— Борьба с империей и со строем. Со строем гнета. Чтобы охарактеризовать наше открытое письмо партии самым простым образом, то это было соединение ревизионизма, то есть в нашем случае очень радикального бунта против системы, против строя. Аксиологическая основа этого бунта покоится на том, что этот строй попирает идеалы, которые сам он провозгласил. То есть мы бунтуем против строя как еретики, бунтовавшие против Церкви во имя Бога, то есть во имя идеалов. Подход у нас был как у Джиласа, то есть управляет этим класс, который с помощью каких-то ухищрений скрывает свой классовый характер, ссылаясь на то, что, мол, собственность средств производства государственная, то есть общенародная. Уравнительного знака здесь поставить не возможно. Потому что государственная собственность принадлежит тем, кому принадлежит государство. Так это можно схематично изложить сегодня. Это была довольно утопическая, доктринарная, очень марксистская и ненационалистическая идеология.

После Чехословакии пришлось, конечно, передумать нашу неоправданную надежду на то, что революция в Советском Союзе — дело ближайшего будущего. Мы продолжали считать, что это дело общее, но автоматизма тут никакого не будет.

А в 1980-1981 гг. у нас уже была ответственность за большое движение и в некотором смысле за судьбы страны. Ведь самый важный период нашей жизни, и у Куроня, и в моей, — никак не диссидентство. У Куроня, может быть, еще и перестройка социализма на капитализм после 1989 г., которую он пробовал смягчить, а потом был огорчен результатами. А для меня — это 1980-1981 гг., то есть та единственная настоящая революция, в которой мы принимали участие, да еще на выдающихся постах. Так что много от нас зависело и, между прочим, и от нашего чувства ответственности. И тогда у нас связь была с рабочими.

Так что важное дело мы делали в 1980-1981 году. Что было тогда? Мы, конечно, старались не допустить катастрофы, как-нибудь пройти между Сциллой и Харибдой. И так стараться вести наши дела, насколько мы были в состоянии их вести, конечно, потому что это было во многом стихийное движение, в нем действовали толпы. С ними можно разговаривать, но это нелегко и не всегда получается. Нужно было так вести дела, чтобы не дойти, не довести до крайности, до самых крайних последствий, чтобы избежать столкновения, которое бы сделало неизбежной советскую интервенцию.

В 1997 г. я был на научной конференции, посвященной «польскому кризису 1980-1982 гг., его внутренним и внешним аспектам. Созвали ее историки, главным образом, из Института политических наук Польской Академии наук. Приглашены были кроме историков также и участники событий. Пригласили представителей «Солидарности», польского правительства, представителей Советского Союза и США. Из советских там был маршал Куликов, генерал Грибков, который был начальником штаба войск Варшавского договора. Хотя штаб войск Варшавского договора — не самая важная структура,

самая важная — командование советской армии, но довольно важные персоны. Куликов был главнокомандующим войск Варшавского договора, и он все время ездил в Польшу в 1980-1981-м. Были Ярузельский, Раковский, Каня — в общем, очень солидная репрезентация польского правительства. «Солидарность» слабо там присутствовала. Это был момент, когда у нас после выборов 1997 г. формировалось новое правительство и те, кто в политику пошли, все они были этим заняты и не приехали, были только политические аутсайдеры — я и Збышек Буяк. Ярузельский сначала чем-то возмутился, и я ему сказал: «Господин генерал, не надо беспокоиться, мы с вами рыбы, которым дали голос на заседании ихтиологов». В Польше есть такая поговорка: «У рыб и у детей голоса нет».

То, что там говорили главные «рыбы», было очень интересно, хотя не всегда правдиво. Но даже когда не правдиво, тоже очень интересно. Главный вопрос, который обсуждался, это войдут или не войдут советские войска. По материалам конференции опубликована книжка, она так и называется «Войдут или не войдут?».

— И там состоялись признания российских генералов?

— Нет, они отрицали, они всё валили на Ярузельского — один за другим оставляли на его лбу поцелуи смерти. Грибков начал свое выступление словами: «Вы мне должны верить, потому что я старый фронтовой солдат, который свой боевой путь начал в 1939 году». На этом месте тишина водворилась. Он услышал эту тишину и сказал: «Ну, конечно, на финском фронте». Речь его была абсолютно панславистская, как если бы из имперской идеологии выкрутить уже не действующий интернационализм и в качестве запасной части вкрутить на то же самое место «Мы — славяне». «Мы — славяне, вы должны с нами, ведь Запад возьмет вас под свой сапог. А мы вас будем охранять под своими крыльями. Так что вы с нами. А мы вас никогда не хотели обидеть, это не правда, что мы хотели интервенцию какую-то сделать...»

В 1980 г., за год до военного положения, на границах Польши поставили в полном фронтовом составе 14 советских дивизий на Востоке, две чехословацкие на юге и полторы (одна в полном составе, другая в кадровом составе) восточнонемецкие на Западе — всего 18 дивизий. Был день и час вторжения уже установлен. И была карта, которую послали в польский Генеральный штаб, со стрелками, как эти войска пройдут, и где они остановятся. Мол, вы нам не мешайте, пожалуйста. Они должны были окружить главные польские города и промышленные центры. Потом при их присутствии, а в случае неизбежности при их вмешательстве, мог произойти внутренний переворот, смена правительства на более жесткое, и введение военного положения под советскими штыками. Такой был замысел.

Про это говорили на конференции и американцы, и поляки. У американцев была информация от полковника Куклинского, это был агент ЦРУ в польском генеральном штабе. Кроме того у них были данные космической разведки и аэроснимки — они это все знали. Они рассказывали, как два их президента — еще управляющий страной, но проигравший на выборах Картер и избранный, но еще не управлявший Рейган, — вместе они позвонили Брежневу. То есть, по-видимому, его советнику, потому что Брежнев тогда уже не очень соображал, и сказали, что введение в исполнение этого плана, и передвижение около семисот тысяч человек на 800 км на Запад меняет соотношение сил в Европе. И для того, чтобы восстановить баланс сил, они будут вынуждены в Западной Европе, уже не помню, сколько, разместить дополнительно ракет «Першинг» и «Круз». Этих ракет Кремль очень боялся, потому что создание ответного оружия стоило бы очень дорого. И тогда передумали, план не ввели в исполнение и не вошли.

— И все это было откровением этой конференции 1997 года?

— Про это говорили на этой конференции. Что говорили Куликов и Грибков? «Да какой это план? Это не план, это наметка плана. Никогда мы не были намерены. Это только Войцех Владиславович (так они обращались к Ярузельскому), он хороший патриот польский, хороший товарищ, хороший коммунист. Он знал, что надо так. Он просил, чтобы мы вошли и помогли ему. Мы не хотели, мы никак не хотели, это он всегда».

— Приказа не было.

— Сначала был, но отменили и в конце концов не ввели в исполнение.

— А вся подготовка без приказа, который можно предъявить и который является официальным доказательством, не действительна.

— Конечно. В июне 1981 года было письмо ЦК КПСС в ЦК ПОРП. И тогда был пленум ЦК ПОРП. И в этом письме был перечень обвинений по адресу Кани, который был еще первым секретарем, а Ярузельский уже был председателем совета министров и министром обороны. В этом письме не было принятого обращения «товарищ», только Станислав Каня и Войцех Ярузельский, что означало крайне ругательную речь. «Обещали много раз, что наведут порядок, но этого не сделали. Они нас просто обманывали...» Окончательного вывода не было, но вывод был ясен для всех членов ЦК ПОРП: Москва настаивает на том, чтобы их убрать. И Каню, и Ярузельского. Во время пленума руководитель отделения прессы ЦК ПОРП разослал телексом это письмо во все партийные организации в стране. Это было равнозначно передаче этого текста в руки «Солидарности», потому что многие заводские комитеты ПОРП сотрудничали с «Солидарностью». Мы сразу же это получили. Во Вроцлаве помню такое собрание «Солидарности», на котором ребята были просто готовы давать поддержку нашему правительству и партии. Единственный раз такое случилось, когда этот текст до нас дошел. И на пленуме подало в отставку всё политбюро во главе с Каней, и было голосование с принятием или непринятием этой отставки. И отставка не была принята.

— То есть повторился случай с Гомулкой и октябрьским пленумом 1956 года?

— Нам казалось, что да. Но такой позиции у Кани и Ярузельского не было. Почему Каня и Ярузельский выиграли это голосование? Потому что все военные, члены ЦК, их было довольно много, голосовали за Каню и за Ярузельского. И тут Москва поняла, что, конечно, эти «бетонные» (та фракция, которая показывала Москве: мы надежные, а Каня и Ярузельский ненадежные) никакого влияния не имеют, надо все-таки довести до того, чтобы сам Ярузельский сделал — ввел военное положение. Голосование членов ЦК демонстрировало лояльность военных по отношению к Ярузельскому, ключевая фигура — Ярузельский, и надо работать с ним. Его надо убедить или принудить к военному положению.

А Каня во время той же конференции рассказал, нам, что было 13 сентября 1981 г. заседание Комитета защиты страны (Совета безопасности) и во время него все полковники и генералы вставали и говорили: «Товарищ секретарь, так больше нельзя, так невозможно, контрреволюция нас за горло хватает, а мы уступаем. Надо предотвратить худшее и надо немедленно ввести военное положение». А Каня им отвечал: «Нет такой неизбежности, нет такой надобности, потому что мы еще не исчерпали все политические средства, надо стараться действовать политическими средствами». А через две недели [продолжал Каня. — *Ред.*] после того у меня был телеконференция с секретарями обкомов. Это было уже после чрезвычайного съезда партии, и были уже новые секретари, избранные после съезда. И то же самое: все, один за другим говорили «Товарищ секретарь, так дольше нельзя, надо ввести военное положение...» Какой вывод из этого? Он был первый секретарь, то есть диктатор, но у него в руках не было ни армии, ни полиции, ни госбезопасности, ни партии. Так что через месяц после этого он подал в отставку, и его должность перешла в руки Ярузельского, который был заодно первым секретарем, председателем совета министров и остался министром обороны. А Кищак, министр внутренних дел, был его ставленником и пришел из армии, он руководил военными спецслужбами, он перешел управлять ГБ — госбезопасностью. Удалось ли ему освоить это ведомство (довольно трудно его освоить было всегда) — это другой вопрос, но, во всяком случае, он старался.

Конференция проходила в Яхранке под Варшавой, в таком доме отдыха, впрочем, заурядном довольно, и советские участники были недовольны тем, что не было удобств. Конференция была тайной: СМИ не допустили, журналисты не знали, что люди приехали. Это было странно, но удалось. Это было требование советских участников. Они сказали: раз американцы приезжают, мы тоже приедем. А Валенса тоже не хотел, причем Валенса не приехал, только мы были с Буяком. Только после работы конференции, в последний день, торжественное заседание в Варшаве, во дворце Сташица, было уже публичным. И тут взъярились некоторые журналисты, главным образом Моника Олейник, это очень важная персона в нашем телевидении. И она затребовала участников к себе в программу «Точка над i» на TVN в студию в Варшаву на южной периферии города, в Вилянове. Советская сторона в передаче не могла участвовать, конечно. Олейник потребовала, чтобы от правительственной стороны к ней в студию пришел Ярузельский, а из нас двоих выбрала не Буяка, а меня — не знаю, почему. Впрочем, она провела эту передачу очень плохо.

После передачи Ярузельский обратился ко мне: «Господин профессор, вы на машине приехали?». Я говорю: «Нет у меня машины, господин генерал». Он говорит: «Ну, тогда приглашаю вас в мою». Я говорю: «Ну, что вы, господин генерал, наверное, вы живете в другом квартале, не там, где я». Тут он, конечно, заметил популизм в моих ответах, улыбнулся и сказал: «Вы сидели в моей тюрьме, там, наверное, не было удобно. В моей машине удобнее, вот увидите». Я сел к нему в машину. Как у бывшего президента республики у него, кроме пенсии, есть секретариат и два телохранителя. Один был водителем, другой возле водителя сидел, а мы вдвоем сзади. Они отвезли меня домой. По пути мы с Ярузельским разговаривали. И он рассказал мне такую историю.

Военное положение было подготовлено уже к концу октября 1981-го, в ноябре уже было готово. Кроме одного. Был план, но не было даты и решения вводить его. Мол, за два или три дня до военного положения было совещание в генеральном штабе. «И, вы знаете, вставали один за другим генералы и полковники, командующие дивизиями и большими объединениями и говорили: "Товарищ генерал, так больше нельзя. Кадровый состав на грани психической выдержки. Если мы сейчас не введем военное положение, то мы проиграем это дело"». И он добавил: «Вы знаете, я долго был министром обороны». Я это знал, он стал министром обороны в апреле 1968 года, мне это напоминать не надо было. «Это всё были мои люди, я их возводил на должности. И я впервые подумал, что они могут пойти за другим».

Я думаю, что суть дела в этом. Кремлевское руководство справедливо считало, что положение в Польше создает серьезную угрозу для империи. Они знали, да и Ярузельский знал, что если он будет сопротивляться Кремлю в вопросе о военном положении, если он захочет увильнуть от этого, продолжать игру на время, что против него будет не только Кремль, но и польская армия, польская госбезопасность, польская партия. У Ярузельского, конечно, была очень солидная позиция в армии. Но его уберут. Возьмут другого и сделают то же. Разница в том, что Каня не хотел этого делать и пошел в отставку, а Ярузельский предпочел сделать это сам.

Впрочем, я, конечно, верил тогда, в 1981-м, что нам удастся пройти между Сциллой и Харибдой. Потому что это была моя обязанность — верить в это. Но это была вера не реалистическая. Потому что появление мощного фактора во внутренней польской жизни, который был способен свести на «нет» каждое правительственное намерение, подорвало основы режима. И хотя режим, в смысле схемы решений, не изменился, но он стал бессильным. Но вся жизнь страны руководилась не рынком, а приказом, поэтому ведение хозяйства напрямую зависело от диктатуры: бессильный режим не сумел бы справиться с каждым вопросом. Так что диктатура формально существовала, а реально была бессильной. Провал экономики, который с недели на неделю становился все глубже, неизбежно вел к вспышкам и общественным взрывам. И тогда это могло бы кончиться и внутренним конфликтом, и советским вмешательством. Так что, я думаю, на деле избежать силового исхода было невозможно

(...)

— Вы не осознавали, что совершаемое вами, безусловно, окажет влияние на Россию?

— Я, конечно, так и думал. И знал, что это важно. Но до 1989 г. не отдавал себе отчета, как это важно и как это глубоко входит. А отчет себе отдал во время того же путешествия в СССР в 1989 году. До того в Россию я не ездил. В январе 1956 г. в восемнадцатилетнем возрасте я был там, но еще не совсем соображал. Потом я стал думать, а вдруг мне скажут: ты никакой не Модзелевский, никакой не Кароль, только просто Кирюшка. И ты наш, остаешься здесь. Не посадят, но задержат. И я этого боялся. Несмотря на то что я помнил, что это была когда-то моя родина. Все мое польское тождество построено по приказу: сделайте, пожалуйста, акт брака Зигмунта Модзелевского с Натальей Вильтер, сделайте, пожалуйста, свидетельство рождения как сына Зигмунта Модзелевского. Не было никакого усыновления формального.

— А это делалось российскими властями?

— Нет, польскими.

И вот первый раз я поехал в СССР уже в октябре 1989 г. как историк-медиевист. В Киеве советская Академия наук устроила конференцию «Славяне и Римская империя». Подразумевалась, конечно, восточная Римская империя, то есть Византия. Я поехал с докладом, решился.

Не по своей глупости, а по глупости госбезопасности я уже был тогда сенатором, и я взял дипломатический паспорт. Раз я вооружен этим паспортом, значит, я в безопасности. Приехал я в Киев, и вдруг вижу: во время прений в зале я слышу, что все украинцы говорят по-украински, русские из Ленинграда и Москвы сидят злятся, потому что они не очень понимают. Я тоже не очень понимаю. Я говорю по-русски, и никто не приставал ко мне из-за этого. Но как только украинцы выходили папироску закурить в коридор, между собой они говорили по-русски — им легче было. Они же были киевляне, там улица говорила по-русски тогда.

Потом нас повезли смотреть археологические раскопки в Чернигове, это была большая достопримечательность. В польской группе было человек 8-10, нам дали туристический автобус с водителем. У водителя-украинца был микрофончик, он все время рассказывал, говорил с нами по-русски. Сначала он рассказывал про себя: я из такой-то деревни, уцелел во время голодомора, потому что меня куда-то послали еще до того, как закрыли район, вот сам выжил, а вся семья погибла от голода. Потом зазеленелось уже за окном, он говорит: "Видите надпись «Мемориал»? Сюда года четыре-пять назад я возил машину рабочих с лопатами. Они вышли тут в лесу и сказали мне, чтобы я пошел погулять. Мне стало любопытно, я сделал вид, что ушел, а сам с другой стороны подошел посмотреть, что они делают. А они раскапывают землю, а в земле человеческие скелеты лежат, черепа. Я испугался, ушел. И тут старушка какая-то здешняя собирала грибы. Я спросил: «Бабуся, что здесь было?». А она мне говорит: «Знаешь, сынок, в репрессивные годы, в 1937-1938-м, в 1939-м сюда привозили трактора с двумя прицепами с людьми, взрослыми и даже подростками, детьми. На этом месте они не выключали моторы, а потом возвращались, прицепы были уже пусты». А в газетах я прочитал, что вскрыто место нацистского массового преступления. И тут я возмутился: да как же они могут так обманывать народ! Какие же нацисты? Это же наши! Наши..." Это было место расстрелов ежовского времени под Киевом — Быковня. Оно известно в Польше, потому что часть польских офицеров там расстреляли, как в Катыни. И тут я понял, что в СССР кроме меня уже никто не боится. Значит, это государство обречено, не сдобровать им. Так и получилось.

Из Киева я поехал в Москву. В Москве встретился с братишкой моим. Пошли мы к Бернару Гетта, который еще тогда был корреспондентом, это был 1989 год.

— Вы с ним говорили по-русски?

— По-французски. По-русски он научился говорить, но произношение у него было настолько скверное, что я не мог. По-французски я говорю довольно хорошо, и с Бернаром мы всегда говорили по-французски. И вот мы пошли к нему. Я говорю: «Бернар, у меня четыре дня в Москве. К сожалению. Но я хочу что-то понять. Посоветуй мне, к кому пойти». Он говорит (я его цитирую и не принимаю ответственности за его слова, хотя понимаю, почему он так говорил, я, может быть, даже согласен): «Ты не ходи к диссидентам, они тебе будут говорить про все те нравственные правды, которые тебе давно знакомы. Ты иди к тем, кто работает как интеллектуалы в горбачевском правительстве. Я тебе дам несколько адресов». И он мне дал несколько адресов. Между прочим, был там адрес Отто Рудольфовича Лациса, который в то время был либо заместителем, либо главным редактором журнала «Коммунист». Встреча с ним сильное впечатление на меня произвела, я ее хорошо помню.

Я позвонил ему, мы условились. Я шел с трепетом, вхожу в здание и понимаю, что это верховное святилище идеологической номенклатуры. Выходит господин в пиджачке и говорит сразу же: «Здравствуйте! — и без паузы, — Это развал империи». Я это, конечно, предчувствовал после Киева. «И дело только в том, — говорит, — чтобы нам удалось сохранить нечто вроде Commonwealth'a». Конец фразы он сказал по-английски. Больше меня потрясло не то, что он сказал, а терминология и формулировка, которые были абсолютно вне идеологии. Она было совершенно свободна от оруэлловского «новояза». Он это обосновал, и это было убедительно.

В Домодедове мы сели с братишкой моим в самолет и полетели туда, где он жил, — в Набережные Челны. Это такой город в Татарстане — полмиллиона жителей, построен с нуля на месте деревни. Теперь там стоят здания — типичные хрущобы в стиле «баракко». Впрочем, это не хрущобы, а брежневская постройка. И там я познакомился с таким местным политическим «чичероне» моего брата — Писигин, потом он в «Яблоке» был. По-моему, он был джазменом или рокменом, но прежде всего,

сначала он был рабочим на заводе «КамАЗ». Во время перестройки он стал общественным деятелем, основал политический клуб имени Бухарина. Это мне понравилось, конечно. Я пошел на заседание этого политклуба. Благодаря этому клубу я и со своим братом познакомился. Корреспондент «Монда», мой друг Бернар Гетта приехал в Набережные Челны посмотреть на них, так как они собирались перестроить советскую экономику путем ее кооперации. Бернару это показалось экзотичным, он поехал посмотреть на этих парней. И там его спросили: «В Варшаве был корреспондентом? — Был. — А Модзелевского знаете? — Знаю. — Вот это его брат». Сам мой брат только три года назад узнал, что я его брат. У нас все с опозданием... В общем, пошли мы в этот клуб к Валерке Писигину. И он мне показал одну папку. В этой папке у него лежали вырезанные ножницами из газет «Правда», «Красная звезда», «Известия» статьи, в которых хулили польскую «Солидарность». И в этих вырезках ручкой были подчеркнуты самые важные бранные тексты. Я посмотрел на это и тогда понял, что этот паренек — интеллигентный, способный, харизматичный — не мог слушать радио «Свобода», потому что его глушили. Вместо этого он читал «Правду», «Известия» и «Красную звезду» и подчеркивал то, что ему казалось важным. И он это считал «учебником подрывной работы». Тогда я понял, что мы не декларациями, не фразеологией, а просто фактом своего существования отравляли эту империю. Что это был смертоносный яд, который неуклонно проникал прямо в сердце империи посредством ее же печати. Я, конечно, не верил, что это мы империю уничтожили, но поверил в то, что это очень подмывало ее основы. Это было действие простого примера — это можно! Раз поляки это сделали и это есть у них, действует, их еще не раздавили, значит, это и у нас возможно. Поэтому кремлевские руководители знали, что нас непременно надо раздавить, а не то само наше существование силой примера является смертельной угрозой для империи...

— О своей диссидентской деятельности вы так не думаете? Она не оказывала такого же диффузного проникновения?

— Было три этапа моей деятельности. Первый этап — это крамольная брошюра, которую мы написали с Куронем. Но, по-моему, она в Советский Союз не попала и не имела там влияния. Она попала в Чехословакию, и там ее напечатали, между прочим, студенты, а перевел ее на чешский язык диссидент, если можно так про чеха сказать, но потом он был диссидентом, потому что он был в «Хартии-77», Петр Уль. И ее ребята из чешского Союза студентов напечатали просто на своих печатных станках. И это имело, может быть, некоторое влияние на способ мышления некоторых чешских активистов «пражской весны» 1968 года. В Советском Союзе, по-моему, этого не произошло. Может быть, путем передач радио, я не знаю.

1968 год, несомненно, имел влияние, потому что СССР писали о том, что имели место студенческие волнения в Варшаве и других польских городах. И тут какой-то фактор примера мог свое дело сделать.

В 1980-1981 гг. — так, как я говорил. А потом уже в 1988-м, может быть, даже в 1987-м, еще до провала Народной Польши, если мы примем широкие очертания военного положения, его последствия длились. В это время приехал во Вроцлав какой-то парень из я не знаю какой диссидентской формации. Я его встретил. И был такой Влодек Менкарский, это был рабочий — я все фабрики во Вроцлаве знал, потому что я в 1980-1981 гг. бегал по фабрикам на митинги, на собрания, с руководителями заводскими я встречался, один из них Менкарский, он принимал участие и в подпольной работе. И в моем присутствии пришел этот парень, и Менкарский объяснял ему, как сделать самодельный типографский станок. И показывал ему сито — ситопечать. Он говорил: «Вот смотри, это сито». Развернул, все ему объяснил, тот взял как сокровище, засунул куда-то и поехал обратно. Это единственный случай, который я наблюдал. А поскольку мы революцию насильственную не совершали, нам не пришлось воспользоваться возможностями, которые давало присутствие советских солдат, которые довольно охотно торговали всем, особенно к концу. Когда Народная Польша подходила к концу и Советскому Союзу тоже уже недолго оставалось, один мой товарищ во Вроцлаве хотел купить швейный станок. Он подошел к советским казармам и говорит: «Мне нужно машинку такую купить — тырр-тырр» — он не умел по-русски хорошо говорить. Солдат спрашивает: «Телевизор?».— «Нет, телевизор у меня есть. Мне машинку». — «Ладно, приходи завтра». Он пришел, а тот принес «Калашников».

— Скажите, чувство страха или чувство опасности, которое исходило от Москвы, которое вызывал Советский Союз, когда у вас прошло?

— В Киеве в 1989-м. Я тогда отдал себе отчет в том, что это последние годы Советского Союза. Раньше я этого не подозревал. Я не буду прикидываться мудрецом, который знал это заранее. Теперь таких мудрецов много, только я им не верю. А тогда я сообразил, что дело приходит к концу.

— Вы не читали, как Адам Михник, перестроечные советские газеты?

— Газеты нелегко было достать. Тем более я тогда во Вроцлаве жил, в Варшаве появился в 1989 г., когда приезжал на заседания Сената...

Для поляка провал Советского Союза — это, конечно, победа. Но для русских — вы посмотрите глазами самого простого русского, кем бы он ни был, включая русского интеллигента. Его страна диктовала — мир трепетал. Мир трепетал перед нами, нам было жить ужасно, но мир трепетал перед нами. Теперь все провалилось, а еще и обнищали...

Мне довольно тяжело примириться с неравенством в такой степени, в какой оно выступает в Польше сегодня. Это не значит, что я хочу коммунизм вернуть. Но я вполне понимаю людей, которые такое сопоставление делают. Это как раз не советская и не российская особенность. Хотя русская особенность, не в пример всем другим нациям — для русских это в национальном смысле, возможно, кажется поражением. Для поляков, для литовцев, латышей, для украинцев (что не просто, потому что часть из них в смысле национальной идентичности связаны с Россией), — в общем, для народов и субъектов в этом есть какой-то фактор освобождения. Для великороссов, кажется, нет. Конечно, есть не в смысле гражданском, а не в смысле национальном.

— Ни одно выстраивание идентичности вокруг национальной идеи для русских не удалось, все буксует. Или вылезает в дурацкие националистические формы.

— У нас такое тоже бывает. Теперь, после Смоленска, после того, как у нас стали надувать пузырь русофобии, просто русофобии. До последних президентских выборов я никогда не голосовал за «Гражданскую платформу». Потому что я не либерал, я, в общем, левого толка, довольно красный, если кто-то красный в Польше, так это я...

— После Куроня.

— Примерно того же толка, что и Куронь. Но только я не сделал исключения для начала нашей экономической перестройки и тогда довольно громко орал, что мне это не нравится. Поскольку я был в Сенате, то орать я мог, хотя никто не слушал. А Куронь — ему было обидно. Он не то чтобы обижался, но ему было обидно за то, что я такого мнения, особенно когда я своими высказываниями ущипнул его немножко. Мы не ссорились всерьез и надолго. И вот после Смоленска... Это, конечно, пропаганда партийная, одной из партий. Но это также эксплуатирует такие слои национального сознания, которые довольно живы во многих группировках польского общества: что русские — это угроза. Все эти дела вам, наверное, знакомы. И во время президентских выборов я голосовал за Коморовского... А когда сторонники Качинского орали: «Это не Коморовский, это Комо-русский», — я впервые со времени моего детства почувствовал себя русским. С тех пор, как я готовился советские танки прогнать от Варшавы с помощью бутылок с коктейлем Молотова, я в первый раз вдруг почувствовал, что эта брань, рассчитанная на антирусский шовинизм, относится лично ко мне. И теперь ищу случая сказать это публично. На современном польском языке принадлежность к русской национальности обозначается словом «россиянин», а слово «русский» пренебрежительное, с оттенком презрения. Как в России «полячишка» про поляка или «хохол» про украинца.

— В современной России более корректно говорить «россиянин» и «российский», чем «русский».

— Это я понимаю. Но я себя почувствовал не россиянином, а именно русским. И когда про президента нашего говорят «Комо-русский», переделывают его фамилию из-за того, что он, как выражаются, «русский холуй», то я себя почувствовал русским. Красным и русским. До чего докатились. (Смеется)

— Грустно. Но я думаю, что это не всерьез, это какой-то фарс.

— Думаю, что это фарс, при одном условии. К сожалению, это не так устойчиво. При условии, что у нас не будет экономического провала, вроде Греции или Португалии. Если будет — все возможно. А ПиС — это же мои товарищи, в некотором смысле, из «Солидарности». И Качинского и одного, и другого, я хорошо знал. С обоими был на «ты». Я не хочу хулить лично лидеров ПиС. Но в способ мышления этой партии внедрена склонность к полицейскому государству. То, что они делали, когда были при власти, и вся их риторика антирусская — это, конечно, национализм. Они работают на чувстве фрустрации, на боли, которую вызвало обнищание тех общественных кругов, на которых стояла «Солидарность» когда-то. Поэтому им легко внедряться в националистические стереотипы, вроде русофобских. И германофобских — тоже. Но германофобия почему-то меня меньше задевает, хотя я понимаю, что это глупо и опасно. А русофобия меня просто задевает лично. Подумать только — этого я не знал про себя. Наверное, это мне внедрили за три года в детском доме. Сколько я там был? Недолго. Но, по-видимому, советские детдома были неплохи, раз они такие устойчивые чувства оставляют.

Записано для проекта «Польский миф советских диссидентов» в Варшаве 18 мая 2011. Вся беседа шла по-русски. Опубликовано по-польски в кн.: Tatiana Kosinowa. Polski mit: Polska w oczach sowieckich dysydentów. Kraków-Warszawa: Institut Książki — Nowaja Polsza, 2012. Публикуется в сокращенном варианте. Сокращения авторизованы.

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

- А. Д. Ротфельд, Т. Снайдер о парижской «Культуре»
- М. Хабера, И. Ольчак-Роникер, В. Мастеров о Янушу Корчаке
- Беседа с А. Хвальбой, Р. Сикорским
- Анджей Стасюк специально для «Новой Польши» о культурном наследии, которое не признает границ

Проза

Владислав Мильчарек

Анна Фрайлих

Стихотворения

Мечислав Яструн

Марцин Курек

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
(Свидетельство регистрации средства массовой информации ПИ №77-1063 от 3 ноября 1999 года)
Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:www.novpol.ru

INSTYTUT KSIĄŻKI

©POLAND

Достаточно протянуть руку

Instytut Książki Dział Wydawnictw
al. Niepodległości 213, 02-086 Warszawa, tel. +48226082374, tel./fax +48226082488
e-mail: czaspatron@instytutksiazki.pl
www.instytutksiazki.pl

Cena 8 zł. w tym 5% VAT
ISSN 1508-5589